

Михаил Ушер

УБИЙЦА С ЛИЦОМ
РЕБЕНКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Михаил Ушеревич Ушер

Убийца с лицом ребенка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55012249

SelfPub; 2020

Аннотация

В адвокатском бюро города Коблевска раздается звонок. Адвокат Альберт Кемельман узнает о задержании своего друга – начальника полиции города полковника Снаткина. Его обвиняют в получении взятки в особо крупном размере. Так начинается одиссея адвоката Кемельмана, который не по своей воле втягивается в политические интриги города, в котором стали исчезать люди, как близкие к власти, так и равнодушные к ней. За всеми действиями адвоката наблюдает профессиональный убийца. В романе выведены все типичные "слуги народа", приведшие страну и город к катастрофе. Содержит нецензурную брань.

Содержание

1	5
2	10
3	19
4	34
5	48
6	67
7	75
8	86
9	95
10	101
11	115
12	129
13	143
14	146
15	164
16	168
17	175
18	178
19	187
20	196
21	205
22	209
23	213

24	229
25	239
26	255
27	260
28	267
29	279
30	284
31	289
32	299
33	328
34	332
Конец ознакомительного фрагмента.	341

1

Накануне адвокату Кемельману, блондину с голубыми глазами, приснился сон, что на родной город Коблевск опустилась паутина похожая на рыбацкую сеть, и те, кто притворились спящими и не шевелились, остались живы, а те, кто спросонья стали возмущаться, рвать на себе одежду, ножами кромсать толстые, как канаты, ячейки паутины и требовать немедленно вернуть город в прежнее состояние, были тут же съедены огромным пауком, примчавшимся на звон серебряных паутинок.

Адвокат Кемельман в вещие сны не верил. Смену власти в стране встретил сначала настороженно, как и все нормальные люди, но потом, когда новый министр юстиции сказал, что адвокатское сословие может не волноваться, а наоборот, получит такие права, какие никогда не были у них раньше, даже обрадовался, что адвокатам теперь будет предоставлена такая же неприкосновенность, как и депутатам и арестовать их можно будет только по решению парламента. Оптимизм, правда, поуогас, когда с такими же заявлениями выступили все новые профильные министры, которые пообещали учителям, врачам, инженерам и пенсионерам, что охраной их прав будет в ежедневном режиме также осуществлять Национальное собрание и самыми незащищенными окажутся судьи, прокуроры, работники специальных служб, губерна-

торы и новый президент с новым премьером.

Поэтому, когда соловьиная трель настенных часов внезапно споткнулась на втором такте и часы проблеяли, как ягненок, приговоренный к закланию, адвокат Альберт Кемельман, совершенно не обратил на это внимание. К тому же блянье заглушил проснувшийся городской телефон.

– Альберт Яковлевич? – спотыкаясь на каждом слове поинтересовался кто-то, очевидно, читая с бумажки.

– Да, – ответил Альберт. – Сейчас я занят. Перезвоните, пожалуйста, секретарю и договоритесь о приеме.

Он положил трубку и снова углубился в свои бумаги.

Тут же зазвонил второй телефон.

– Не бросайте, пожалуйста трубку, Альберт Яковлевич, – попросил тот же голос. – Много лет назад, а точнее в год 5755 от сотворения мира в 11 день месяца Сиван в 10 часов утра 39 минут вы положили записку в расщелину камней Западной части Храма, именуемого Стеной Плача. Рады вам сообщить, что все, о чем вы просили, исполнено с лихвой.

– Спасибо, – рассмеялся адвокат, – Записку, как и все туристы, писал, каюсь. Что в ней было написано, не помню. Прошло четверть века. Как я понимаю, теперь я должен раскошелиться? Действительно, мошенничество не имеет границ. Но вы, уважаемый, позвонили юристу. Здесь ваша схема отъема денег не сработает.

– Дело в том, что в это время другой Альберт Яковлевич Кемельман тоже положил записку в Стену Плача. Но испол-

нение его просьбы было отложено на четверть века. Он не знает, что через три дня начнут исполняться все желания его далекой молодости.

– Какая трогательная история, – саркастически произнес адвокат. – Такое впечатление, что я должен теперь нести ответственность за чью-то ошибку в Небесной канцелярии?

– Может быть, я неясно выражаюсь, – продолжил собеседник, – но вы исчерпали лимит исполнения желаний, рассчитанных на всю жизнь. Тучные года вашей жизни уже состоялись без всяких усилий с вашей стороны. И теперь все будет зависеть в вашей жизни только от вас самих. Будете добывать хлеб свой насущный в поте лица своего и страдать от своих собственных поступков и мыслей.

– Вы меня сильно напугали, – насмешливо сказал Альберт Яковлевич. – В этой жизни я всего достиг сам. Я сам капитан своей судьбы.

– Но эти три дня вашему тезке еще надо будет как-то прожить, – продолжил гнуть свою линию незнакомец. – Поэтому не могли бы вы помочь ему сейчас материально, а за это вам прибавится три дня для исполнения еще не исполненных желаний.

– Это уже конкретный разговор, а не демагогия, – усмехнулся адвокат. – Ловко вы подвели к деньгам. И что, есть идиоты, которые клюют на ваши предложения?

– Я просто хотел напомнить вам, что не оскудевает рука дающего, а не берущего.

– Я все понял, – сказал адвокат. – Я в сказки не верю. На учете у психиатра не состою. И по средам я не подаю.

– Ну тогда флаг вам в руки, капитан, – двусмысленно сказал незнакомый человек.

Альберт молча положил трубку и тут же набрал номер телефона полковника полиции Снаткина.

– Павлуша, – попросил адвокат, – ты можешь пробить мои городские телефоны?

– А в чем дело? – поинтересовался полицейский начальник.

– Ничего страшного, мне кажется, что появилась новая схема отъема денег у граждан. Я просто хочу знать, кто и откуда мне только что позвонил.

– Добро. Покедова. У нас для хороших людей тайн нет. Найдем даже под землей.

Через несколько минут телефон завершал как резаная свинья. Альберт молча и осторожно поднял трубку.

– Сейчас Павлуша тебе не поможет, потому что его принимают работники прокуратуры. А не позвони ты ему, улетел бы он завтра в Испанию, на Тенерифы. Я же предупредил тебя, что везение закончилось и придется отвечать за свои поступки и намерения.

Тут же завопил второй городской телефон и адвокат Кемельман схватил трубку как спасательный круг. Теперь он сидел обвешенный телефонными трубками и мысли метались как футбольный мяч. Слева кто-то явно ненормальный,

пытался уговорить его добровольно расстаться с деньгами, а справа следователь прокуратуры Горпищенко сообщал ему о том, что Павел Иванович Снаткин, начальник полиции города, задержан за получение взятки в особо крупном размере и просит Альберта Яковлевича немедленно принять его дело к производству.

Трубка справа запиликала короткими гудками.

В трубке слева словно онемели, очевидно удостоверились в том, что полковнику полиции Снаткину сейчас действительно не до проверки городских телефонов адвокатского бюро.

2

– Кто бы мог подумать... – сказал следователь Горпищенко, тридцатилетний мужчина с подвижным лицом, которое могло одновременно выражать разноплановые чувства, например, скулы и рот выдавали скупое страдание, а глаза, наоборот, радовались. Поэтому подследственные терялись в догадках, добрый перед ними следак или зверье. Умение выражать свои противоречивые чувства двигающимися скулами, ртом, складками лба, могли ввести в ступор и обмануть многих людей. Мастер психологических капканов, Горпищенко по настоящему презирал всех, кто оказывался в его власти и угождал перед теми, от кого зависела его жизнь.

– Что случилось? – спросил Альберт, присаживаясь к столу Горпищенко и дружески пожимая его руку.

– История, конечно, темная, – начал следователь издалека. – Поступил сигнал буквально час назад, – он взглянул на свои швейцарские часы, которые были не дешевле, чем часы адвоката, – Так, мол и так, полковнику полиции Снаткину несут взятку в сумме сто тысяч долларов. Кто несет и зачем, не сообщили.

– Сигнал поступил в устной форме? – уточнил адвокат.

– Это не имеет значения, – сгустились складки на лбу Горпищенка. – Мы едва успели организовать группу захвата. Но процессуально сделано все на высочайшем уровне. Кино, по-

нятые, деньги. Павел Иванович так растерялся, что фактически тут же признал вину. Когда имеются неоспоримые доказательства, адвокаты становятся опаснее прокуроров. Потому что своим присутствием на допросах цементируют обвинение.

– Это так не похоже на полковника Снаткина, – удивился адвокат. – Я знаю его много лет.

– Первая реакция была такой, как я обрисовал. Мы ее зафиксировали видеосъемкой, так что комар носа не подточит. Честно говоря, – широко зевнул Горпищенко, – я бы посоветовал семье не тратиться на адвокатов. Будет, к сожалению, сидеть. Однако сделка со следствием может вывести Павла Ивановича на мелководье...

– А что, взятокодатель, уже дал показания?

– Все путем, Альберт Яковлевич. Человека держим в надежном месте, поскольку знаем на что способен Павел Иванович. Пойдете к задержанному или привести его сюда для беседы?

– А почему вы допрашивали полковника без адвоката?

– А кто сказал, что мы его допрашивали? Господин Снаткин сам изъявил желание объяснить происшедшее.

«И там, и здесь разговор будет записываться, – подумал адвокат, а вслух сказал: – Пусть Павла Ивановича приведут сюда.

– Как прикажете, господин адвокат, – Горпищенко встал и театрально пригласил Альберта занять его место. – Минут

тридцать хватит? – улыбнулся следователь.

– Может и хватит, а может и нет, – сухо ответил Альберт.

В эту же минуту зазвонил мобильный телефон. Альберт увидел лицо Вики, секретаря, и ответил «Да»

– Ты меня искал? – спросила она улыбаясь. – Искал, – ответил Альберт. – Есть поручение – нужно срочно поменять номера городских телефонов.

– Зачем? – удивилась она.

– Я потом тебе все объясню, – прошептал он и отключился

* * *

Полковника Снаткина привели в кабинет следователя через несколько минут. Его руки были закованы в наручники, но зато красное мясистое лицо с узкими казахскими глазами выглядело удивительно спокойным.

– Снимите с него наручники, – попросил конвойных адвокат.

– Не имеем права, – ответил один из них, – без разрешения следователя.

– Ну так пойди и получи разрешение, – раздраженно сказал Альберт.

– Инструкция не позволяет оставлять задержанного с одним конвоиром, – насмешливо произнес второй охранник и покачал головой, мол, адвокат, а законов не знает.

– Я не могу работать с человеком со связанными руками, –

подавив в себе гнев и как можно спокойней произнес Альберт.

– Алик, не кипятись, – сказал задержанный полковник, – времени у нас с тобой в обрез. Я могу и так с тобой переговорить. Не пугай ребят, они люди подневольные.

– Горпищенко знает, что я не буду работать с тобой в наручниках. В конце концов, ты не убийца, не грабитель, не хулиган. Ты, между прочим, еще начальник полиции города. Для чего тогда эти понты? – возразил адвокат.

– Ну формально он прав, – смутился Снаткин, – а по сути гнида прокурорская.

Альберт набрал по мобильному номер Горпищенко.

– Алексей Викторович, снимите со Снаткина наручники. Между прочим, он еще начальник полиции города, – сухо попросил он следователя.

– Хорошо, что вы мне напомнили, – хмыкнул Горпищенко. – Я только что получил бумагу об отстранении Павла Ивановича от должности начальника полиции города на время расследования. Принести ее вам?

– Я не буду работать с ним, если он останется в наручниках, – пригрозил адвокат.

– Я так думаю, – спокойно произнес Горпищенко, – что у нас в городе адвокатов, как собак нерезаных. Поэтому можете уйти. Я позвоню дежурному адвокату, который не будет здесь командовать. Кроме того, договор со Снаткиным вы еще не заключили...

– А как я могу заключить договор с подозреваемым, если у него руки закованы в наручники? – парировал Альберт, но уже без прежнего напора.

Столь наглое поведение следователя говорило о многом. Во-первых, что в глубине серьезных кабинетов, дали добро на показательное наказание Снаткина, а во-вторых, там, очевидно, уверены, что обладают железобетонными доказательствами его вины.

– Передайте телефон одному из конвойных, – приказал Горпищенко.

Альберт знаком позвал к себе охранника и передал ему свой мобильник.

Охранник слушал распоряжение следователя и молча кивал головой, затем вернул телефон адвокату, подошел к Снаткину и отстегнул наручники.

– Если что, мы за дверью, – ни с того, ни с сего сказал он и махнул рукой своему напарнику, мол, пошли.

Умные восточные глаза Павлуши просияли. Он потер затекшие руки и пошел к столу, за которым сидел адвокат. Несколько секунд они молчали, выжидая, когда останутся одни.

Альберт дал знать рукой о том, что их разговор, возможно, будет прослушиваться и записываться.

– Понятно, – согласился полковник. – С чего начнем?

– С заключения договора. – деловито объявил адвокат и вынул из своего потертого рыжего портфеля необходимые

бумаги. – Подписать нужно здесь и здесь.

Павел Иванович добросовестно расписался там, куда показал Альберт.

– Что же вы, господин Снаткин подписываете договор не читая? – нарочито громко сказал адвокат.

– Это же не приговор, – сострил полковник.

При этом адвокат придвинул задержанному листок бумаги, на котором большими буквами было написано одно предложение.

«Все самое важное только письменно».

– Ага, – согласился Снаткин и подмигнул Альберту правым узким глазом.

– А теперь начнем с самого начала, – предложил адвокат. – Тебя подозревают в получении взятки в особо крупном размере...

– Я ответственно заявляю, – громко произнес Снаткин. – Это провокация. И все от городского прокурора до последней шавки это знают, но делают вид, что поймали оборотня в погонах.

– Можно поподробнее, – попросил адвокат. – Как все произошло? Кто пришел? Сколько принес? Что просил? Трогал ты деньги руками? Остались следы специальной краски на руках?

– Алик, – неожиданно возбудился полковник. – Перед тобой сидит матерый ментяра, прошедший суровую школу жизни. Я в рабочем кабинете, как ты знаешь, взятку не беру,

о работе с друзьями и знакомыми не разговариваю. Потому что я не знаю, сколько микрофонов меня слушают. Даже в аквариуме с пираниями, которых ты так любил подкармливать, заложена микрокамера с обзором в триста шестьдесят градусов.

– Стоп, – сказал адвокат. – С этого места тщательнее. Откуда тебе известно о камере?

– Мир не без добрых друзей, – умно ответил полковник. – У меня в дверях кабинета нет замка. Это моя принципиальная позиция. Любой гражданин и любой сотрудник в любое время, если я там нахожусь, может меня найти без записи и разрешения. По другому начальник полиции работать не может. А если может, то это уже не полиция, а что-то другое.

– Ты хочешь сказать, что все твои действия в течение сегодняшнего дня зафиксировала микрокамера?

– Я даже уверен, что эти суки, – Снаткин показал пальцем на входную дверь, – уже ее сняли и все изучили. И сейчас думают о том, как красиво выйти из этого положения.

– Горпищенко уже побежал за букетом роз, – умилился адвокат. И тут же сказал: – Подведем предварительные итоги: у нас есть микрокамера, которая объективно зафиксировала весь процесс. Чем же конкретно она может нам помочь?

– Я являюсь акционером титанового комбината, – сообщил Снаткин. – Ну чтобы быть совершенно точным, акционером является моя жена Таисия. Эти акции лежали у нас лет десять без всякой надежды на прибыль. Комбинат был

постоянно в тяжелом финансовом положении и акции бесполезно пылились в коробке с моими грамотами и медалями. А месяц назад ко мне пришел один из собственников комбината, да ты его знаешь, Аркадий Кеосаян. У него начались какие-то терки с партнером. Партнер его живет в Питере, имеет сорок девять процентов акций, а Аркашка только сорок один. Вот он тут же сообразил, что если наши акции купить, его партнер становится младшим научным сотрудником, а сам Аркан хозяином предприятия. Он предложил мне сто тысяч баксов за них. Короче, дней пять назад мы все бумаги оформили на Кеосаяна, а бабки он обещал подогнать попозже, пока соберет их или одолжит. Вот сегодня он и прислал человека ко мне. Я не успел даже коньяк по стопкам разлить. Ворвались в кабинет, положили нас на пол, схватили целлофановый пакет с деньгами. Все снимали на камеру и кричали как полоумные, деньги чьи. Вот и вся история.

– Ты сказал «представитель завода». У него была с собой доверенность?

– Послушай, Алик. Все бумаги на акции мы оформили заранее. То есть моя жена все подписала и передала акции Аркадию, как и предусмотрено законом. Ты хочешь сказать, что человек этот был не от Кеосаяна? Ну может быть, это был не представитель завода, а представитель гражданина Кеосаяна. Так тебя устроит? Человек принес деньги. Перед этим мне позвонил Аркадий и сказал, что деньги уже в пути. Я

должен был проверить документы этого человека? Я даже не знаю, как его зовут. Я сразу сказал Горпищенко, что это деньги мои и объяснил их происхождение.

Красивое лицо адвоката сморщилось, как от зубной боли.

– Я что-то сделал не так? – спросил полковник.

– Как к честному человеку и гражданину к тебе претензий нет, но как опытный полицейский, ты допустил одну непростительную ошибку. Ты заговорил раньше, чем встретился со своим адвокатом. Таким образом, ты уже лишил себя права на вариативность версий происшедшего.

– А зачем мне что-то выдумывать? – искренне сказал Снаткин. – Правда, она и в Африке правда. – Пусть посмотрят фильм об одном дне из жизни полицейского начальника и поймут, как они облажались.

3

В ста метрах от кабинета Горпищенко, в подвальном этаже городской прокуратуры, в комнате, предназначенной для собраний трудового коллектива, шло совещание оперативно-следственной группы.

За узким длинным столом сидели следователь Горпищенко и два оперативных сотрудника местной службы безопасности. Перед ними, развалившись на пустых стульях, тихо переговаривались между собой остальные оперативники, наспех собранные из аппарата областной полиции.

– Я прошу каждого из вас перед докладом о проделанной работе, представляться, – сказал Горпищенко. – Таким образом, мы не только продуктивно поработаем, но и познакомимся друг с другом. Кто руководил обыском рабочего кабинета Снаткина?

С третьего ряда стульев поднялся опер с помятым лицом и в желтом свитере.

– Капитан Пустовойтенко, – медленно сообщил он. – Обыск начался в 13–30 и закончился в 15–00. Протокол составлен и передан Вам. Ничего интересного не найдено.

– В протоколе значится аквариум с рыбками, – нашел на столе протокол следователь. – Воду из аквариума сливали?

– Чего? – изумился капитан Пустовойтенко.

– У вас что-то со слухом, капитан? – нахмурился Горпи-

щенко.

– Нет, не сливал, – ответил опер.

– Рыбок жалко, – хохотнул кто-то из присутствующих.

– Я вторые сутки на ногах, – обернулся на смех капитан Пустовойтенко. – У меня два трупа в разработке. А меня сюда кинули, чтобы аквариумы чистить?

– Свободен, – сказал Горпищенко.

– В каком смысле? – спросил недоуменно Пустовойтенко.

– В самом прямом, – сгустил на лбу складки следователь. – Если понадобится гавно руками разгрести, чтобы найти доказательства, будете разгрести, капитан. Свободен до утра.

Опер Пустовойтенко махнул головой и шатающейся походкой вышел из комнаты. В наступившей тишине Горпищенко обвел взглядом зал, поднял еще один протокол и спросил:

– Кто допрашивал Пермана Юрия Львовича?

– Я.– поднялся круглолицый румяный парень. – лейтенант Скворцов.

– Ваши впечатления о допрошенном?

– Мутный он какой-то, – начал оправдываться Скворцов. – И потом, он воняет, как сурок. Ни с того ни с сего обливается потом, который отравляет воздух в кабинете. Я считаю, что это у него такой способ защиты.

– Вы допрашивали его три часа, – потрясая протоколом, грозно заметил следователь. – Вы исписали четыре листа своим куриным почерком, который невозможно разобрать. Где подпись допрошенного?

– Он отказался подписывать протокол, – объяснил лейтенант.

– Почему? – поинтересовался Горпищенко.

– Я же говорю, что он какой-то странный. Может псих. Я ему дважды прочел протокол, а он отказался его подписать, мотивируя тем, что мой почерк трудночитаемый...

– Я же выделил вам кабинет с компьютером, – зловеще произнес Горпищенко. – Этот Перман, умнее вас, лейтенант Скворцов ровно в два раза. Вы понимаете, что вы срываете ход расследования? Перман – это взяткодатель. Он должен был показать, за что он передал Снаткину сто тысяч долларов. А что вы с его слов тут нацарапали? Шел в булочную, споткнулся о пакет, увидел американские деньги, испугался и прибежал к начальнику полиции, чтобы их отдать, может хозяин впоследствии найдется.

– В протоколе стоят подписи понятых, которые подтвердили отказ этого... Юрия Львовича подписать протокол, – оправдывался Скворцов, нервничая, отчего румянец, как ожог, поджарил его обе щеки. – И я не виноват, что принтер не херачит, а вы каждые полчаса требовали положить его показания на стол.

– Этими показаниями даже подтереться нельзя, – подвел итог Горпищенко и передал протокол одному из оперативников службы безопасности.

– Вы случайно по маме не еврей? – спросил не поднимая головы представитель государственной службы безопас-

ности.

– Никак нет, – отвечал лейтенант полиции.

– Если к утру мы не получим от Пермана тех показаний, что нам надо, – не поднимая головы от бумаги, негромко сказал мужчина, – мы тебе сделаем обрезание по всем правилам Талмуда. Встал и пошел работать. Петренко, – обратился он к мужчине в последнем ряду, лицо которого обрамляла ухоженная небритость, – дай ему в помощь двух своих пацанов. Но не дай бог, если этот Фердман к утру отдаст богу душу или впадет в кому. Ты меня понял?

– Так мы же не пальцем деланные, Василь Васильевич, – поднялся Петренко и улыбнулся.

– Перман, – поправил Василия Васильевича Горпищенко.

– Перман, Фердман... Для меня они, как китайцы, все на одно лицо, – объяснился оперативный работник службы безопасности.

Лейтенант Скворцов с горящим от волнения лицом в сопровождении Петренко покинули комнату.

И в этот момент зазвонил телефон Горпищенко.

По номеру звонившего Алексей Викторович сразу же определил, что звонят из радиотехнического кабинета, расположенного рядом с комнатой, где так неудачно началось совещание оперативно-следственной группы.

– Слушаю, – сказал Горпищенко, поглядывая на молчащих в комнате людей.

– Алексей Викторович, это я, – радостно сообщил ему

советник прокурора города по компьютерным технологиям Петров. Вся обязанность Петрова и подчиненных ему людей заключалась в том, чтобы прослушивать беседы подследственных с адвокатами и между собой, если вдруг их намеренно оставляли друг с другом.

По прокуратуре ходили слухи, что Петров и его «опричники» пишут и следователей, и помощников прокурора и оперативников, откомандированных в прокуратуру и что эти записи регулярно слушает прокурор, а особо увлекательные, касающиеся интимных отношений или критики действий прокурора, по его указанию распечатываются и попадают в синюю папку. Поэтому с Петровым, худощавым очкариком, преданным прокурору, как собака, говорить приходилось вежливо и уважительно. Не исключалось, что и оперативное совещание по делу Снаткина также писалось.

– Слышу, – поддакнул Горпищенко. – Есть свежие новости?

– В аквариуме Снаткина находится микрокамера. Она установлена уже давно, но что интересно, Снаткин о ней знает...

– Кем установлена? Снаткиным? – удивился Горпищенко. – Или твоей конторой?

– Обижаете, Алексей Викторович. Мы так глубоко не бурим. Это, скорее всего, служба безопасности или наркоконтроль. Если хотите видеть картину дня, несите мне ее вместе с постановлением об обнаружении и изъятии. В суде это

будет бомба.

– Благодарю за службу, – похвалил Петрова следователь и прекратил разговор.

– На сегодня все свободны, – объявил он. – Завтра в девять утра продолжим.

Вздых облегчения пронесся по рядам.

Горпищенко повернулся к Василию Васильевичу. Если бы он не знал, что Василий Васильевич Скоморох был майором и исполнял обязанности начальника отдела по борьбе с коррупцией службы безопасности, он никогда не поверил бы, что человек с лисьим выражением лица, глубокими залысинами и глазами навывкате, в скромном помятом сером костюме с серым галстуком, мог трудиться в таком отделе. В толпе Скомороха можно было принять за кого угодно, учителя труда, бухгалтера, безработного. Наверное, безличные внешние данные играли немалую роль в приеме на такую службу, но зацепиться можно случайно, а вот пригреться навсегда означало какой-то талант, который, наверное, был виден тамошнему начальству.

– В кабинете Снаткина, в аквариуме, обнаружена микрокамера, – тихо сообщил он Скомороху. – Это уже, наверное, по вашей части, Василий Васильевич. Я подгоню сейчас понятых, а вы, пожалуйста, оформите изъятие как и положено. Наши технари уже ждут ее с нетерпением.

– Кругом – один бардак, – пожал плечами Скоморох. – Что это за обыск, если микрокамеру сразу не нашли? А

по поводу того, кто ее там поставил, мы еще разберемся. И я не удивлюсь, если вдруг выяснится, что Снаткина писали и слушали, вы, прокурорские. С чего бы это ты опера чуть до инфаркта не довел? Почему воду в аквариуме не поменял... – передразнил он следователя. – Получается, ты целый день знал о микрокамере и водил всех за нос? Василий Васильевич направил свои базедовые глаза как окуляры бинокля на Горпищенко, который вдруг ощутил неприятный холодок в желудке. Так бывало с ним, когда он проплывал в кабине фуникулера над пропастью. Страх высоты подступал к самому горлу и ничего с этим нельзя было поделать. – Если бы камеру ставили мы, – продолжил майор Скоморох как ни в чем не бывало, – мне сообщили бы об этом еще вчера. Мы здесь не на посылках, а для контроля, чтоб все шло как надо. Первым делом надо передопросить этого Фердмана...

– Пермана, – подсказал Горпищенко.

– Вот именно. А заодно и Снаткина. Кто у него адвокат?

– Альберт Кемельман, – ответил следователь.

– Будет путаться под ногами, я лично приму меры. Мне начальник налоговой уже голову прогрыз насчет этого адвоката. Представляешь, нашел в акте проверки налоговой ссылку на закон, который был отменен до начала проверки и требует от государства вернуть миллионы гривень этому проходимцу Ганапольскому. А заодно еще и моральную компенсацию в сотни тысяч. Как это получается, что все дела, которые он ведет в судах, всегда заканчиваются его победа-

ми? У нас в судах, слава богу, нет ни одного еврея. Почему же судьи всегда соглашаются с его доводами? Какие у тебя есть на этот счет размышления?

– Все дело в текучке, – осторожно ответил Горпищенко. – У нас на каждого следователя по сто дел в месяц. При такой нагрузке, мы, конечно, допускаем ошибки. А Альберт, адвокат грамотный, умеет зацепиться за торчащую в деле белую нитку и размотать клубок.

– Все это глупости, – безапелляционно заявил Скомо-рох. – По моим негласным данным, он платит каждому судье бабки. Ты знаешь размер его гонораров? Я как-то подослал своего агента к нему, так он за час снял с него триста бак-сов. Я, пожалуй, опять включу его в свою разработку. Дай мне допросить Снаткина в присутствии адвоката. Я хочу по-нять, в чем он силен и вывести его на нашего судью-агента. Вот тут мы его и хлопнем. Кстати, еще одна странная зако-номерность. Этот адвокат еще ни разу не вел дела у наше-го судьи. Это подозрительно. Инстинкт самосохранения или наша недоработка?

– А что, если это подстава? – вслух высказал свои сомне-ния Горпищенко. – Мы получаем запись сегодняшнего дня, на котором придурок Перман объясняет Снаткину, что на-шел деньги на улице и принес их начальнику полиции, чтобы тот нашел их владельца. Ведь, если эту камеру поставил сам Снаткин, она может работать выборочно, чтобы быть дока-зательством отсутствия вины начальника полиции?

– Интересная мысль, – как бы проснулся коллега Василия Васильевича и щелкнул своими огромными зубами. – Этот Снаткин – видно, жук опытный. Сам поставил камеру, сам ее редактирует, сам устраивает нужные постановки...

– Вы оба – идиоты, – прошипел Скоморох и разыскал одну из бумаг на столе. – Вот объяснительная Снаткина. «Это деньги мои, – пишет он своей рукой. – Это цена акций моей жены. Мы продали их Аркадию Кеосаяну за сто тысяч долларов. Он может это подтвердить.» Кто такой Кеосаян?

– Я вызвал его завтра на допрос, – пояснил Горпищенко. – Аркадий Кеосаян – совладелец титанового завода.

– Вот с него и начнем, – решительно сказал майор. – А с микрокамерой поступим таким образом. Изымем ее, посмотрим и если она нам не нужна, утопим в Южном Буге. Если там что-то будет полезное, оформим все необходимые бумаги и приобщим к делу как доказательство. – Про объяснительную я знаю, – оправдательно пояснил следователь, – Сам отбирал. Но почему он открыто об этом говорит с адвокатом? Если камеру ставили специальные органы, откуда он знает, что его вели и записывали... Слишком все как-то туманно. Мы ее не ставили, вы ее не ставили. Кто же, кроме Снаткина, мог ее поставить? Чувствую, что эта микрокамера нужна нам, как геморрой. Предположим, Кеосаян завтра покажет, что ничего у жены Снаткина не покупал и денег не передавал. Что мешает Снаткину заявить, что это деньги его и он одалживал их Перману, а Кеосаяна приплел к делу,

так как не помнил о чем он говорил, лежа на полу в гипертоническом кризе. Мы должны расколоть Пермана по полной. Мы должны узнать, что их связывает или кто, за что он передал эти деньги Снаткину? Может быть, Снаткин связан с Кеосаяном, а Перман просто посредник, так сказать, почтальон? Или Кеосаян завтра заявляет, что это деньги его и он передал их в счет покупки акций жены Снаткина через своего знакомого Пермана. И микрофильм это подтвердит?

– Почему же тогда Перман это не сказал сразу? – удивился коллега Василия Васильевича. – А начал нести пургу?

– Ни Снаткина, ни его жида-адвоката я не выпущу, – просто и убедительно сказал Скоморох. – У меня есть свои простые методы ведения дела. Эти методы укладываются в четкое определение —параллельная реальность.

– Иголки под ногти? – подколот майора Горпищенко.

– Боже упаси, – перекрестился Скоморох. – Я никогда в своей жизни не бил подследственных. Я богобоязненный человек. И поскольку я верю в Бога, они сами чистосердечно все рассказывают, раскаиваются в содеянном и видят во мне испупителя своих грехов. Поэтому, если все окажется так, как говорит Снаткин, нам придется искать в этой цепочке самое слабое звено. Цепочка эта состоит из посредника, взяточдателя Кеосаяна, взяточполучателя Снаткина и его душеприказчика Альберта Кемельмана.

– А при чем здесь Кеосаян? – спросил следователь. – Даже, если выяснится, что он передавал деньги за акции. Этот

факт подтвердится, скажем, договором купли-продажи. И что? Где тут взятка или служебное преступление?

– Кеосаян – самое слабое звено, – неожиданно добродушно хмыкнул майор. – Если завтра он подтвердит передачу денег Снаткину под любым предлогом, даже под предлогом покупки акций, я сначала подведу под цугундер Снаткина, а потом и его адвоката. Где это видано, чтобы начальник полиции города получал деньги за какие-то акции в собственном кабинете? За акции, отмечу, которые ему не принадлежат. По сути, это форма прикрытия получения незаконного вознаграждения лицом, занимающим высокое ответственное положение. А Кеосаян еще оплатит все наши волнения и сомнения по этому делу.

Майор сладострастно потер руки, а на его тонких синих губах появилось подобие улыбки.

– Не дрефь, Алексей, – сказал он следователю. – И более крутые перцы готовы были идти со мной на сделку. Уж очень я обаятельный человек. При этих словах Горпищенко снова почувствовал, как рвотные массы против его воли подкатили к горлу и он страшным усилием воли все-таки остановил их. Глядя в простое и добродушное лицо майора, следователь поймал себя на мысли, что панически боится его. На миг он даже подумал, а не уйти ли ему в отпуск и передать это дело другому следователю, но тут же испугался, что этот обаятельный человек слишком много поведал ему о себе, чтобы так просто его отпустить. «Я сегодня просто пере-

работался, – подумал Горпищенко. – Что я себе вообразил? Этот Скоморох, обыкновенный работник службы безопасности, возможно, он тоже перевозбудился. Что в нем такого страшного? Пожилой человек, с удивительными водянистыми глазами, в которых ничего нельзя прочесть. В конечном счете, не он, а я руководитель следственно-оперативной группы и надо будет просто как-нибудь поставить его на место... Или попросить его руководство прислать кого-нибудь другого? А может ничего не предпринимать и поучиться у опытного чекиста как без пыли и шума раскалывать подследственных? Ну что в нем страшного? С виду добродушный дедушка, фантазер, открыто не любит семитов, таких в каждой стране не более пяти процентов, приходит домой, обнимает детей, внуков, целует жену... Фу! Метод налаживания контактов с обвиняемыми – „параллельная реальность“. Что это такое и с чем его едят? Неужели читает подследственным молитвы, рассказывает об апостолах и пробивает слезу в деревянных душах? Надо посмотреть, как он делает. И все-таки не хотел бы я оказаться в его власти. В конце-концов, закончим это дело и разъедемся, как в поле комбайны. А с другой стороны надо показать этим ублюдкам из тайной канцелярии, кто тут в доме хозяин. И начинать надо не с допросов, этим, слава богу, есть кому заниматься, а немедленно провести повторный обыск в кабинете Снаткина. И если мы найдем там кинофильм о преступной деятельности полковника полиции города, наши собственные горизонты дви-

нутся в направлении, о котором раньше невозможно было даже мечтать. Скажем прокурор города становится прокурором области, а прокурором города становится старший следователь прокуратуры пан Горпищенко. Такой случай упустить нельзя ни в коем случае. Господи, неужели и мне суждено оказаться в нужном месте в нужное время?! – спросил неизвестно кого Алексей Викторович, потому что с Господом у него были довольно прохладные отношения. Все в этой жизни приходилось выцарапывать самому, а количество выигранных лотерейных билетов в тираже было, как обычно, небольшим, и выдавались Небом не каждому при рождении, а доставались почему-то другим, недалеким, ограниченным, но со связями.»

– Я решил, что надо немедленно провести повторный обыск в кабинете Снаткина, – твердо и сухо сказал Горпищенко.

– Это разумно. – неожиданно поддержал его майор Скоморох. – Я тут прикинул, что микрокамера нам нужна как воздух. Вашего технаря прихватим, или мне пригласить наших специалистов?

– Мы будем действовать по закону, – необдуманно произнес следователь, глаза которого горели как угли.

– Это как?! – усмехнулся Василий Васильевич. – А до сих пор что мы делали? Ты приложения к протоколу об обыске просматривал? Там на тебя компромат собран будь здоров. Десять админпротоколов за нарушения правил дорож-

ного движения находились, между прочим, в столе начальника полиции в грязной папке, на которой, наверное, резалась колбаса и селедка. И если мы будем действовать по закону, то я обязан сообщить твоему непосредственному начальнику, что тебя необходимо немедленно отстранить от следствия в связи с личной заинтересованностью в исходе уголовного дела.

– Какое приложение? – изумился Горпищенко, отчего его лоб сморщился. – Там не было никакого приложения...

– Не было, – согласился Василий Васильевич, – потому что опер тебя пожалел, не включил их в опись, а может подумал, что это к делу не относится. А вот наша служба, эти протоколы нашла и сфоткала еще дней десять назад. Сначала я не придавал никакого значения этим документам, а теперь, видишь, какое место они занимают в твоей жизни.

Василий Васильевич показал Горпищенко свой серебристый мобильник, похожий на маленький планшет, перелистал в нем приложения и включил нужное. На экране гаджета вспыхнули документы. Скоморох увеличил размер текста и Алексей Викторович четко увидел текст с названием ПРОТОКОЛ

– Про аквариум мы не знали, – сказал Василий Васильевич.

– Тогда ваш человек должен быть зафиксирован этой камерой, – сказал Горпищенко. – Поэтому надо срочно ехать в гортдел, проводить не повторный, а новый первый обыск, –

пропустив мимо ушей замечание следователя о том, что камера могла заснять незаконное оперативное действие работника службы безопасности, заметил майор Скоморох.

– Я готов сам подать рапорт об отстранении меня от следствия, – потухшим голосом произнес Горпищенко.

– Если не будешь строить из себя целку, – по отечески сказал Василий Васильевич, и полуобнял Алексея Викторовича, – обещаю, что мы с тобой сработаемся. Нравятся мне романтики. Из них выходят либо полезные идиоты, либо настоящие палачи. И те, и другие остро необходимы нашему идеологическому государству. А дело, которое нам досталось, требует от каждого из нас полной самоотдачи. Про папку забудь. Не было никакой папки. Я просто тебя проверял на вшивость.

Юрий Львович Перман уже несколько часов находился в странном помещении. Он помнил, что вроде бы из здания прокуратуры его не выводили, но в то же время комната, куда его перевели после допроса, была похожа на бетонный бункер с прикрученным металлическим столом посередине и такими же двумя привинченными к цементному полу стульями, без окон, с одинокой лампой где-то вверху и непроницаемыми голыми стенами, которые наводили на него необъяснимый животный страх. Физически этот страх трансформировался в липкий пот, который растекался по всему телу, как патока. Ему хотелось уже пить и есть и он с ужасом думал о том, что, если приспичит вдруг необходимость в туалете, придется совершать все в дальнем углу этого карцера, что неминуемо вызовет ярость и гнев со стороны полицейских чинов. Возможно, ударят или избьют до полусмерти. Обнаженная лампа на тонком проводе горела вполнакала и Перман опять подумал о том, что это не случайно, что она придумана и висит специально для того, чтобы убедить человека в его беспомощном состоянии и показать, что жизнь разделилась теперь на прошлую, которая будет сниться долгими ночами и теперешнюю, беспросветную, как эти стены. Несколько раз он прокручивал в голове вопросы, которые задавал ему молодой лейтенант с румяным лицом и не пони-

мал, что тот от него хотел. Кажется, он сделал все, что просил Аркадий. Получил от него деньги, пересчитал, убедился, что в пакете сто тысяч долларов, принес их к начальнику полиции города и должен был получить от него расписку в получении этой суммы. И вдруг случилось непредвиденное. Люди в масках с автоматами и криками, следователь с блестящими от счастья глазами и морщинистым лбом, понятые, пакет с деньгами, вытащенный из глубины стола полицейского начальника.

– Все должно быть в порядке, – сказал Аркадий, – но, если вдруг что-то пойдет не так, о деньгах не думай, я свое получил, эти деньги уже не мои. Твоя задача продержаться одни сутки. Меня ни в коем случае не вспоминай, даже если получишь удар в солнечное сплетение или в морду. Объяснение должно быть очень простым. Например, шел в магазин, нашел американские деньги, по виду большое количество, решил зайти к начальнику полиции города, как к ответственному лицу, и отдать их ему, потому что полковнику полиции будет легче найти хозяина денег.

– Разве они поверят такому бреду? – удивился Юрий Львович.

– Из собственного опыта знаю, – уверил его Аркадий, – что любой бред, если его повторять на следствии сто раз, лучше, чем говорить правду. По закону эти бакланы обязаны доказать обратное твоему утверждению, что бывает зачастую просто невозможно.

– А почему ты сам не можешь передать ему эти деньги? – спросил Кеосаяна Перман.

– Потому что хочу помочь тебе. Ты ведь отнесешь их менту не задаром. Три штуки баксов, не хило, Львович? – хитро улыбнулся Аркадий. – А если, серьезно, то мне следует держаться от таких, как этот начальник, как можно подальше. Мне даже просто передавать деньги менту запахло. Многие мои товарищи меня не поймут. Доверить любому лоху такие деньги я тоже не могу, а тебя я знаю с детского сада. Помнишь, как мы с тобой сидели на одинаковых горшках и смеялись. А наша нянька Павловна называла нас братьями по горшкам из-за того, что мы не могли с тобой разлучиться даже на полчаса.

Почти три тысячи долларов лежали в заднем кармане брюк Пермана и жгли его душу, как раскаленные угли. Потерять их в ходе обыска означало для него трагедию почище потери для Аркадия ста тысяч. Находясь в этой странной комнате, Юрий Львович пять раз перепрятывал деньги, сначала в кармашек клетчатой рубашки, но хрустящие банкноты явно выпендривались и готовы были сдать его в любой момент. Потом он разделил их на три части, по тысяче долларов, разместил их в носках обеих ног, а третью часть, девятьсот долларов спрятал в узкий внутренний кармашек брюк. Оставалась надежда, что если найдут случайно одну часть денег, то все равно, останется остальное в качестве компенсации за перенесенные страдания.

В кабинете, куда его привели сразу после задержания, молодой парень с лицом, как будто поджаренным лучом увеличительного стекла, сразу предупредил его, что допрашивает его в качестве свидетеля и он должен говорить только правду. Юрий Львович сначала пропустил все его слова мимо ушей, потому что начал отсчитывать часы, как просил его друг Аркадий и рассказывал восемь раз одну и ту же историю о находке денег и желании их вернуть потерявшему, разумеется за вознаграждение. Оперативник добросовестно писал протокол с его слов, кивал головой, непонятно одобрительно или нет, сморкался в платок, прикрывал платком нос, потому что Перман неистово потел и распространял гремящий сладковатый запах на всю комнату. Юрий Львович стыдился этого, но ничего не мог с собой поделать. Зато эти пахучие флюиды заметно отравляли допрашивающего и тот, не задавая дополнительных вопросов, стремился как можно скорее закончить допрос. Парень прочитал текст протокола и попросил его подписать.

– Вот здесь, пожалуйста. С моих слов записано верно и подпись.

Глаза у Юрия Львовича начали слезиться. Он не мог не то что читать, но и писать, впрочем, подписывать эту бурду он тоже не хотел, потому что вспомнил, как сам же посоветовал однажды Аркадию не подписывать акт сверки взаимных расчетов с предприятием-поставщиком.

– В чем дело? – спросил Аркадий. – Что-то не так?

– Я три раз проверил все цифры, – уверил его Юрий Львович. – Все соответствует действительности. Но сейчас платить такую сумму нам нет никакой возможности. Не подписывай и все. Отключи все телефоны или гони на меня, мол, связался с бухгалтером-пьяницей, а он сейчас в полном запое.

Аркадий улыбнулся и вернул акт Перману.

– А как тогда со штрафными санкциями? – решил он уточнить.

– Без этого акта, – подумав несколько секунд, ответил Юрий Львович, – предприятие не сможет ничего взыскать. Пока они напишут претензию, пока мы на нее ответим, пока они обратятся в суд, пройдет уйма времени. А тем временем, суд сам потребует произвести сверку расчетов. Это примерно полгода-год. А с учетом роста курса доллара через год мы заплатим втрое меньше.

Через полгода предприятие поставщик испустило дух, даже не предпринимая усилий взыскать долг.

Аркадий был счастлив и передал тогда Перману пять тысяч долларов премиальных из личных денег.

Никогда не надо бежать впереди паровоза. Так сформулировал Аркадий действия своего бухгалтера.

Поэтому сейчас Юрий Львович решительно отказался подписывать протокол допроса.

– Я не понимаю ваш почерк, – сказал он оперативнику, – а подписывать себе смертный приговор не хочу.

– Я же вам прочитал вслух, – встал полицейский и отошел в сторону. – Не валяйте дурака, Юрий Львович. Вы вообще не при делах, если честно. Подписывайте, и идите домой. У вас будет подписка о невыезде. Вы даже не взяточдатель и не посредник, вас просто попросили передать эти деньги полковнику, вы признали факт передачи денег Снаткину, а поводы, которые вы здесь изложили, никого особенно не интересуют.

– А кто такой Снаткин? – спросил Перман, вытирая пальцами пот со лба.

– Вы еще под дурака косите? – вспыхнул полицейский. – Вам-то это зачем? Максимум пробудете у нас семьдесят два часа. Не злите меня. Я целый день пахал как проклятый. – Вы пять минут назад сказали, что я могу идти домой, а теперь, получается, я должен просидеть здесь три дня. И это при том, что я еще не подписал протокол допроса, а что же будет, если я его подпишу? —

– Честно говоря, мне начхать, подпишите вы протокол или нет. Я сейчас приглашу понятых, прочту вслух протокол допроса и они удостоверят, что все с ваших слов записано верно, а вы из вредности или глупости подписать отказались. Ваш отказ от подписи будет только свидетельствовать о том, что вы препятствуете следствию и тем самым осложняете себе жизнь.

– А сколько времени прошло с моего задержания? – спросил Юрий Львович.

– У вас впереди вагон времени и маленькая тележка, – сострил оперативник. – Если не подпишите протокол.

«Может дать ему штуку баксов и договориться с ним об освобождении? – подумал Перман, а вслух сказал:

– Мы могли бы с вами договориться, молодой человек?

– Что вы имеете ввиду? – спросил оперативник

– Я подписываю то, что вам надо, а вы выводите меня отсюда. Я, между прочим, диабетик. Мне нужно принимать лекарство, пить и есть строго по времени. И я в долгу не останусь.

– Ладно, подписывайте.

– Я все подпишу на улице, – сказал Перман.

– Торг здесь неуместен, – сказал ему полицейский.

В это время зазвонил телефон. Оперативник поднял трубку и сказал кому-то, что допрос закончен, что ему нужны понятые и он через несколько минут принесет протокол.

– Я даю тебе тысячу долларов, – обмахиваясь руками, сказал Юрий Львович.

– А они у тебя с собой? – обернулся полицейский.

– Я позвоню жене, она принесет.

– Вот когда она принесет, тогда и поговорим.

– А можно позвонить? – спросил с надеждой Перман.

– Сначала подписываем протокол допроса, потом звонок жене – предложил оперативник.

– А на каком этаже мы находимся? – ни с того ни с сего спросил Перман.

– Хочешь сигануть? – усмехнулся полицейский.

Дверь кабинета распахнулась, вошли мужчина и женщина.

– Господа понятые, задержанный Перман Юрий Львович отказывается подписать протокол допроса. – объявил оперативник, – поэтому я зачитаю содержание протокола вслух вам и господину Перману, а вы засвидетельствуете данный факт своими подписями.

После ухода понятых, за сто долларов в течение получаса Юрий Львович выпил три стакана минеральной воды, съел бутерброд с копченой колбасой, купленный ему полицейским в буфете прокуратуры и сходил в туалет. Жизнь, казалось, начала улыбаться, но тут появился следователь Горпищенко, схватил со стола протокол допроса, приказал перевести Пермана в подвальное помещение и почти выбежал из кабинета.

В этом подвальном помещении, где царила мертвая тишина, вдруг щелкнул замок двери так неожиданно и громко, что Юрий Львович вскочил с металлического стула и застыл, как пораженный молнией. В комнату вошел молодой оперативник Скворцов с папкой в руках.

– Начнем все сначала, – сказал он и пригласил Пермана присесть. – Начальству очень не понравилось ваше сочинение, Юрий Львович. Будем переписывать.

– Я рад вас видеть снова, – с чувством произнес Перман. – За эти несколько часов я многое передумал. Мы можем все

начать сначала, после того, как я поужинаю?

– Никаких проблем, – улыбнулся оперативник. – Тариф не изменился.

Юрий Львович пальцами выцарапал стодолларовую бумажку из внутреннего кармана брюк и протянул ее Скворцову.

– Я бы с удовольствием съел пару котлет, запил бы апельсиновым соком и на будущее хотел бы иметь несколько бутылок минералки.

Оперативник посмотрел на свои ручные часы.

– Здесь у нас не ресторан, – вдруг хмуро сказал он. – Но что-нибудь из съестного найдем. Времени у нас с вами не так много. Петренко поехал за двумя мордоворотами. Примерно через минут сорок они будут здесь. Так что нам надо поторопиться.

– Если это не военная тайна, – испуганно заморгал глазами Юрий Львович, – за кем поехал товарищ Петренко?

– Пан Петренко поехал за активистами из национального корпуса. На тот случай, если вы опять будете говорить о находке и благородных чувствах, охвативших вас при этом.

– У нас в стране запрещены пытки, – потухшим голосом сказал Перман. – Я буду жаловаться прокурору.

– А врать в нашей стране не запрещено? А помогать матерому преступнику, оборотню в погонах, у нас разрешено? Теперь, к делу. Буфет в прокуратуре уже закрыт. Я могу сбежать в магазин, на углу, но боюсь, что котлет там не будет.

– Честно говоря, у меня уже пропал аппетит, – прошептал Перман. – Послушайте, молодой человек, я вижу, что у вас добрые глаза и прекрасное сердце, – обратился он к оперативнику. – Сколько будет стоить убедить пана Петренко и его активистов не применять при допросе физическую силу? Пусть лучше оскорбляют по национальному признаку...

– Вот этого точно не будет, – рассмеялся оперативник.

– Почему?

– Потому что это не разрешает Международный валютный фонд, – предположил Скворцов. – У нас сейчас легче еврея убить, чем оскорбить гражданина нашей страны еврейского происхождения.

– Вы меня просто обнадежили, – расстроено произнес Перман.

– До приезда Петренко осталось тридцать пять минут, – сказал оперативник. – Я двинулся за едой, а вы можете начать излагать правду. Начните с того, кто вам дал эти деньги, для чего вы передали их полковнику полиции, возможно, он их вымогал от вас или ваших родственников или знакомых. Это будет очень приветствоваться.

– Сколько будет стоить, чтобы я никогда в жизни не видел этого Петренко и его людей? – настойчиво переспросил Перман.

– Успокойтесь, – попытался разрядить обстановку оперативник. – У Петренко есть приказ вас не убивать и не калечить. Но пару сотен, я думаю, не помешает.

Юрий Львович дрожащими руками отсчитал сначала две сотни, а потом, задумавшись, добавил еще одну сотенную.

– Это за звонок другу, – сказал он, увидев удивленное порозовевшее лицо оперативника с потеплевшими глазами. – Хватит?

– Тогда надо полсотни добавить., – почему-то обернулся к двери Скворцов и понизил голос. – Я куплю новую симку, – объяснил он. – Со служебного телефона звонить посторонним запрещено. Если честно, – почти по-приятельски спросил он, – откуда у вас бабки? Откусили от находки?

Что-то в голосе оперативника изменилось в лучшую сторону. В принципе, это был молодой парень с красивым мужественным обветренным лицом. Юрий Львович уловил нотки соучастия в его голосе, в движении рук и особенно в глазах. А может быть, просто не было другого выхода из создавшегося положения и хотелось поверить самому себе, что с этим человеком можно иметь дело.

– У меня есть предложение, – сказал Перман. – Среди тех, кого я сегодня видел в этом учреждении, вы показались мне лучше всех. И хотя я не знаю даже, как вас зовут...

– Меня зовут Олег, – сказал оперативник и протянул Юрию Львовичу руку. Тот крепко пожал ее и заморгал от нахлынувшего чувства благодарности.

– Олег, – несколько торжественно произнес Перман. – У меня есть предложение, от которого вы не должны отказаться. Я хочу дать вам на сохранение деньги. Я почему-то верю,

что после освобождения, вы мне их вернете. Понимаете, если их у меня найдет Петренко со своими товарищами или работники прокуратуры, я их уже никогда в жизни не увижу. Даже, если вы обманете меня и присвоите их себе, я не буду иметь на вас зла, потому что вы отнеслись ко мне как человек к человеку.

Перман сел на стул, снял туфли и вынул из носков две тысячи долларов, присединил к ним оставшиеся из внутреннего кармана брюк и передал их Олегу. Тот пересчитал их и вслух сказал:

– Здесь ровно две тысячи шестьсот.

– Спасибо, – ответил Перман и облегченно вздохнул.

– А теперь послушайте внимательно меня, – сказал Олег, пряча деньги в задний карман джинсов. – Вы имеете право вообще ничего не писать и ничего не говорить, пока не встретитесь с адвокатом. Иначе можете на себя и других людей наклепать лет на десять без права переписки.

– А если меня будут бить? – надевая туфли, спросил Перман. – Я с детства боюсь физической боли.

– Тогда зачем нужно было встревать в это дело? – резонно заметил оперативник. – Мне такую сумму никто не доверил бы...

– Ничто не предвещало беды, – объяснил Юрий Львович. – Человек, который доверил мне эти деньги, доверил бы мне и свою жизнь. Поэтому я не могу его предать. Я понимаю, что вызываю злобу своими фантазиями насчет находки,

но у меня нет другого выхода. У меня такое предчувствие, что кроме этого несчастного полковника полиции и меня, никто отвечать не будет. Я вообще не понимаю, как стало известно о том, что я несу ему деньги. Об этом знали только два человека: я и мой друг. Никто из нас донести об этом не мог.

– Понятно, – задумчиво произнес Олег. – Пока что я сбегаю в магазин за едой и водой, а потом все обмозгуем по полочкам.

– Если можно, то в аптеке мне надо купить еще Меттформин против сахара... – попросил Перман. – Иначе я могу впасть в кому из-за гипергликемии или умереть от гипогликемии.

– Я не врач, – сказал Олег. – Поэтому говорите по народному, что это такое и с чем его едят.

– Если я не приму лекарство, у меня после еды сахар в крови может увеличиться в десятки раз, а если я не буду есть, он упадет до летального исхода.

– Так чего же вы мне это сразу не сказали? – вдруг обрадовался оперативник. – Мы же можем вас немедленно перевезти в больницу. Это ваше потоотделение из-за уменьшения сахара или увеличения?

– Я думаю, что это на нервной почве, – ответил Юрий Львович. – А насчет больницы – это реально?

– Более чем. Так мне идти в магазин за едой или вызвать скорую помощь?

– Дорогой мой, – вскричал Юрий Львович – скорую и немедленно. Кроме всего прочего, я могу сам себе увеличить давление. Через десять минут я буду похож на вареного рака.

– Кстати, пока у вас процессуальное положение свидетеля, никто вас в больничной палате охранять не будет и наручниками приковывать к кровати тоже. – пояснил оперативник.

– А Петренко со своими подручными может не дать скорой помощи меня увезти?

– Этот – да. Будем надеяться, что скорая помощь приедет раньше, – решительно сказал Олег и набрал телефон станции скорой помощи.

5

Городской отдел полиции гудел, как растревоженный улей. Весть о задержании полковника Снаткина обсуждалась в каждом кабинете трехэтажного здания из белого камня. Общее мнение сводилось к тому, что воевать с прокурорскими дело не только безнадежное, но и опасное. Если такой гигант как Снаткин, переживший смену трех министров внутренних дел, люстрацию, государственный переворот, пал, как вырванный с корнями дуб, споткнувшись просто на ровном месте, то всем остальным сразу же стало ясно, что в этом городе может меняться власть хоть каждый месяц, но любой полицейский сверчок должен знать, что законы, как и прежде, будут исполняться избирательно. На ежедневной планерке начальник полиции требовал от подчиненных переломить в себе страх перед властью предержавшими.

– Мы теперь не менты, не «мусора» – пафосно заявлял он. – Мы новая полиция страны, которая никого не должна бояться, ни прокурора, ни депутата, ни вора в законе. Премии буду давать тем, кто на законном основании составит протоколы против нарушителей закона, какую бы высокую должность они не занимали. Не ссыте, господа полицейские, пока я тут на хозяйстве, все с вами будет о-кей

– Или о-куй, – сострил кто-то из полицейских. Тогда все грохнули от смеха, а шутка-то оказалась пророческой.

Про доллары говорили с уверенностью, что это подстава. Не мог полковник Снаткин брать их в своем кабинете. Это был не кабинет, а проходной двор. С тех пор, как он стал начальником, двери его кабинета на втором этаже не знали что такое замки. Такое хамское отношение к самому себе нравилось не всем. Все-таки, начальник тем и отличается от других, что доступ к нему должен вызывать у подчиненного какой-нибудь трепет, а тут, прости господи, врывается, а у начальника сидит какая-то баба с подбитым глазом и жалуется на притеснение со стороны полицейских.

Следователь Горпищенко сразу уловил неявную охлажденность и настороженность переходящую во враждебность со стороны работников городского отдела полиции.

– Почему кабинет начальника полиции не опечатан? – спросил он у заместителя Снаткина майора полиции Кочерги.

– Я что, должен был здесь поставить полицейский пост? – с вызовом ответил Кочерга. – Какой смысл его опечатывать, если он практически не закрывается.

– Вы здесь все такие умные? – встрял Василий Васильевич и тут же приказал: – Подгоняй людей, будем проводить обыск в кабинете начальника.

– А вы, извиняюсь, кто такой? – огрызнулся Кочерга. – Ваши документы, пожалуйста, и разрешение на обыск.

– Это майор Скоморох, – сказал Горпищенко. – Он со мной, член следственно-оперативной группы.

– Вы в его кабинете будете полы вскрывать и штукатурку отбивать? – насмешливо спросил Кочерга.

– А что, надо? – удивился коллега Скомороха с большими металлическими зубами во рту.

– Это уже третий обыск кабинета Снаткина в течение нескольких часов. Что вы там ищете? – сказал прищурившись заместитель начальника полиции. На взгляд Горпищенко, Кочерге было лет сорок, на удивление стройный симпатичный мужчина, которому удивительно шла полицейская форма. Кроме того, сразу было видно, что он умен и по-своему бесстрашен, не лизоблюд и не трус.

– Мы не уполномочены давать тебе отчет в наших действиях, – сказал Василий Васильевич, явно ущемленный словами майора полиции. – Твое дело исполнить приказ немедленно и добросовестно. Каков поп, таков и приход, – обернулся он к Горпищенко за поддержкой. – Твоя задача сейчас, – назидательно произнес он, снова уставившись на Кочергу глазами-биноклями, – не оказаться рядом со своим начальником.

– Вы мне угрожаете? – спросил Кочерга нахохлившись, как петух.

– А почему вы говорите о третьем обыске? – спросил Горпищенко, чтобы разрядить обстановку. – Наш опер проводил обыск один раз. У нас появилась необходимость кое-что допроверить.

– Сначала был ваш опер, – спокойно начал объяснять Ко-

черга, – потом пришли из службы контрразведки, затем появились люди из аппарата полиции области, теперь снова вы. И ни одна сука не поинтересовалась у нас, у местных, где нужно проводить обыск.

– Что вы имеете в виду? – спросил Горпищенко.

– А то, что у начальника полиции есть два кабинета. Первый, который все вылизали до тошноты, так сказать агитпункт демократических перемен, здесь, на втором этаже и обычный, пятизвездочный, двухэтажный, с комнатой отдыха, кухней, кинотеатром и сауной в полуподвальном помещении, имеющим входы и выходы, как с улицы, так и с первого этажа нашего учреждения.

– Вот за это ты и сядешь, – сладострастно произнес Василий Васильевич, – за умышленное воспрепятствование следствию. Ты, гандон, целый день наблюдаешь за нашими действиями и ни разу не указал, что у Снаткина есть еще один кабинет.

– А в каком кабинете стоит аквариум? – спросил Горпищенко.

– Аквариум стоит в обычном кабинете, – ответил Кочерга, но его лицо вдруг потемнело от прихлынувшей крови и на левой щеке запульсировала жилка. – Или вы сейчас извиняетесь, – обратился он к Скомороху, – или я арестую вас за оскорбление полицейского при исполнении им служебных обязанностей.

– Если бы ты исполнял свои служебные обязанности, я бы

извинился, – спокойно ответил ему Скоморох и ткнул ему в лицо свое удостоверение.

– Господа офицеры, – воскликнул Горпищенко, которому ответ майора полиции Кочерги очень понравился. – Сейчас не до выяснения отношений. Я приношу вам извинение за слова майора Скомороха. Давайте перейдем к делу. Сначала мы осмотрим содержимое аквариума, а потом пойдем в пятизвездочный отель господина Снаткина.

В этот момент пропел телефон Скомороха. Горпищенко удивило, что рингтон его мобильного оказался мелодией «Мурки». Василий Васильевич отошел в сторону.

– Шеф, – орал Петренко, перекрывая смесь городского шума звенящего трамвая, гудков автомобилей и крики толпы, – наши ребята сейчас блокируют телеканал «Эхо недели». Каждый получил по двести баксов. Со мной идти никто не хочет. Говорят, что субботники уже давно отменены. Могу я предложить четыреста долларов за работу? Тогда еще может и согласится кто-нибудь...

– Я тебе не Бенья Коломойский, – ответил Скоморох. – Я работаю не за деньги. Ты знаешь, Петренко, почему пала Римская империя? Нет? Потому что ее лидеры стали провозглашать идеалы, в которые сами перестали верить. Коротче. К утру, чтобы два идейных пацана были в городской прокуратуре.

– Бесплатно никто не поедет, – возразил Петренко. – У идейных теперь одна присказка: утром – деньги, вечером –

майдан, вечером – деньги, утром – майдан. – Позвони руководителю организации «Москаляку на гиялку», может, они поработают из удовольствия, они же называют себя санитарами леса, специализируются, кажется, на пидарасах, бомжах и другой нечисти.

Петренко сделал театральную паузу и сказал: – Три дня назад они лоханулись. Прицепились к официантке за то, что она принимала заказ на кацапском языке. Посетители кафе переломали им руки и ноги в трех местах, а полиция сделала вид, что не смогла установить виновных.

– Зрада на каждом углу, – согласился Скоморох и помолчав, добавил: – А сам сможешь провести акцию?

– Что конкретно надо? Выбить показания?

– И ты туда же! – недовольно произнес Скоморох. – Ты же знаешь, что я этим не занимаюсь. Ты же знаешь мой метод выяснения истины. К чему эти вопросы? Так и скажи, Василий Васильевич, я теперь с вами по разные стороны баррикад.

– Я вас не понял, – кричал Петренко. – Здесь так шумно.

– Все ты понял, Петренко. Не найдешь ребят, сделаешь все сам.

Скоморох отключил мобильник и подошел к остальным.

– Начинаем работать с «агитпункта», – сказал Горпищенко. – Петр Семенович, – он махнул головой в сторону Кочерги, – обещает полное содействие.

Кочерга позвонил кому-то по телефону и попросил при-

слать людей в кабинет Снаткина.

В кабинете начальника городского отдела полиции был шкаф для одежды, большой письменный стол, несколько стульев и старый сейф, открывающийся ключом. Справа от входа стоял огромный аквариум, почти во всю стену, с подсветкой. На стене за спиной хозяина стола висел плакат, исполненный в городской типографии, на котором большими буквами было написано «Чем сидеть и нагло врать, лучше явку написать».

Горпищенко подошел к аквариуму и увидел мечущихся рыб с базедовыми тупыми глазами.

– Руку в аквариум лучше не опускать, – предупредил всех Кочерга. – Эти рыбки обглодают их до кости за секунду. Пираньи.

– Кто-нибудь кормил их после задержания Снаткина? – спросил Горпищенко

– Конечно, нет. Да пусть они лучше друг друга сожрут, – сказал в сердцах Кочерга.

– Нам нужен тазик с водой и сачки, – предложил Горпищенко, – И два-три ведра. Будем сливать воду.

Василий Васильевич и его коллега подошли к письменному столу Снаткина и начали вытряхивать его содержимое прямо на пол. В левой тумбе стола нашлась начатая бутылка Хеннеси на круглом стеклянном подносе, одноразовые стаканчики, шоколадные конфеты с черносливом, кусок сушеной колбасы и складной нож. Всевозможные бумаги

кружились и падали, как бумажные птицы на стертый линолеум. Двое полицейских тут же подбирали их и складывали в картонный ящик. В правой тумбе лежали ключи от сейфа и шкафа. Скоморох тут же открыл металлический сейф, изготовленный, наверное, в середине прошлого века. Сейф был девственно чист. Ни денег, ни деловых бумаг, ничего. Только одинокая печать городского отдела полиции, похожая на обезглавленный памятник Ленина в центре города, бесполезно стояла в тишине. Было такое впечатление, что его хозяин хорошо подготовился к обыску. В шкафу висела парадная форма полицейского полковника. В заднем кармане праздничных брюк Скоморох обнаружил пачку презервативов и почему-то сунул ее в свой карман.

Скоморох взглянул в сторону аквариума и увидел молодую красивую девку с пышными грудями, узкой талией и широкими соблазнительными ляжками, выпрыгивающими из тесной короткой юбки. Она сливала воду из аквариума в ведро, постоянно наклонялась над ним и ослепляла всю оперативную группу своей тугой и соблазнительной попкой.

Василий Васильевич, облизав, обсохшие губы, пальцем подозвал к себе одного из полицейских, добросовестно утрамбовавшего в картонном ящике собранные бумаги.

– Кто такая? – тихо спросил он.

– Наша уборщица Маша, – осклабился понимающе толстопузый полицейский. – Наша Маша – гордость наша. Правда, красивая?

– На вкус и на цвет – товарищей нет, – ответил Скоморох.

– Маша еще отвечает за наш отдых. Раз в неделю мы собираемся на посиделки, смотрим кино, купаемся в бассейне, посещаем сауну. Маша нам готовит еду за счет заведения.

– А где же у вас эти оргии происходят? – поинтересовался Скоморох.

– Ну у нас есть комната отдыха, сауна, даже кинозал. В этом отношении наш бывший начальник был классным руководителем, мудрым. В этой грязи, что мы возимся круглосуточно, должны быть светлые мгновения. Мы, между прочим, на работу ходим, как на праздник, – улыбнулся полицейский.

– Что-то у меня сомнение есть, – дружески прошептал Скоморох, – что человек с таким животом, как у тебя, еще может получать какие-то радости от жизни.

– Здесь нет никакой связи, – стал с серьезным видом объяснять полицейский. – Живот у меня большой от пива, а все остальное работает, как часы

– А Машу уговорить можешь?

– Маша на работе никому не дает. Тем самым она сплачивает наш мужской коллектив. Многие хотели бы затащить ее в постель, но получили по мордасам. Мы только любимся ею.

Словоохотливый полицейский отошел к Кочерге, который поманил его пальцем к себе.

– Слышал?! – спросил Василий Васильевич своего колле-

гу из отдела.

Тот почесал себе макушку и ответил.

– А что в этом плохого? А нельзя эту Машу завербовать? Или взять в наш отдел? Я бы тоже ходил на работу, как на праздник. У нас, кстати, есть вакансия пресс-секретаря...

– Никогда бы не подумал, что ты, Иван, такой орел, – то ли одобрительно, то ли с насмешкой произнес Скоморох. – А вот насчет вербовки, ты правильно подметил. Такая Маша была бы гордость наша. Представляешь, какой это бесценный кладезь информации.

В этот момент к Скомороху подошел расстроенный Горпищенко.

– В аквариуме ничего нет, – сказал он. – Никакой микрокамеры. Рыб выловили, воду спустили, ничего.

– Этот Снаткин, – задумчиво сказал Иван, коллега Скомороха, – мужик, видно, головастый. Это он сам поставил микрокамеру и снимал только то, что хотел или что ему надо было. А чтобы микрокамера никому не досталась, выучил этих рыб в нужный момент съедать ее. Ну подумайте сами, какой дурак будет держать в аквариуме этих маленьких крокодилов?

– Ты к чему ведешь, Ваня? – насмешливо поинтересовался Скоморох. – У Снаткина с этими тварями есть телепатическая связь?

– А давайте мы их всех прооперируем? – предложил Ваня с воодушевлением.

– Кого? – спросил Горпищенко

– Рыб этих, пираний. Если камера была, она не могла испариться, как святой дух. Я уверен, что Снаткин сто раз проделывал этот фокус, перед тем, как установить микрокамеру. Это же так просто. Ставишь камеру, два часа не кормишь рыб, и вожак стаи от стресса проглатывает эту штуковину размером с булавкину головку.

Скоморох переглянулся с Горпищенко. Обоим, от безысходности, идея Ивана показалась заманчивой.

– Петр Семенович, – кликнул Горпищенко Кочергу. – А куда Маша дела этих рыб?

– Да у нас тут на хозяйстве кот Васька имеется. Я приказал ей отнести их к нему. Пусть полакомится.

– Немедленно всех этих рыб вернуть назад, – приказал Горпищенко. – Не умрет ваш Васька, если поужинает на час позже.

Минут через пять в дверях с пластмассовым синим ведром появилась красавица Маша. Ее пунцовые щеки играли симпатичными ямочками, а высокая полная грудь, затянутая в специальный бюстгальтер, который прикрывал только ядерные соски, колыхалась от смеха.

– Где будем производить вскрытие? – спросила она.

– Прямо на столе, – сказал Скоморох. – Они еще живые?

– Двое без сознания, а один еще трепыхается, – объяснила Маша, прикрывая одной рукой свой ярко накрашенный умопомрачительный рот, чтобы окончательно не умереть со

смеху.

– А где остальные? – спросил Горпищенко. – Их же было пять штук.

– Васька слопал, – сказала Маша, подошла к письменному столу, оглянулась, поставила ведро на пол, подошла к толстопузому полицейскому, прижавшему к себе картонный ящик с бумагами, вытащила из него несколько документов, расстелила их на столе.

– Что вы делаете? – возмутился Горпищенко. – Это же бумаги, изъятые в ходе обыска.

– Да ладно, – сказал примирительно Скоморох, – Маша знает, что делает. Нам важен не процесс, а результат.

– У кого-нибудь есть нож? – спросила Маша, подмигнув своим зеленым глазом Скомороху, отчего Василий Васильевич непроизвольно раздулся от гордости за себя. Уж кто-кто, а Маша, прошедшая школу жизни в полицейском учреждении, могла выделить из находящихся в кабинете мужчин, настоящего мачо.

– У меня на столе есть нож для резки бумаг, – сказал полицейский с картонным ящиком. – Подойдет?

– Неужели у начальника в столе нет ножа? – удивилась Маша и тут же рассмеялась. – Вспомнила. Он же сухую колбасу рвал зубами. Я еще таких здоровых и острых зубов никогда не видела. Был бы он сейчас здесь, зубами бы разорвал этих рыбок. А это правда, что они съели все доллары, которые он сегодня получил?

– Много будешь знать, плохо спать будешь, – добродушно сказал Скоморох и улыбнулся, потому что понял, как надо допрашивать Снаткина, чтобы он во всем признался. «Девку однозначно надо клеить в качестве агента, – подумал он. – Такая не будет стыдиться любыми средствами раздобыть нужную информацию. Ее даже подследственным, изголовавшимся по бабе, можно подкидывать.» При этом Василий Васильевич совершенно забыл о том, что в столе находился складной нож.

В это время в кабинет вошел Кочерга с длинным кухарским ножом. Он молча подошел к Маше, протянул ей нож и тут же отвернулся. Было видно, что к девушке он относился с явной брезгливостью, казалось, что обратно нож он от нее возьмет только тогда, если он будет обернут в непроницаемую бумагу.

– Машуня, – ласково сказал Скоморох и облизал сухие губы. – Резать надо будет так. Вспарываешь брюхо, всю трюбу выкладываешь на бумагу и отходишь в сторону. После того, как мы ее осмотрим, всю рыбу вместе с ее содержимым, выбрасываешь в ведро и вытаскиваешь следующую. Понятно, красатуля?

– Проще пареной репы, – ответила красатуля, даже не улыбнувшись.

– Тогда, поехали... – сказал Горпищенко.

Маша, положила на стол нож, вытащила из глубокого выреза тонкие прозрачные перчатки, натянула их на пальцы

рук, которые оканчивались невиданно длинными ногтями с художественным маникюром. Как эти пальцы с длинными накладными ногтями справлялись со шваброй и метлой, оставалось загадкой.

Первая распластанная пиранья принесла вздох разочарования. Коллега Скоромоха, Иван, красный от волнения и ответственности за то, что его поддержали, неожиданно подошел к левой тумбе стола, вынул из нее коньяк и пластиковые стаканчики, налил себе до края один из них, икнул и выпил его на одном дыхании.

– А вот и нож! – торжественно вынул он складной нож из верхнего отделения тумбы, отрезал себе два тонких кружочка колбасы и начал их жевать.

– Вы что себе позволяете? – взвился от возмущения Горпищенко.

Скоморох тут же подошел к следователю и шепнул ему на ухо:

– На Ваню нельзя кричать. В таком нервном состоянии он может всех нас покрошить.

– А зачем вы вообще его взяли с собой, если он нервнобольной и опасный? – громко сказал Горпищенко.

– Это я нервнобольной? – закричал Ваня и стал вращать зрачками, как гипнотизер. – Это вы все тут безмозглые твари. Я вижу вас всех насквозь. Вы завидуете моему таланту распутывать самые сложные дела. Кто из вас догадался, что эти рыбы были натасканы на глотание микро-камеры? Ты? –

указал он пальцем на следователя, – Ты? – перевел он взгляд на Кочергу. – Или ты? – кивнул он головой в сторону Маши.

– Мы пока еще не нашли эту микрокамеру, – ответил ему Горпищенко.

– А давай поспорим на пять тысяч баксов, что она лежит в чреве одной из этих мерзких рыб? – прорычал Ваня, налил себе из бутылки еще один стакан и быстро опрокинул его в рот.

– Я вывожу вас из состава оперативно-следственной группы, – побледнев, сказал Горпищенко и сморщил лоб. – И прошу покинуть помещение немедленно.

– А вот это ты видел? – показал ему дулю Ваня. – Это я тебя сейчас выведу на чистую воду.

При этом Ваня нырнул правой рукой себе под пиджак и вытащил из кобуры боевой пистолет.

– Я же тебя предупредил, – зло сказал следователю Скоморох. – Теперь это добром не кончится.

Все находившиеся в кабинете люди замерли, как восковые фигуры.

– Режь вторую тварь, – приказал Маше Ваня, размахивая пистолетом. – Если в ней тоже не окажется камеры, порешу вас всех на месте, а затем этого паршивого кота, который по указанию Снаткина сожрал доказательство его вины.

– А какая она из себя? – еле выдавила слова Маша. Ее руки начали мелко дрожать.

– Четверть булавки, – пояснил Ваня и его зрачки переста-

ли исполнять танец смерти, остановившись там, где они и должны были быть.

Скоморох тут же сообразил, что задумала Маша и вымученно улыбнулся ей.

– Начинай, Машуня, – ласково сказал он. – Я уверен, что у тебя сейчас все получится.

Маша вынула из ведра вторую неживую рыбу, полоснула ее в наступившей смертельной тишине, и отошла от стола. Когда Ваня склонился над рыбой, Маша вдруг вскрикнула «Вижу ее!» и ринулась к столу. Она сунула руку в разрезанную рыбу и вытащила блестящий в свете лампы маленький квадратик.

– Это она? – спросила Маша Ваню.

– Конечно, она, – пряча пистолет в кобуру, сказал Ваня совершенно успокоившись. – Отдай ее этому Фоме неверующему, – кивнул он в сторону следователя прокуратуры.

Маша пошла к Горпищенко с распахнутыми настежь огромными зелеными глазами, не моргая.

– Вы ее искали? – спросила она, протягивая Горпищенко металлическую клипсу с левого уха.

Горпищенко молчал и, как видно, не собирался участвовать в этом спектакле. И тогда Скоморох кинулся к Маше сзади, обхватил своими руками ее пышную грудь и шепнув ей на ухо: «Умница», следующим движением схватил с ее ладони клипсу, сжал ее в кулаке с победным криком: – Мы нашли ее! Это гениально! Это мог предвидеть только Ваня.

Мы должны немедленно передать ее технарям для проверки и распечатки данных.

– Третью рыбу резать не будем? – спросила Маша Горпищенко.

– Почему нет, – подсуетился Скоморох. – решили резать всех значит всех. Алексей Викторович, – обратился Скоморох к следователю. – У меня для вас есть конфиденциальная информация.

В коридоре Скоморох резко выдохнул и тихо сказал:

– Ваня инвалид второй группы. Эпизодическая параноидальная шизофрения. Получил инвалидность в войне с сепарами. Припадок наступает только в результате употребления спиртных напитков. Я специально не вынул из стола эту бутылку, а он запомнил и все, полетел с катушек.

– Как вы все мне осточертели, – устало сказал Горпищенко, – как я вас всех ненавижу. Зачем вы держите в своем отделе этого сумасшедшего? Он же когда-нибудь лично вас пристрелит.

– Мы своих не предаем, – холодно ответил Скоморох.

– Как я мог повестись на предложение этого идиота? – качал головой Горпищенко. – Тренированные рыбы, съедающие микрокамеры! Мне самому нужна уже психиатрическая помощь.

В этот момент распахнулись двери кабинета и в коридор выскочил с воплем Кочерга. На ладони правой руки майора полиции в рыбьей крови лежала черная с трехмиллиметро-

вой антенной микрокамера.

– Получается, что микрокамер было две, – радостно сообщил он. – Будем составлять протокол обыска?

– Где вы ее нашли? – осипшим голосом спросил следователь.

– Она застряла в глотке третьей рыбы, – объявил Кочерга. Горпищенко схватил микрокамеру и сунул ее в карман брюк.

– Так кто из нас идиот? – спросил Скоморох.

В этот момент зазвонил телефон Горпищенко.

– Докладываю, – сообщил ему голос в мобильнике – Свидетель Перман Юрий Львович в результате наступившей гипогликемии чуть не отдал богу душу. Я был вынужден вызвать скорую помощь и поместить его в больницу.

– Кто это? – спросил Горпищенко, хотя сразу понял, что случилось.

– Лейтенант Скворцов.

– Мудак ты, а не лейтенант. Кто тебе давал право вызывать скорую помощь?

– Ага. Лучше быть мудаком, чем сидеть за превышение должностных полномочий, повлекших смерть.

– Лейтенант, – приказал Горпищенко, – пиши на имя прокурора города рапорт о том, что произошло.

Следователь обернулся к Скомороху.

– Предварительные итоги такие: взяткодатель Перман в больнице, что срисовала эта камера, нам неизвестно. Что я

скажу утром прокурору города? Что надо менять меру пресечения Снаткину на подписку о невыезде? Так он меня ногами забьет и будет прав.

– Если история с Ваней дальше нас не пойдет, гарантирую тебе полную поддержку со стороны Ореста Ивановича.

– Неужто наш прокурор является тоже вашим агентом? – скептически усмехнулся Горпищенко.

– Сейчас, нет, – ответил двусмысленно Скоморох, и помолчав, добавил, – а что касается взяточдателя, то куда он денется с бронепоезда? Я лично доставлю его завтра в прокуратуру. Не люблю, когда река вдруг меняет свое русло.

6

Адвокат Кемельман откинулся на мягкую спинку кресла и спросил полковника Снаткина. – Ты считаешь этичным, получение денег в своем рабочем кабинете за проданные ранее акции?

– Это запрещено законом? – возмутился Снаткин.

– Я говорю о другом, – спокойно продолжил Альберт. – Ты получаешь деньги от предпринимателя на своем рабочем месте. Это фиксирует жучок. А дальше просто дело техники. Аркадий, например, заявляет, что купил у тебя акции по такой цене под давлением с твоей стороны. Появляются свидетели, которые подтверждают, что Аркадий одалживал у них деньги под проценты и жаловался, что живодер Снаткин грозитя разделаться с ним, если он к сегодняшнему дню не доставит ему обусловленную сумму. У следствия есть человек, который передал деньги, наверное есть запись разговора Аркадия с тобой о том, что деньги уже в пути, сам пакет денег, твои первичные показания о том, что деньги эти принадлежат тебе. Круг замкнулся. Может такое развитие событий пройти через суд? Чисто риторический вопрос. С учетом твоего должностного положения и полученной суммы, лет восемь судья определит даже сочувствуя тебе.

– Получается, действительно, складно, – вытер со лба испарину Снаткин. – Какой же у нас план действий? Очень чет-

ко ты обрисовал ситуацию. А если все не так, и Аркан тут ни при чем? У него за спиной три ходки. Он из тех бизнесменов, которые в авторитете. Не будет он сотрудничать с прокурорскими. Западлю это ему. Товарищи по бизнесу могут не понять...

– А сколько таких товарищей по бизнесу у тебя ходят в осведомителях? – уточнил Альберт. – А сейчас вообще новое веяние пошло: авторитетные бизнесмены, обзавелись своими прокурорами и следователями и сдают своих конкурентов просто из удовольствия. Это, кстати, дешевле, чем вывезти человека в лес. Потом надо вывозить в лес тех, кто вывез его, чтобы всю жизнь не зависеть от подонков.

– Умеете, вы адвокаты навести тень на плетень, – хмуро сказал полковник полиции. – Давай, колись, что ты придумал. Мне нужно три дня, чтобы все разрулить. Можешь ты сделать так, чтобы я ушел отсюда до суда?

– Это только в кино адвокаты приходят и забирают своих подзащитных из лап таких свирепых полицейских, как ты.

– Но ты же забирал у меня всякую шелупонь.

– Вот именно, шелупонь. Ты бы их и без адвоката выдворил бы, чтобы не болтались под ногами. Мне надо будет посмотреть этот договор купли-продажи. Я уверен, что в договоре сумма указана в гривнях, как и положено. Почему он передал тебе в долларах?

– Потому что мы с ним так договорились.

– А кто должен налоги платить с этой сделки?

– Покупатель. То есть, Кеосаян.

– Так и указали в договоре?

– Я при заключении договора не был. Но командовала там Стелла, сестра жены. Она в этих тонкостях ас. Точно, Аркадий должен заплатить налоги.

– Слава Богу, что хватило ума отразить это в договоре. У вас сумма договора должна быть где-то два с половиной–три миллиона гривень. Так что Кеосаян еще прилично доплатит.

– Какие три миллиона? Стеллка хвалилась, что Аркан заплатит копейки. По бумагам мы продали акции за десять тысяч гривень.

– Они еще не поняли, – сказал Альберт, – что могут пристегнуть к делу Кеосаяна за уклонение от уплаты налогов. Если он не скажет, что остальные девяносто девять тысяч шестьсот долларов у него вымогал полковник Снаткин.

– Не скажет, – упрямо произнес полковник полиции.

– Откуда такая уверенность? – удивился Альберт.

– Я могу в этом поклясться на Библии, – улыбнулся Снаткин.

– Лучше на Коране, – поддел его адвокат.

– Могу и на Коране, – сказал полковник. – У меня отец – мусульманин, а мама русская, православная. По пятницам хожу в мечеть, а по воскресеньям – в церковь. Один знакомый раввин сказал мне, что Бог все равно один и не имеет значения, в какой храм ходишь.

– Боже, сохрани Украину, – воскликнул адвокат. – Какие

у нас теперь богобоязненные полицейские. Рассказывай, что тебя гнетет и рвет. Почему ты три дня не можешь поспать на прокурорском столе?

– Тебе этого не понять, – посуровел лицом Снаткин. – На моих плечах безопасность нашего города, я годами создавал коллектив, который может развалиться, да еще уйма не сделанных дел, от которых голова кругом.

– До суда уйти практически невозможно, – сказал адвокат, – а вот суд может отпустить тебя под залог примерно трех миллионов гривен. Суд состоится через семьдесят два часа. Куда тебе торопиться? Отоспись за счет государства, подумай над тем, кто мог тебя сдать. Нотариус?

– Нет, не думаю, – ответил полковник. – Нотариус – родная сестра жены, Стелла. Эти две стервы могут порвать кого угодно, только не друг друга. А где полковник полиции может взять три миллиона гривен для залога? Ты подумал? Это не выход. Это капкан. Но домашний арест для меня тоже не выгоден. Черт возьми, подскользнулся на ровном месте. Ну была бы взятка, так не обидно было бы.

– Иногда не стоит торопиться, – сказал Альберт. – И не надо рвать на себе тельняшку. Из собственного опыта знаю, что серьезные люди в прокуратуру не звонят, не принято это. Уважаемые люди имеют дело только с судьей.

– Я может быть и прожил бы эти три дня спокойно, но мне надо знать, что больше никаких сюрпризов для меня не будет, что это недоразумение каким-либо образом разрешится.

Адвокат написал на листке своим размашистым почерком «Что ты хочешь?»

Полковник полиции склонился над листком и письменно ответил чуть ниже своими ровными, почти каллиграфическими написанными словами:

– Я хочу, чтобы ты увиделся немедленно с несколькими людьми и завтра утром сообщил мне результаты этих встреч. Я заранее написал, что нужно срочно сделать. После прочтения одну записку прошу уничтожить.»

Снаткин поднял голову, отодвинул в сторону листок и достал свои письма.

– Пришлось писать на бланках прокуратуры, – улыбнулся он. – Самое короткое отдашь тому, кому оно адресовано. Иначе тебя не встретят так, как надо.

Адвокат начал читать послание Снаткина с улыбкой на лице. «Жучок поставлен в моем кабинете не для меня. Ты знаешь, кто мой сват. Как он объяснил мне, охотятся за ним. Но он сейчас, наверное, коньяк жрет, а задержан я. Такое, иногда, бывает. Но дело не в этом. Сначала ты должен поехать в Ковалевку. В садоводческом товариществе „Жемчужина Буга“ есть трехэтажный домик под номером 245. Стожит мою дачку Рома Самострел. Ты должен сказать ему четыре слова „Бог дал – бог взял“. И передашь ему мою письменную просьбу.»

Улыбка погасла на лице адвоката «Затем ты позвонишь одной женщине. Телефон, который я сейчас тебе пишу, ты

должен запомнить. Зовут ее Маша. Это мое доверенное лицо. Возможно, ее телефон уже на прослушке. Человек от меня должен позвонить ей с чужого телефона и сказать „Когда же вы, наконец, пришлете катафалк?“. Она ничего не ответит и бросит телефон. Через два часа вы встретитесь в ресторане „У бабы Ути“. Она будет пить кофе и делать вид, что читает Жан-Поль Сартра в подлиннике. С ней можешь говорить, как со мной. Она преданна мне, как кошка.»

В этом месте Альберт взглянул на Снаткина.

– Кажется, преданных кошек не бывает, – заметил он. – А любовница-это не жена. Я бы не строил в отношении нее серьезных планов, находясь под стражей. – У нас с ней есть совместный бизнес, – пояснил полковник. – это посильнее, чем шуры-мыры. Я верю ей, как самому себе.

– Зачем я должен с ней встречаться? Еще в ресторане, где сотни глаз и камер.

– Читай дальше, – потребовал полковник. «Маша приведет тебя к свату. Он встретится с тобой только тогда, когда об этом попросит его Маша. Сват сейчас осторожен, как раненый зверь. Но он найдет фирму, которая сможет оплатить залог. Ему не выгодно, чтобы я был под следствием».

– Я теперь понимаю Сервантеса, – сказал адвокат. – В тюрьме у человека просыпаются спящие в нем таланты. Если бы его не посадили, мир не узнал бы его знаменитый роман «Дон Кихот».

– Никогда не знал, что Сервантес тоже сидел. – удивился

полковник полиции.

– У тебя тоже почти роман в маляве из тюрьмы, – прокомментировал адвокат.

Полковник полиции улыбнулся, поднял голову и спросил адвоката, есть ли у того зажигалка или спички.

– Конечно, есть, – ответил Альберт. – Это входит в комплекс моих услуг. Не волнуйся.

Он достал из портфеля зажигалку, чирканул и поджог исписанный листок бумаги. Черный пепел осел в хрустальную пепельницу следователя Горпищенко, а синий дымок поднялся к потолку. Вторую короткую записку, не читая, Альберт положил в задний карман брюк.

– А что передать жене? – спросил Альберт.

– Привет и массу наилучших пожеланий. Кстати, сегодня утром она пожелала мне, чтобы я не вернулся домой. Скажи ей, что я подкаблучник и сегодня ночевать домой не приду. Да, кстати. Мы прокачали твои телефоны. В этот период времени к тебе никто не звонил, – вспомнил Снаткин о просьбе Альберта.

И тут же зашипел отключенный мобильник на столе и адвокат поднес его к уху.

– Боже мой, – сказал кто-то, – какое несчастье! Бедная Вика так спешила исполнить твой приказ, Алик, что подвернула ногу и находится в травматическом пункте при вокзале. Разве дело в номерах телефона? Все, к чему Алик ты будешь прикасаться, будет подворачиваться, как нога Вики. Привет

Павлуше. Будет сидеть.»

Лицо адвоката побелело и вытянулось.

– Что-нибудь случилось? – спросил Снаткин.

– Это какая-то мистика! – воскликнул Альберт Яковлевич. – Они нашли меня по мобильнику. Причем, выключенному. А ты говоришь, никто не звонил.

Лежа в машине скорой помощи, Юрий Львович признал наконец-то, что чудеса в этой жизни иногда случаются. С улицы Свердлова, где располагалась прокуратура города, карета скорой помощи свернула на Пушкинскую, обогнула кольцо и помчалась по проспекту Бандеры, бывшему проспекту Ленина, обгоняя троллейбус и маршрутки. Из машины были видны только крыши мелькающих одноэтажных домов. Но Юрий Львович был уверен, что его везут в больницу в Дубки, в сторону титанового завода. Симпатичная женщина-врач в короткой стрижке, измерившая давление, которое сигануло за двести двадцать, вколола ему лекарство, расширяющее сосуды, затем инсулин.

– Конечно, он нуждается в срочной госпитализации, – сказала она лейтенанту Скворцову. – Мы его берем.

– Тогда нужно подписать акт передачи, – предложил Олег.

– Он осужденный? – спросила она.

– Нет, пока свидетель, – пояснил лейтенант полиции.

– Никакой акт передачи я подписывать не буду, – отрезала врач. – Если он вам нужен, садитесь к нам в машину и едем вместе. У нас есть палата для людей, которых мы привозим из полиции или тюрьмы. На окнах решетки и дверь в палату закрывается на ключ.

– Понимаете, – покраснел от волнения Скворцов, – Юрий

Львович Перман – особо важный свидетель и я боюсь, что в наших условиях ему лучше не станет. Вы гарантируете, что он доживет до утра?

– Никто ничего гарантировать не может, – рассудительно произнесла врач. – Но я думаю, что ваш свидетель до утра доживет, а в принципе, может пережить и нас с вами.

– Тогда напишите мне его диагноз, – попросил лейтенант полиции, – и ваше требование о его немедленной госпитализации.

– Молодой человек, – укоризненно сказала врач. – Мы с вами не на рынке, чтобы торговаться. Ваш свидетель нуждается в оказании медицинской помощи. У нас есть особая палата для таких людей. Вам просто нужно вынести постановление об определении вашего свидетеля в особую палату, а уже в больнице позаботятся, чтобы с ним ничего не случилось.

– Я хочу домой, – встрял в разговор Юрий Львович, лежа на столе, – чтобы умереть в семейном кругу.

– А что случилось? – спросила врач Скворцова. – Кто за ним охотится? Бандиты?

– Да нет, – неохотно ответил лейтенант, – просто от показаний этого человека зависит судьба одного большого полицейского начальника.

– Снаткина, что ли? – удивилась врач.

– А вы откуда знаете? – оживился Скворцов.

– Так в нашем городе только один большой полицейский

начальник. Это Павел Иванович. Лично мне он нравится. Настоящий полковник. Он презентовал нам две машины скорой помощи. Ну что, будем грузить свидетеля?

На лице лейтенанта выступили пятна, свидетельствующие о глубоком сомнении и нервном расстройстве.

– И все-таки мне нужна от вас какая-то бумага, – сказал он. – Ну что вам стоит написать правду, высокое давление, большой сахар, опасность комы.

– Я ничего не буду писать. Я оказала необходимую медицинскую помощь, могу его забрать, но если вы возражаете, то он останется с вами.

– Можно с вами переговорить наедине? – спросил Скворцов.

Врач улыбнулась Скворцову и пошла к двери. Лейтенант двинулся за ней. В пустынном коридоре прокуратуры он прошептал врачу на ухо:

– Между прочим, судьба уважаемого вами Павла Ивановича зависит от этого человека.

– И что вы предлагаете? – отодвинулась врач от лейтенанта. – Усыпить его?

– Я предлагаю вам двести баксов за бумагу о том, что Пермана Юрия Львовича, свидетеля по делу, нужно по медицинским показаниям срочно отвезти в больницу. Можете даже не указывать медицинского основания. А я напишу сопроводительное письмо, чтобы его определили в специальную палату с решетками на окнах и запирающуюся на ключ.

При этих словах Скворцов отсчитал двести долларов и сунул их в карман халата врача. Врач молча пошла к выходу, а Скворцов вернулся к Юрию Львовичу.

– Львович, – оживленно сказал лейтенант. – Тебя забирают в больницу. Поэтому я возвращаю тебе деньги.

– Спасибо, – ответил Перман и замахал руками, мол, оставь их себе.

– Нет, – твердо сказал Скворцов и сунул свернутые в трубочку доллары в карман брюк Пермана. – Они тебе там еще пригодятся. Тебя поместят в палату с решетками на окнах. Сам понимаешь, я не могу иначе. Палата закрывается на ключ. Я думаю, ты сможешь договориться, чтобы купить этот ключ или сделать его копию, если тебе это понадобится.

– Меня прикуют наручниками к кровати? – испуганно спросил Юрий Львович.

– В следующий раз, – улыбнулся ему лейтенант.

В этот момент врач с помощником-фельдшером, пожилым мужчиной с усами Тараса Бульбы, втащили каталку, положили на нее Пермана и фельдшер укатил его на улицу.

Врач передала Скворцову письмо. Скворцов написал на бланке прокуратуры просьбу поместить Пермана Юрия Львовича в специальную палату до выздоровления и передал бланк врачу.

Юрий Львович почувствовал, что машина остановилась и услышал голоса людей. В машине было холодно, ее окружила темнота, но через некоторое время двери скорой помо-

щи отворились и несколько женщин с фонариками выволокли носилки с Юрием Львовичем, погрузили его на каталку и фельдшер сказал, что его надо поместить в специальную палату.

– Опять насильник? – охнула одна из женщин.

– Хуже, – ответил фельдшер. – За ним гоняется вся полиция города.

– А что он натворил?

– Говорят, украл сейф у начальника полиции. А в сейфе миллион долларов.

– Хватит звиздеть, Тихон Федорович. Старый как малый.

Юрий Львович понял, что его всунули в лифт и стал считать этажи. Кажется, на четвертом этаже лифт встал, как вкопанный. Удивительный запах больничного коридора, словно пуховое одеяло, окутал Пермана. Он расслабился и закрыл глаза. Везли его минуты три. Очевидно, специальная палата располагалась в одном из закоулков этого этажа, подальше от нормальных больных. Когда его перенесли на кровать, еще одетого, но без туфель, кто-то из женщин, сопровождавших его, сообщила ему, что врач осмотрит его позже, но если он захочет в туалет или кушать, то должен нажать красную кнопку над кроватью.

– Свет включить? – спросил кто-то.

– Нет, спасибо, – ответил Юрий Львович. – Я так устал, что просто хочу спать.

– Ваши туфли – под кроватью, – услышал он и снова за-

крыл глаза.

Дверь больничной палаты захлопнулась, ключ провернулся в замке два раза.

Юрий Львович еще несколько минут лежал не шелохнувшись, затем вскочил, в темноте нащупал выключатель и нажал его. Палата озарилась лампами дневного света. Довольно большая комната с белыми стенами, белым потолком, пятью оголенными кроватями и тремя зарешеченными окнами, за которыми виднелись оранжевые окна девятиэтажек. Самое смешное заключалось в том, что в одной из этих девятиэтажек, находилась его квартира, в которой его ждали жена и рыбные котлеты, которые он заказал, уходя на работу. Прильнув к одному из окон, Юрий Львович физически ощутил головокружительный запах рыбных котлет. Слезы умиления потекли по небритому лицу пациента. И только одна мысль, пульсирующая где-то в подсознании, заставила его отогнать чувство жалости к себе и перекрыла доступ слез к глазным железам. Эта мысль была очень проста и конкретна: нужно срочно позвонить Аркадию. Этот звонок теперь приравнивался к попытке побега. Если Аркадий узнает, что случилось с ним и где он находится, он обязательно освободит его из новой камеры. Что будет, если друг Аркадий не сможет этого сделать, вообще не принималось во внимание, как невозможно себе представить, что Вселенная безгранична, безмерна и безвременна.

Юрий Львович отошел от окна, снял брюки, пиджак, ру-

башку, сложил все на стул, вынул из кармана брюк доллары, пересчитал их, отнял триста долларов, которые сунул под подушку, остальное спрятал в туфли, стоявшие под кроватью.

Ключ в замке снова провернулся два раза, Юрий Львович успел нырнуть под одеяло и закрыл глаза.

В палату вошли несколько человек.

– Кто это у нас любит спать при зажженных лампах? – недовольно сказал один из вошедших.

Юрий Львович открыл глаза. Пожилой мужчина, совершенно лысый, в очках, с вытянутым лицом, в коротко подстриженных усах над верхней толстой губой и двое женщин, все в белых халатах, окружили его кровать.

– Как самочувствие? – спросил мужчина.

– Так себе, – ответил Юрий Львович, щуря глаза, как бы от яркого света.

– Жалобы есть? —

– Есть, – сказал Юрий Львович.

– Я слушаю, – сказал мужчина и присел на край кровати.

– Я не могу об этом говорить при женщинах, – тихо сказал Юрий Львович.

Женщины переглянулись и усмехнулись, а мужчина раздвинул рот с крупными неровными зубами и отчетливо произнес

– Это не женщины. Это медицинские работники. Можете говорить, не стесняясь.

– И все-таки я хочу переговорить с вами тет-а-тет, – на-

стоятельно сказал Перман.

– Вы слышали? – обратился к женщинам мужчина и рас- смеялся.

– Нам раздеться сейчас или позже? – кокетливо спросила одна.

– Или раздеть этого мужчину? – насмешливо ответила другая.

– Дуры, – сказал врач. – Пациент – интеллигентный чело- век и хочет переговорить со мной наедине.

Только теперь Юрий Львович почувствовал разящий за- пах спиртного. Все трое были изрядно выпившие и, навер- ное, искали приключений.

– Да он гомик. Вы не боитесь, Натан Мойсеевич за свою задницу? – держась за спинку кровати сказала та, что была помоложе.

– В моем возрасте, – осклабился Натан Мойсеевич, – уже все можно. Ладно, девчонки, посторожите меня за дверью и пойдем доедать торт. Ну что там у вас такого секретного, голубчик?

«Девчонки» поддерживая друг друга вывалились из пала- ты и закрыли за собой дверь.

Юрий Львович вытащил из-под подушки триста долла- ров.

– Мне нужно срочно позвонить другу, – попросил он. – Я понимаю, что любая услуга стоит денег. Триста баксов за две минуты, приемлемая цена?

– Господи, – рассмеялся врач. – Ваша фамилия, кажется, Перман?

– Так точно, – настороженно ответил Юрий Львович.

– Так может ли Натан Мойсеевич Перельман отказать Юрию Львовичу Перману за какие-то триста долларов разговор с другом?! Вы лучше скажите мне, как вы дошли до жизни такой, что вас привозят в арестантскую палату? Вы кого-нибудь убили? Обокрали? Изнасиловали?

– Что вы? – не веря своему счастью, пробормотал Юрий Львович. – Я тут по недоразумению. Завтра утром все выяснится и меня отсюда заберут.

Врач вытащил из кармана халата мобильник, передал его Перману и спрятал в другом кармане три сотенных бумажки.

– Честно говоря, – сказал он утешительно, – я не помню случая за тридцать лет практики, чтобы отсюда уходили домой. Или в тюрьму, или на кладбище. Любое преступление – это недоразумение.

Юрий Львович набрал номер Аркадия Кеосаяна и чуть не задохнулся от радости, когда услышал знакомое «Алле».

– Аркадий, ты знаешь, где я нахожусь?

– Ну где ты можешь находиться? Складываешь бабки вместе с Раей в наволочку от подушки, – пьяным голосом сказал Аркадий. – Сколько можно собирать, Юра? Ты уже давно мог бы купить автопарк, а едешь на работу на троллейбусе. Деньги отдал?

– Нет, – сказал Перман, косясь в сторону врача.

– Не понял? – тут же протрезвел Аркадий. – Что-то случилось?

– Начальника полиции и меня арестовали при передаче денег. Сейчас я нахожусь в больнице в Дубках. Но завтра меня могут вернуть назад. Они обещали применить ко мне физические меры воздействия. Я прошу тебя, забери меня отсюда. И позвони Рае, что я уехал в командировку. Если она узнает, где я, у нее будет второй инфаркт.

– Я все понял, – четко сказал Аркадий. – На каком этаже твоя палата? Сколько там человек? Кто врач?

– Кажется, на четвертом. Палата закрывается на ключ. Ключ находится у Натана Мойсеевича.

– Мы находимся на пятом этаже, – уточнил Натан Мойсеевич, – а ключ висит в ординаторской под замком.

– Ты слышал? – спросил Аркадия Перман.

– Слышал, – ответил Аркадий. – Передай трубку врачу.

– Он хочет переговорить с вами, – прикрыв рукой мобильник, обратился к врачу Юрий Львович.

– Я не имею права ни с кем говорить из родственников и знакомых пациентов этой палаты, – скрестив руки, запротестовал Натан Мойсеевич. – Я и так уже наговорил на десять лет.

– Но поймите же, – заволновался Юрий Львович, – я не подследственный, не обвиняемый, я – свидетель. Меня даже не приковали наручниками к кровати, не выставили за дверь полицейского. Я безвредный, как майский жук. Просто

мне стало плохо, и я оказался тут у вас. Он помолчал и обратился снова к Аркадию – Он не может говорить с тобой.

– Две минуты, кажется, истекли, – сказал врач. – Не рвите себе душу, Юрий Львович. Отсюда домой никто никогда не уходил без разрешения прокурора. Верните мне телефон, и если у вас больше жалоб нет, встретимся утром.

– Ты слышал? – запричитал в телефон Перман.

– Отдай этому поцу телефон и жди меня. Ни с кем больше не разговаривай. Если можешь, усни.

Аркадий отключился и Перман передал телефон Натану Мойсеевичу.

– Единственное, что я могу для вас сделать, – сказал врач, – это угостить вас куском торта и чашкой хорошего кофе. Моя дочь в Израиле сегодня впервые в мире пересадила поджелудочную железу, что мы и отмечаем.

– Спасибо, – отказался Юрий Львович и натянул на голову одеяло.

– Спокойной ночи, – поднялся врач, выключил свет, вышел в коридор и два раза провернул ключ в замке.

8

Несколько минут Аркадий Кеосаян приходил в себя. Квадратный стол в комнате отдыха сауны «Лагуна» был уставлен бутылками с яркими европейскими наклейками, вокруг которых теснились тарелки из теста с мидиями в скорлупе, хвосты омаров, копченая осетрина, французский сыр с плесенью, черная икра, конфеты «Рафаэло» и всевозможные коктейли, наполовину опорожненные. За дверью, в двадцатиметровом бассейне, резвились голые девки. Трое мужчин находились в парилке. Одна пара совокуплялась в комнате для свиданий, посередине которой стояла кровать-аэродром. Аркадий снова налил себе стакан красного вина и выдул его, как самогон, одним вдохом, машинально отломил часть тарелки и стал ее прожевывать. Никаких мыслей по поводу спасения друга Пермана не было, потому что ситуация вышла из-под контроля и стала запутанной и непредсказуемой. Арест полковника полиции Снаткина испугал Аркадия. Не каждый день с шахматной доски жизни убирается такая фигура, как Снаткин. За этим ходом могла быть длительная мастерская подготовка каких-то людей к переделу собственности в городе. И самое обидное, что это произошло при участии его денег. Теперь и полиция, и бизнесмены его круга, могли объединиться в один фронт против Кисы, как сокращенно называли его в авторитетных сло-

ях городского полусвета, и призвать к ответу за организацию свержения устоявшегося порядка. Если в топку чьих-то интересов был брошен такой чел, как полковник Снаткин, то кто-то рангом пониже обязательно должен будет понести за это наказание. И конечно, козлом отпущения грехов, выбрали и назначили его, Кеосаяна, дружбана смотрящего за областью Вовки Хазана. А поводом могло стать приобретение контрольного пакета акций титанового завода. Не успела еще высохнуть подпись на договоре купли-продажи этих акций, как молниеносный хук в солнечное сплетение, сразу все омрачил. Из жизненного опыта Аркадий четко усвоил, что пока не установлен враг, нельзя ни к кому обращаться за помощью. Весьма возможно, что человек, к которому он обратится за советом и есть мозговой центр содеянного. Поэтому ни к прокурору города, ни к губернатору, ни к службе безопасности бежать не имело никакого смысла. Все эти люди, вероятно, уже были заряжены кем-то и действуют по заранее утвержденной схеме. Обратиться за помощью к смотрящему было еще опаснее. А если движение исходит от него самого? И даже, если нет, главное правило бандитской этики состояло в том, что наследивший, обязан сам или за свой счет, прибрать после себя, чтобы не подставлять благородное сообщество. Таким образом, круговорот мыслей вернул Аркадия снова к Юрию Перману, школьному другу. Убрать Пермана из этой игры следовало по двум причинам. Конечно, из-за долголетней дружбы, но с другой стороны, волк, по-

павший в капкан, отгрызает себе лапу, чтобы спасти остальных три, однако Перман был не лапой, а новым капканом. Поэтому следовало немедленно что-нибудь придумать, чтобы Юрия долго искали и не могли найти, пока не обнаружится тот злодей, который все это затеял. Юрий Перман в силу своей неустойчивой душевной организации, мог утопить не только себя, а главное дело Кеосаяна – титановый завод, эту курицу, несущую ежемесячно золотые яйца. Но как вытащить Пермана из специальной палаты больницы, он пока не знал. Ни полиция, ни собственная служба безопасности, ни воры в законе для этого не годились, потому что утром все следы побега Пермана гарантированно приведут к нему. И этот звонок Юры с телефона врача будет основным доказательством причастности Кеосаяна к похищению участника досудебного следствия.

В комнату ввалился директор Центрального рынка Артем Порошенко, волосатый и огромный, как орангутанг со следами помады на лице.

– Киса, – расслабленно сказал он, – я беру эту сучку в свои секретарши. Стыдно сказать, мне уже пятьдесят, но только сегодня она лишила меня девственности по-настоящему.

– Это уже десятая кандидатура на секретаря за этот год, – кисло улыбнулся ему Аркадий. – И каждая из них вытворяет с тобой чудеса.

Порошенко вытер пот с лица, налил себе минеральной воды и выпил.

– Мне вредны эти наши посиделки, – грустно сказал он. – Я люблю свою жену, своих детей, свою семью. Но я никогда не получал от жены такой страсти, такого накала, такого секса. И не получу уже никогда. Аэродром освобожден, можешь вести туда свою кралю.

– У меня сейчас другие проблемы, – нахмурился Аркадий. – Мой самый преданный друг попал в беду. Он находится в специальной палате больницы для арестованных и просит помощи. А я не знаю, что делать, чтобы ему помочь. Я вообще не представляю, к кому я могу обратиться за помощью. Ни один из вариантов не подходит.

– Самый лучший вариант, – облачившись в цветное полотенце, сказал Порошенко, – это не суесться, не рвать на жопе последние волосы, а дать правосудию насладиться своей властью.

– Спасибо за толковый совет, – ответил Аркадий. – Когда на тебя накинута петля, я тоже дам тебе неплохой совет в том смысле, что не надо бояться смерти, надо относиться к этому с оптимизмом, как к неизведанному путешествию в другой мир. Тебе от этого полегчает?

– Ты меня не понял, Аркан, – объяснился Порошенко, почесывая волосатую грудь. – Я имел в виду, что пацана легче и дешевле вытащить из колонии. Так я сделал с двумя своими замами. Закончились телерепортажи, ушли в архив газеты, забылся народный гнев и через год после приговора я просто выкупил людей из зоны. Приговор свершился, правосу-

дие осуществилось и люди оказались уже никому не нужны. Разумеется, кроме меня. Они и сейчас работают у меня экспедиторами с полномочиями дай бог каждому.

– Мальчики! – просунулась в комнату симпатичная мордашка. – Вы не забыли о нас? А где все?

– У нас сейчас совещание, Алина, – сказал Аркадий. – Если вы соскучились и охладились, бегите в парилку. Мы подгребем туда минут через десять.

Алина хлопнула дверью так, что на столе пришли в движение бутылки.

– У меня на рынке, – сказал Порошенко, – есть экстремистская организация «Москаляку на гиялку». Парни совсем недурные. Изображают из себя отморозенных, но работают за бабки лучше, чем полиция и бандиты. Я три года боролся с застройщиком спорной территории. Я прошел все суды, привлекал к делу полицию, прокуратуру, даже подкупал офицеров службы безопасности. Бабла ушло немеренно и все безрезультатно. Ответчик тут же отменял решения районных судов в апелляционном, подкупал других полицейских и прокуроров. Я от невезения как-то напился и набросился на Москаленко Гену, руководителя организации, мол, дармоеды вы бесконечные, польза от вас, как от козла молока. Вы сидите уже год на моей шее и не куете и не мелете. И что ты думаешь, Гена на чистом русском языке делает мне предъяву, что я виноват в проигрышах сам, потому что я кормил их и ничего от них не требовал. Я от от-

чаяния написал кассационную жалобу без всякой надежды на успех. Показал ему определение суда. Он при мне позволил в Киев своему руководителю, согласовали сумму акции. Я заранее списал эту сумму как безнадежную. И что ты думаешь? Порошенко плеснул себе в фужер вина. – Пришли к суду в Киеве с вилами и палками, отбросили в сторону всю судебную охрану, ворвались в зал судебного заседания с криками «Зрада» и «Судью – москаляку на гиляку». Судьи обосрались прямо в зале. Вынесли решение, не выходя в совещательную комнату. Мой ответчик рыдал у меня на груди. Он потом нанял себе «Левый сектор», но было уже поздно пить боржоми.

Порошенко пригубил вино и снова поставил фужер на стол.

– Я к чему веду речь, Аркан, – продолжил он. – Может твоего друга вытащить с помощью Москаленки? Их боятся все, даже те, кто их придумал и курирует. За ними не придет ни полицейский, ни прокурор. Однажды нашелся у нас капитан Катани, задержал двух парней из организации, так на следующий день у мусорного бачка ему проломили голову ржавой трубой. Умер в больнице, не приходя в сознание. Суды теперь отпускают их пачками, потому что никакая охрана не спасет от бесбашенных.

– Вот это интересная мысль, – оживился Аркадий. – Вопрос только в том, будут ли они с таким инородцем, как я, работать?

– Сейчас проясним этот вопрос, – сказал Порошенко и направился к шкафу с одеждой.

– Тут еще одна закорючка, – сказал Аркадий. – Мой друг, Перман – еврей.

– У нас теперь нет евреев, – мудро заметил Порошенко. – У нас теперь есть жидобандеровцы и просто жида. Улавливаешь разницу? Жидобандеровца уже не унизишь, он сам кого хочет, унизит. В крайнем случае, чтобы не переплачивать, скажем, что он не еврей, а караим.

– А это что за фрукт?

– Это коренной народ Крыма. Они жили там еще до турецкого ига. Правда, обрезанные, как и положено.

Порошенко нашел свой мобильник и набрал номер Москаленко.

– Слава Украине, – сказал он, приветствуя экстремиста. – Есть хорошее дело. Ты как, в форме? Одного караима, жителя оккупированного Крыма, надо спасти от расправы оборотней в погонах. Хотят его насильно вернуть на родину. А там его уже давно ждут, чтобы снова нас перед Западом унижить.

– Его нужно подержать у себя месяца два. Его охрана и содержание будут оплачены согласно договору, – подскочил к Порошенко Аркадий.

– Он находится в областной больнице, в специальной палате, – продолжил говорить Порошенко.

– На пятом этаже, – подсказывал Аркадий. – Ключи от па-

латы находятся в ординаторской под замком. До утра командовать парадом будет доктор Натан Мойсеевич, фамилию не знаю.

– Везти его никуда не надо. Надо будет просто подержать его у вас на базе месяц-два за дополнительную плату. Пойдет? – говорил Порошенко. – Ну да, понятно. Я сейчас согласую и перезвоню тебе. Героям слава!

– Двадцать штук, – обернулся Порошенко к Аркадию.

«Штук десять тут же прибавил для себя, – подумал Аркадий, но не обиделся, потому что для Порошенко он сделал бы точно также.

– Годится, – согласился Кеосаян. – Едем на стрелку?

– В этом нет необходимости, – сказал Порошенко. – Ты привозишь мне сюда деньги, подробно объясняешь местонахождение друга, и в подтверждение сделанного получаешь фото друга в убежище.

– Мне не надо никуда ехать, – сказал Аркадий и нажал кнопку под столом. – Садись, – махнул он директору рынка, – выпьем за успех нашего безнадежного дела. Мне сейчас принесут деньги.

Они разлили вино по фужерам, чокнулись и выпили, не закусывая. В комнату вошла хозяйка «Лагуны», пожилая женщина, как писали в старых романах, «с чертами былой красоты», с папироской в зубах, с белым шиньоном, прикрывающим лысеющую голову.

– Татьяна Васильевна, – сказал Аркадий, – принесите мне,

пожалуйста, двадцать тысяч долларов.

Татьяна Васильевна изобразила на худом лице недоумение и выпустила кружок черноватого дыма из ноздрей.

– Вы ничего не перепутали? – спросила она. – Здесь не банк. Здесь у нас публичный дом.

– Таня, – рассмеялся Кеосаян, – я не пьян. Принеси мне оттуда двадцать штук и две штуки возьми для себя за верную службу.

Старая дама, не благодаря, ретировалась.

– Старая школа, – одобрительно сказал Аркадий. – Не любит исполнять мои просьбы, когда я, по ее мнению, пьян. За это я ее люблю. Честный и прямой человек, но несчастный. Вот уже десять лет выносит говно из-под парализованного мужа. Таня, говорю, я же плачу тебе достаточно, чтобы взять сиделок. «Мой муж, – говорит, – это мое счастье и мое горе. И я даже говно, как вы говорите, из-под него не доверю чужому человеку.»

– Таких жен уже нет, – согласился Порошенко.

В комнату отдыха вошли красные от пара мужчины и женщины, которые со смехом и шумом стали поглощать вино и еду. Аркадий моргнул Алине и та беспрекословно покинула комнату. Кровать-аэродром приняла их в свои объятия без обычных предварительных ласок.

Через два часа пять человек в камуфляже и балаклавах вошли в приемный покой областной больницы. Вставших им навстречу полицейских, они поприветствовали выбросив вверх правую руку и хором крикнули: «Слава Украине!». «Героям слава!» – нестройно ответствовали полицейские, переглядываясь. «Слава нации!» – орали вошедшие. «Смерть врагам!» – отвечали полицейские, вытянувшись, как перед начальством и отдавая честь. Группа беспрепятственно вошла в лифт и поднялась на пятый этаж.

– Нам нужен Натан Мойсеевич, – остановил один из них перепуганную медицинскую сестру.

– Как вы сюда попали? – лепетала медицинская сестра. – Вы испугаете всех больных.

– Почему гавкаем на собачьей мове? – окружила ее группа пришедших.

– Натан Мойсеевич в ординаторской, – растерянно сообщила девушка.

– Веди нас к нему, – приказал старший группы, и остальные тут же хором запели «Ще не вмерла України...»

Натан Мойсеевич сам выбежал из комнаты на возникший шум.

– В чем дело, товарищи? – возмутился он. – Здесь вам не балаган, а больница.

– Мы тебе не товагищи, жидок, – перекривил его кто-то из группы. – Веди нас к нашему побратиму, представителю коренного населения оккупированного Крыма.

– Еще шаг, и я вызову полицию, – пригрозил Перельман. – Здесь находится особый объект, который охраняется государством.

– Чемодан, вокзал, Израиль! – прокричала группа.

Перельман попытался вынуть из кармана халата мобильник, но его подхватили крепкие руки двух мужчин и отобрали телефон.

– Где ключи от арестантской палаты? – спросил его, по-видимому, старший.

В слабом свете больничного коридора перед ним стояла группа людей в военной форме и масках с прорезью для глаз и рта. Если бы Перельман был трезв, он сразу бы оценил степень опасности. Но Натан Мойсеевич после стапятидести граммов водки абсолютно терял способность к страху.

– А-а, – зарычал он вырываясь и брызгая слюной. – Ничтожные бандеровцы, как вы нас всех уже затрахали! Вон отсюда, негодяи! Снимите немедленно маски! Я хочу видеть ваши гнусные рожи! Бойтесь посмотреть мне в глаза? А я не боюсь вас...

– Заткни ему пасть, – приказал кому-то старший группы.

После серии ударов в живот и по голове, Перельман переломился и замолчал от боли.

– Ребята, – выбежали из ординаторской две женщины в

халатах. – Что вы творите? Не трогайте Натана Мойсеевича, у него большая печень. Как вам не стыдно, пятеро на одного?! Что вы хотите?

Они отбили Перельмана и усадили его на диван у стены.

– Мы пришли за своим побратимом, – сказал парень, руководивший остальными. – А он стал нас оскорблять.

– Никого из ваших к нам не привозили, – стала объяснять одна из женщин. – В спецпалате находится только гражданин Перман...

– Вот он нам как раз и нужен, – сказал старший.

– Они хотят его убить, – снова вскричал Перельман., воздев руки к потолку. – Но Бабьего Яра здесь не будет. Вы его получите только через мой труп!

– Слушай, – нетерпеливо обратился старший группы к одной из женщин. – Уйми его по-хорошему. Нас уже поджигает время. Где эта палата?

– Зачем он вам? – спросила женщина.

– Он был активным членом Майдана, а теперь такие, как он, – указал он на Перельмана, – хотят его сгноить. Для нас любой активист Майдана – побратим. Где ты был, Натан в четырнадцатом году, когда нас расстреливали? А этот Перман лично меня вытащил из-под бойни. Теперь моя очередь помочь ему.

– Ключ от спецпалаты мы вам не дадим, – сказала женщина. – Вы, как всегда, убежите, а мы завтра сами можем оказаться в этой палате.

– Но как к ней пройти? – нетерпеливо спросил кто-то из группы парней.

– Прямо по коридору и направо. Там табличка висит. Спецпалата, – ответила вторая женщина, поглаживая лысую голову Перельмана.

Трое человек двинулись к палате, а двое остались сторожить Перельмана, двух женщин и онемевшую медсестру. Через несколько минут послышался грохот сломанной двери. Вбежавшие в палату парни сначала растерялись, потому что все кровати оказались пусты. У той, что была недалеко от двери стоял стул с наброшенными вещами. Сопротивляющегося Юрия Львовича вытащили из-под кровати.

– Вы от Петренко? – хныкал он. – Только не бейте.

– А кто такой Петренко? – спросил один из парней.

– Он пытается заключенных, которые не сотрудничают с полицейскими, – осторожно сообщил Перман, осматриваясь по сторонам и понимая, что случилось что-то другое и Петренко со своими мордоротами еще не явился. Но и радоваться троем мужчинам в масках с прорезью для глаз и рта тоже не было оснований.

– У нас заказ на тебя, – объяснил кто-то. – Одевайся и на выход.

– Мне нужно позвонить другу, – натягивая рубашку и пытаясь запрыгнуть в брюки, жалобно не сказал, а простонал Юрий Львович, для которого слово «заказ» означало, что в лапах Петренко еще можно было бы, наверное, выжить, а эти

просто пришли убивать. «Из огня да в полымя», – пришла ему в голову поговорка, истинность которой ему теперь пришлось испытать.

– Позвонишь позже, – пообещали ему. – Нам надо торопиться.

– А кто, если это не секрет, меня заказал? – спросил Юрий Львович в надежде перекупить исполнителей.

– Меньше знаешь, крепче спишь, – потрепал его по плечу один из ворвавшихся.

– Дело в том, что скоро сюда должен прийти мой друг Аркадий, чтобы помочь мне. Он очень обеспеченный человек. Он может вам за меня заплатить больше, чем вам обещали, – застегивая пуговицы дрожащей рукой, сказал Перман.

– Это интересно, – переглянулись друг с другом пришедшие. – Приедем на базу, обговорим твоё предложение.

Юрий Львович с печалью оглядел палату, как осужденный идущий на казнь. Помещение показалось ему и уютным, и теплым, и надежным в отличие от того, что его ожидало впереди. Единственное, что пришло ему в этот момент на ум, была мысль о том, что чудеса, как наказание, случаются с людьми неумными и жадными. Такими, например, как он. Не согласись он нести эти сто тысяч начальнику полиции города, и начальник, и он благополучно сейчас бы ужинали дома перед телевизором и ждали новой серии телевизионного фильма о тайнах следствия.

Полицейская охрана появилась на пятом этаже только по-

сле того, как группа в масках, распевая гимн страны, и хором выкрикивая хештек «Москаляку – на гиляку», прошла мимо них и покинула территорию больницы.

Адвокат Кемельман увидел бледное лицо Вики, которая лежала на грязном топчане в узкой комнате медицинского пункта при городском железнодорожном вокзале, и сердце его сжалось от сострадания к ней и вине перед ней одновременно. Врач или фельдшер сидел к нему спиной и с удовольствием уплетал толстую сардельку, то и дело окуная ее в кетчуп и закусывая вместо хлеба жаренной картошкой фри. Справа от него работал маленький телевизор.

Альберт Яковлевич присел на край топчана. Вика поморщилась от боли, но черные, как ночное небо, глаза ее сияли от радости.

– Как ты меня нашел? – тихо спросила она. – Я звонила тебе, но телефон твой все время был отключен.

Мужчина в халате перестал есть и обернулся.

– А вот и муж пожаловал, – тоже радостно сказал он. – А ты говорила, что тебя некому забрать.

– Это мой начальник, – объяснила Вика.

– Надо ее, начальник, – сделав лицо серьезным произнес он, вытирая рот салфеткой – срочно везти в больницу. Первую помощь я оказал, но нужно точно удостовериться, может это перелом. А причиной всему являются ее туфли на высоком каблуке. Я бы на вашем месте запретил ей ходить на работу в такой обуви.

– Василий Матвеевич мне очень помог, – сказала Вика. – Он уже собирался мне скорую вызвать...

Альберт встал, подошел к Василию Матвеевичу и положил на его стол пятьдесят долларов.

– Спасибо за помощь, – сказал он и спросил: – Этого хватит?

– Это мой долг – оказывать помощь людям, – скромно сказал Василий Матвеевич, – но от благодарности не откажусь.

При этом Василий Матвеевич, не притрагиваясь к купюре, каким-то образом загнал ее в открытый верхний ящик стола и тут же прихлопнул его. «Фокусник», – подумал Альберт и невольно улыбнулся. Его подмывало спросить Василия Матвеевича, как он это делает, но было неудобно. – Вот вам направление, – передал тот Альберту бумагу в пол листа. «Понял!», – обрадовался своей догадливости адвокат. – «Он, наверное, смахнул купюру в ящик этим листком, направлением в больницу. Ай-да, Василий!»

Вместе с Василием Матвеевичем они довели Вику к его машине, «Лексусу» серебристого цвета с современной начинкой и усадили ее на переднее сиденье. При этом адвокат ни на минуту не отпускал свой потертый рыжий портфель, в котором была записка Снаткина и план действий, составленный Альбертом после того, как Павла Ивановича увели.

План действий был прост и строго однозначен: немедленная поездка на дачу в Ковалевку, звонок Маше и встреча с ней в ресторане, разговор со сватом Снаткина. Но теперь на-

до было еще отвезти Вику в больницу, дожидаться результатов рентгена ноги, привезти Вику домой или оставить в больнице в зависимости от рекомендаций врача.

Когда они распрощались с Василием Матвеевичем, Альберт обернулся к Вике и сказал:

– Мы с тобой под колпаком какого-то психопата. Это он позвонил мне и сказал, где ты находишься.

– Странно, – задумалась Вика. – Когда мой каблук попал в решетку ливневки и я упала, ко мне подбежали две женщины. Они помогли мне добраться до медицинского пункта на вокзале. Может быть, тебе позвонил Василий Матвеевич?

– Ты просила его об этом?

– Нет, это глупо. Он даже не знал о твоём существовании. Да и зачем мне его просить, если я сама раз десять пыталась к тебе дозвониться. Может это телепатия?

Вика улыбнулась.

– Я посылала тебе мысленно сообщения, где я нахожусь и что со мной случилось, и ты их получил.

– У меня такое впечатление, что кто-то очень хорошо знаком с моим окружением, рассказывает мне о моем прошлом, пытается навредить моим клиентам и друзьям. Причем, конкретные претензии не выдвигает. Все вокруг да около.

С первого дня совместной работы, Альберт понял, что Вика не только обаятельная женщина, но и невероятно умная и трудолюбивая. Практически из секретаря она превратилась в компаньона. Она звонила всем клиентам и органи-

зациям, когда нужно было назначить встречи или отложить их, она вела налоговый и бухгалтерский учет, делопроизводство, но самое главное, она обладала способностью определить психологический тип клиента. Сначала, краснея и запинаясь, она предупреждала Альберта о том, что с этим клиентом нужно вести себя осторожно, а лучше вообще отказаться иметь с ним дело. – Почему? – удивлялся Альберт.

– Я не знаю, как вам это объяснить, – смущалась она, – но мне кажется, что он может вас подставить. Ну например, он не смотрит вам в глаза, значит, не доверяет.

– Откуда ты знаешь, как он ведет себя со мной? Ты же не присутствуешь при наших беседах?

– Может быть, я к нему несправедлива, но лучше с ним не иметь дела. Этого клиента адвокат Кемельман запомнил хорошо. Санитарный врач Продан был задержан при получении взятки, заключающейся в двух бутылках коньяка «Ужгород», коробки конфет «Золотая нива» и двухсот гривень. Следовательно определил ему меру пресечения в виде подписки о невыезде. Оспаривать получение этих предметов в виде взятки, не имело смысла. Вся загвоздка этого уголовного дела заключалась в сумме взятки. Следствие считало, что стоимость двух бутылок коньяка, конфет и полученных денег, превышало на двадцать гривень размер взятки, предусмотренный соответствующей статьей Уголовного кодекса. Это означало, что действие санитарного врача Продана подпадает под признаки преступления и он может получить реаль-

ный срок от трех до восьми лет. При осмотре вещественных доказательств, Альберт обратил внимание на то, что бутылки с коньяками были без акцизных марок. Был ли там подлинный коньяк ужгородского завода или самогон, принципиального значения не имело. Важно было то, что две бутылки коньяка не могли теперь иметь цену, которую им пристегнул следователь, затребовавший магазинную цену коньяков. Обращать на это внимание следователя, Альберт Яковлевич не стал, потому что понимал, как легко заменить бутылки без акцизных марок на бутылки с акцизными марками. В этом и должен был состоять фокус, чтобы при осмотре вещественных доказательств, судья убедился, что следствие прокололось, а в действиях Продана нет состава преступления, а есть только административный проступок. За месяц до суда Продана вдруг арестовали. И на суде, на вопрос прокурора, почему он на следствии не заявил ходатайство об отсутствии акцизных марок, Продан сказал, что он не разбирается в акцизных марках и вообще адвокат настоял на том, чтобы до суда он пар изо рта не выпускал.

– Иными словами, – подытожил прокурор, – адвокат Кемельман в нарушение адвокатской этики заставил вас ввести следствие в заблуждение? Продан, который считал, что в его внезапном аресте была и вина адвоката, согласился:

– Получается, так

– Я прошу суд записать показания подсудимого в этой части в протокол, – торжествующе сказал прокурор.

– Я больше скажу, – заявил подсудимый, – из-за неумной позиции адвоката, я два месяца не видел свою семью. Я вообще не понимаю, какое значение имеют здесь акцизные марки.

В заключительной речи прокурор попросил суд учесть раскаяние подсудимого Продана, его правильную и принципиальную позицию и назначить ему шесть лет лишения свободы, а в отношении адвоката Кемельмана вынести частное определение.

Суд, однако, направил дело на новое рассмотрение и через шесть месяцев, дело потихоньку скончалось, а санитарный врач Продан вышел на свободу. С тех пор Вика из секретаря превратилась в незаменимого работника. Адвокат Кемельман обсуждал с ней свои стратегии по делам, прислушивался к советам, и любил наблюдать как ее мысли четко и аргументированно переливались в слова. Однажды они поехали в столицу вместе. Ему нужно было знать ее мнение о предложении вступить на паях в дело по строительству коттеджей. Он представил ее своим компаньоном и при беседе то и дело посматривал в сторону худощавой Вики со слегка вытянутым умным лицом, которое обрамляли густые блестящие, как крыло ворона, волосы. Она любила подкрашивать рот ярко-малиновой помадой, отчего лицо ее всегда выглядело бледным. Вечером, в ресторане она сказала, что ему не стоит входить с этими людьми в совместный бизнес.

– У них есть связи и идеи, но нет денег, – сказала она, рас-

правляясь со стейком. – Я бы побоялась им довериться. Они разошлись по своим номерам в гостинице. А в двенадцать часов ночи Вика постучалась в его номер. Удивительно, но ее лицо в этот момент было розовым, как бы подсвеченным, а полные губы, не накрашенные и чуть скошенные в сторону, дрожали.

– Я думаю, другого случая у нас не представится, – сказала она. – Я не знаю, что это такое, но с первого дня нашего знакомства, я близка к обмороку каждый раз, когда нечаянно соприкасаюсь с вами. Мне всегда стоит больших усилий удерживать себя, но сегодня я хочу переспать с вами. Можете меня потом выгнать.

– Подожди, – смешался Альберт, – но ты, кажется замужем. Я видел твоего мужа. Он красавчик. Как ты потом будешь смотреть ему в глаза?

– Когда мы занимаемся с ним сексом, я всегда смотрю ему в глаза и вижу в них синее небо ваших глаз, я вдыхаю его запах и понимаю, что я хочу, чтобы он пахнул, как вы и когда я представляю себе, что это вы входите в меня, я кричу, как раненная птица. Так не должно быть. Я хочу все это испытать с вами. Иначе я сойду с ума от раздвоения сознания.

– Но я тоже женат, – глупо сказал Альберт.

– Если ты меня сейчас прогонишь, – дрожа всем телом, и впервые обратившись к нему на «ты», пригрозила она, – я не буду с тобой работать.

Сердце Альберта забилося, как в истерике. Он понимал,

какой бриллиант он теряет, если они станут любовниками. «Служебные романы разбивают не только семьи, но и бизнес», – вспомнил он слова своей матери. Со стороны Вики это был неприкрытый шантаж, и самое главное, что он никогда не догадывался, что в ней клокочат такие страсти. Ему нравились в ней организованность, деловитость, ум, но он ни разу даже в страшном сне, не мог представить себя с ней в постели. Она совершенно не интересовала его как женщина. Несмотря на свое замужество, она выглядела иногда угловатым подростком, но сейчас, когда она медленно обнажалась, снимая джинсы, блузку, бюстгальтер и стринги, она стала казаться ему чужой и некрасивой.

– Ты не хочешь меня? – покусывая губы, шептала она. Он смотрел на ее втянутый живот с большим родимым пятном и не понимал, что ему надо делать. А самое главное – он не хотел ни словом и ни делом – обидеть Вику.

Она подошла к нему, он обнял ее и поцеловал в голову.

– Сейчас ночь, – сказал он, – и кажется, что можно все, что хочется. Но завтра нам обоим будет стыдно смотреть в глаза друг другу. Я люблю свою жену. Я очень долго добивался ее. И я люблю тебя, как свою сестру. Я понимаю тебя и понимаю, что с тобой происходит. Я не могу и не хочу тебя обидеть. Пожалей меня.

Вика заплакала на его груди, он гладил ее темные волосы, потом она отошла от него, отвернулась, быстро оделась и ушла.

А утром в его номер позвонил давний приятель по университету и рассказал ему как он попал на деньги, когда решил войти в строительный бизнес фирмы «Зори над Днепром».

– Оказалось, что у них есть проект коттеджного поселка без отвода земли и разрешения на строительство. Я продал две свои квартиры и квартиру тещи. А самое страшное, что с них ничего нельзя срубить назад. В арендованном офисе арендованные столы и компьютеры

С той ночи у них больше ничего не было. Вика как будто выздоровела, пришла в себя и никогда ни взглядом, ни словом не напоминала о происшедшем. За это он еще больше стал ее уважать и ценить. Как-то сразу они превратились в очень близких людей, объединенных тайной. Они стали, как брат и сестра, заботиться друг о друге и оберегать друг друга от неприятностей. Иногда поглядывая, как Вика, прощаясь, укутывает шарфик вокруг его шеи и целует в щеку, или подает кофе, смахивая с его плеча перхоть, он невольно вспоминал свою мудрую мать, и искренне радовался тому, что есть рядом человек, который, как и его мать, принимает близко к сердцу и его радости, и его проблемы, а самое главное, может помочь умным советом.

Автомобиль, в котором они сидели, стоял на привокзальной площади, в рядах других машин. В метрах тридцати от них расположился стихийный вечерний рынок, откуда доносились запахи вяленой рыбы, домашней кровяной колбасы и

свежесорванной сирени.

– Сегодня задержали полковника Снаткина при получении взятки в размере ста тысяч баксов, – сказал Альберт. – Самое интересное, что о его задержании я узнал по телефону от неизвестного мне человека.

– И кто же тебе звонил? – спросила Вика, нахмурившись.

– Снаткин сказал, что, по его данным, никто не звонил. Но когда мы с ним беседовали, отключенный телефон включился и мне сообщили, что ты находишься в травмопункте железнодорожного вокзала.

– Включить отключенный телефон могут только спецслужбы, – предположила Вика.

– Ну наверное, ты на правильном пути, – задумчиво произнес Альберт. – Вопрос только в том, зачем мы им нужны. Я политикой не интересуюсь. Мой принцип жизни – моя хата с краю, я ничего не знаю. Слушай, – оживился Альберт, – я вспомнил, они же или он, предлагали мне сотрудничать с ними. Я их отшил.

– Вот видишь, – рассудительно заметила Вика, – ты – известный адвокат в нашем городе, а ведешь себя неразумно, как мальчишка. После предложения о сотрудничестве, я непременно договорилась бы о встрече, обсудила все вопросы, удостоверилась бы, что это спецслужбы и только потом приняла бы решение.

– Я презираю эти спецслужбы. И ты предлагаешь мне заключить с ними сделку?

– Я тебя не понимаю, – сказала Вика. – Мы живем и работаем в этой стране и при этой власти. Значит мы с ней согласны, или с ее политикой. Иначе невозможно.

– Пока власть не мешает мне работать, я плевать на нее хотел. Но я никогда не буду рассказывать им, о чем я говорю с обвиняемыми. А спецслужбы, наверное, хотят знать, что мне рассказал начальник полиции города, где у него спрятаны деньги, какие у него есть связи, и не опасно ли заносить над ним меч. Они даже в аквариум с пираньями поставили микрокамеру, чтобы отслеживать каждое его слово. Но видно облажались, потому что Павлуша тертый калач и его трудно разгрызть. Они могут подойти к нам со стороны правильности уплаты налогов?

– Нет, – уверенно сказала Вика. – С этой стороны у нас все в порядке. Но у нас есть проблемы с твоим нестандартным пониманием деятельности адвоката.

– Что ты имеешь в виду? – недовольно спросил Альберт.

– Я уверена, что Снаткин попросил тебя что-то сделать, что может поставить крест на твоей работе. Особенно сейчас, когда они организовали негласную слежку за нами. Ты уверен, что сейчас нас с тобой никто не слушает?

– Я не знаю, – раздраженно сказал Альберт. – Может, и слушают, и даже снимают. Я давно дружу с Павлом Ивановичем. И как друг я обязан сделать все, чтобы ему помочь, когда он в беде. Ты помнишь, как ты познакомилась со своим мужем? Сколько человек тащили тебя в машину, чтобы

изнасиловать? А может потом и убить... Виктор тогда отбил тебя, а один из подонков оказался в морге. Не я тогда тебе помог, а Павел Иванович, который, рискуя своей карьерой, прекратил уголовное дело против героя, несмотря на то, что погибший был сыном вице-мэра. Долг, как говорится, платежом красен...

При этих словах Альберт невольно вздрогнул, вспомнив слова анонимного абонента.

Вика молчала, возможно, подавленная воспоминаниями.

– В жизни есть ситуации, когда пословицы и поговорки неприменимы, – очнулась она. – Павлу Ивановичу надо помочь и ты это делаешь. Но если долг красен самопожертвованием, может тогда не одалживаться? Или отложить платеж до лучших времен?

– У меня в жизни был такой случай, – вспомнил Альберт. – Мой клиент должен был выйти из следственного изолятора в пятницу, но следователь сказал мне, что дело практически решено, а поскольку у него много других дел, за которые его четвертуют, если он их не выполнит, приходи в понедельник в девять утра и вместе пойдем вынимать твоего подзащитного, тем более, что срок позволяет. Я был доволен, что мое ходатайство об изменении меры пресечения с содержания под стражей на подписку о невыезде, было положительно решено прокурором района. Ну действительно, подумал я, человек сидит уже шесть месяцев в прокуренной камере, где спят по очереди, потому что не хватает шконок,

что такое по сравнению с этим какие-то два дня. Я позвонил его жене и сказал, чтобы в понедельник на девять часов организовала такси, подъехала в сизо и забрала мужа. Женщина молча плакала в трубку. «А нельзя сегодня? – тихо спросила она. – Я сама его привезу...» «Сегодня – исключено, – сказал я. – Следователь не успевает оформить все необходимые бумаги» – «Храни вас Бог, – сказала она. – Вы подарили мне надежду на справедливость.» А в субботу его убил сокамерник. Тогда у меня случился первый инфаркт.

– Тяжелый случай, – согласилась Вика. – Но если за нами установлено наблюдение, как ты поможешь Снаткину? Ты только подставишь его.

– И что ты предлагаешь?

– Я предлагаю переобуться. Как я понимаю, заменить тебя никто не может. Но заменить твою машину, легко. У моей свекрови в автокооперативе «Волга» в гараже стоит «Таврия». Ты приезжаешь к гаражу на частном такси. Я имею в виду «бомбилу». За квартал до гаража выходишь, пешком идешь к гаражному боксу номер 218, выводишь «Таврию», она всегда заполнена бензином до отказа, и выполняешь необходимые деликатные поручения. Затем снова полностью заправляешь машину и ставишь ее на место.

– Откуда ты знаешь, что и когда я должен сделать? – спросил Альберт. – Телепатия?

– Алик, – спокойно сказала Вика. – Мы с тобой уже давно дружим. И наша дружба, как я понимаю, «сильнее страсти,

больше, чем любовь». Поэтому, если будет тебе плохо, это вольется и в меня. А мне в моем положении, нужно лечиться с хорошим настроением.

– Мне нужно хотя бы часок поспать, – зевнул Альберт. – Впереди тяжелая ночь со многими неизвестными.

– Ну тогда едем ко мне? – сказала Вика. – Там находятся ключи от гаража и запасные ключи от «Таврии».

– Нет, – решительно ответил Альберт. – Сначала мы едем в больницу. Если тебя там оставят, я сам найду все нужные ключи. Выплюсь уже утром, после того, как все сделаю.

– А нельзя сначала выспаться, а потом сделать все, что надо?

– Я боюсь, что завтра будет уже поздно, – нахмурился Альберт.

– У меня плохое предчувствие, – призналась Вика. – Я не могу объяснить, но ощущение такое, что на нас надвигается цунами, а мы, вместо того, чтобы бежать от него, кидаемся ему в объятия. Давай все отложим до утра. Тем более, что у тебя есть повод облегчить свои нравственные страдания. У тебя на руках тяжело больная сотрудница, которой требуется срочная медицинская помощь.

– Будем решать все проблемы по мере их поступления, – усмехнулся Альберт. – Поэтому начнем с ортопеда.

Он включил зажигание и медленно выехал на проспект Мира. Ни одна машина, из стоявших в рядах, не двинулась за ними.

– Как нам пройти во второй кабинет Снаткина? – спросил следователь Горпищенко майора Кочергу.

– Ключ находится только у Маши, нашей уборщицы, – пояснил майор.

– А где, кстати, сама Маша? – встрял в разговор Скоморох.

– Если не ушла домой, то пришло, – ринулся майор вниз по лестнице городского отдела полиции.

– У нас есть проблема, – сказал Горпищенко. – В определении суда о разрешении обыска указано только одно помещение – кабинет на втором этаже.

– Не смей мои тапочки, Алексей, – рассмеялся Скоморох. – Мы будем проводить не обыск, а досмотр.

– А что скажут ваши тапочки, если судья признает наши действия незаконными? – огрызнулся Горпищенко. – Или в суде краснеть придется только нам, прокурорам, а вы потом, как всегда, скажете, я только предложил, руководитель группы ты, надо было тебе и принимать законное решение.

– Я за чужие спины не прячусь, Алексей, – спокойно сказал Скоморох. – Поэтому будешь со своей шоблой стоять на стреме, а я с Ваней и Машей прошуршу эту обитель зла.

Маша появилась неожиданно и бесшумно, как будто стояла за дверью и все слышала.

– Кто со мной? – сверкая зелеными глазами и звеня ключами, как колокольчиком, пропела она.

«Настоящая проститутка, – неприязненно подумал Горпищенко. – Не успел начальник оступиться, как готова его сдать с потрохами новому хозяину.»

– В разведку пойдем мы трое, – улыбнулся ей Скоморох, – Я, ты и Ваня. Надеюсь, на месте, ты нам все расскажешь и покажешь, а мы тебе за это будем премного благодарны.

– Вашу благодарность на хлеб не намажешь, – игриво сказала Маша.

– Хватит этот гадюшник чистить, – глядя в глаза Маши, сказал Ваня. – У нас для тебя есть другая работа. Будешь пресс-секретарем нашего отдела.

– Правда? – расцвела Маша. – А что я буду делать?

– Будешь числиться пресс-секретарем, а на самом деле будешь работать агентом под прикрытием, – на полном серьезе объяснил Ваня и облизал пересоший рот. – Если бы мы знали тебя раньше, этот Снаткин был бы у нас вот где.

Ваня показал всем огромный кулак.

– Машуня, – замахал руками Скоморох. – Не обращай внимания, Ваня просто влюбился в тебя.

– А я думала вы серьезно, – рассмеялась Маша. – Но видно мне суждено с метлой и совком всю жизнь прожить.

«Господи, – подумал Горпищенко, – какие же придурки работают в этой службе безопасности. Чем дорог этот Ваня Скомороху? Вообще стыд потеряли. Вербуют подстилку

прилюдно, не стесняясь.»

– А сколько ключей есть от второго кабинета Снаткина? – сурово спросил Машу Горпищенко.

– У Снаткина только один кабинет, – удивилась она. – Я думаю, вы наверное, имеете ввиду помещение для психологической разгрузки?

– Майор Кочерга доложил нам, что у бывшего начальника полиции города, есть второй кабинет. Двухэтажный. С выходом на улицу.

– Кому вы верите? – скосила Маша симпатичные глазки в сторону Горпищенко. – Он же люто ненавидит Снаткина. Настоящий Домовой.

– Алексей, – сказал Скоморох. – Майор Кочерга назвал вторым кабинетом Снаткина обыкновенный бордель.

– А вы откуда это знаете? – быстро спросил Горпищенко.

– Работа у нас такая, – скромно ответил Скоморох.

– А вы? – обернулся к Маше следователь. – Как вы смее оскорблять своего начальника? Не горотдел, а сборище каких-то отморозков.

– А ты с ним разговаривал? С Кочергой? – развязно спросила Маша. – Может быть, как начальник, он еще ничего, но как человек – баба базарная.

– Я с тобой свиней не пас, – грубо отрезал Горпищенко. – Извольте обращаться ко мне на «вы».

– Машуня, – вмешался в разговор Скоморох, – Алексей Викторович, старший следователь городской прокуратуры.

Он – большой начальник и с ним надо вести себя вежливо.

– Спасибочки, – сделала Маша книксен Скомороху. – Если Алексей Викторович хочет осмотреть наш кабинет психологической разгрузки, добро пожаловать. У меня рабочий день не резиновый.

– Ведите нас туда, – приказал Горпищенко, сморщив лоб. – И в дальнейшем, никаких вульгарных комментариев.

– Слава Украине! – выкрикнула вдруг Маша.

– Героям – Слава! – вытянулся Ваня и презрительно оглядел всех, промолчавших. Вход со стороны горотдела полиции в кабинет психологической разгрузки был прикрыт двухметровым портретом Степана Бандеры. Великий националист страны сурово смотрел на всех, кто останавливался хоть на мгновение перед ним, как будто проверял человека на лояльность. Только патриоту разрешалось, казалось, проходить через спрятанную за картиной дверь. «Стой, куда идешь? – вопрошал Степан. – Твое место рядом со мной. Я приду – порядок наведу!» По мнению художника, каждого коллаборациониста, этот призыв должен был бросить в жар от страха быть разоблаченным. Первое время после очередного Майдана, два полицейских ежедневно стояли в почетном карауле, получая приличное денежное вознаграждение. Поэтому желающих отдать почести Степану Бандере, было неимоверно много. Дело доходило даже до скандала. На собрании трудового коллектива полицейских было принято решение, что стоять в почетном карауле можно не чаще од-

ного дня в неделю. Заместитель Министра внутренних дел, бывший секретарь обкома комсомола по коммунистической идеологии, даже прослезился, обнял полковника Снаткина и объявил, что инициатива начальника городского отдела полиции города Коблевска, по патриотическому воспитанию работников правоохранительных органов, заслуживает всемерного распространения в стране. Затем министр подошел к портрету и трижды поцеловал Степана в губы, а на столик перед его портретом положил букет белых роз. Некоторые из присутствующих потом, оглядываясь по сторонам, и прикрывая рукой рот клялись, что Степка Бандера три раз сплюнул после этого прямо на линолеум, что может подтвердить уборщица Маша. Через несколько дней замминистра внутренних дел был задержан спецназом национального бюро по борьбе с коррупцией за то, что хотел подсадить директора этого самого бюро. Из-за нехватки электронных браслетов, суд отдал замминистра на поруки двум народным депутатам. И замминистра с деньгами всего министерства по гондураскому паспорту тут же сбежал в Италию, где его итальянская жена владела половиной миланских магазинов готовой одежды. По городу пошел слух, что портрет Степана Бандеры почище полиграфа проверяет людей на патриотизм. Зато уже другие высокопоставленные гости целоваться с Бандерой не решались. Падали на колени, клялись в любви, клали цветы, но помнили о неподкупности портрета. И только, когда в горотдел должны были приехать полицейские из Поль-

ши для обмена опытом работы, поступил приказ немедленно снять почетный караул у портрета Бандеры. Польские полицейские неизвестно почему в г. Коблевск не приехали, но почетный караул уже больше никогда не выставлялся, краски портрета потускнели, и даже поговаривали, что мимо картины без фиги в кармане, никто не проходил. Если с замминистра Бандера такое сотворил, то, что можно от него ожидать простому полицейскому.

Маша отвернула портрет в сторону и все увидели металлическую дверь с внутренним замком. Маша привычным движением сунула ключ в замок, провернула его, и отворила дверь. Кабинет психологической разгрузки состоял из шести комнат. Первые три комнаты утопали в коврах, по стенам стояли белоснежные раздвижные кожаные диваны. Рядом с каждым диваном стоял белоснежный шкаф с золотыми ручками, и зеркалом посередине. В нем находились белоснежные простыни, халаты. На противоположной к диванам стене в каждой комнате висел огромный телевизор, под которым стоял дамский столик с креслом. На столике в изобилии были какие-то открытые баночки с кремами и дорогими духами. Окон в комнатах не было или они были задрапированы под цвет стен. Все двери выходили на квадратный холл, с которого вела вниз деревянная лестница. На первом этаже кабинета психологической разгрузки располагалась большая комната с длинным столом, за которым могло сидеть не менее двадцати человек. Одна дверь из этой

комнаты вела в кухню, уставленную всевозможными плитами, микроволновками, жарочными шкафами и холодильниками. Вторая дверь, под лестницей, открывалась в сторону большой сауны и маленького бассейна с водой для ныряния. Между саунами, бассейном и столовой шел узкий коридор, который вел к бронированной двери, выведившей на заброшенный двор, огороженный кирпичным забором в три метра высотой. Двор заканчивался дверью, ведущей на улицу. Эта дверь, как и дверь в коридор, открывалась при помощи кода.

– Как же мы это проморгали, – сокрушался Скоморох, сидя за длинным столом. – У нас под носом функционировал полицейский бордель. Представляю, какую информацию здесь можно было подцепить. Ваня, сколько наших людей работают в горотделе?

– Секретарь Снаткина и дежурный полицейский при входе. Фамилии его не помню, – ответил Ваня, озираясь по сторонам.

– А где ж предбанник для секретаря? – спросил Горпищенко. – Что-то я не видел его в кабинете полковника.

– Наша секретарь сидит перед кабинетом майора Кочерги. – ответила Маша, скромно потупив глаза.

– Один секретарь на двоих? – пытался уточнить Горпищенко.

– И ни одна сука не просигналила, – сказал Скоморох. – Секретаршу завтра же на допрос приволоку. Слушай, – обратился он к Горпищенко, – давай обоснуемся временно

здесь и сюда будем приглашать нужных нам людей. Будут нам врать – утопим в бассейне, – пошутил он.

– Неплохая идея, – тут же согласился Ваня и немигающими глазами уставился на Машу.

– В какой из комнат любил отдыхать полковник Снаткин? – спросил Машу Горпищенко.

– В основном, здесь, в столовой, – ответила она. – Любил хорошо поесть.

– Извращенец, – сказал Ваня.

Следователь Горпищенко недоуменно посмотрел на него.

– Я хотел сказать импотент, – покраснел Ваня.

Скоморох внимательно посмотрел на стену и вдруг вскопчил. В стене еле виднелась среди расписных обоев маленькая дырочка.

– Это же прекрасное место для жучка! – воскликнул он и, схватив стул, потащил его к стене. Затем он встал на стул, долго рассматривал отверстие в стене, пытался просунуть в него свой толстый палец.

– Там есть проводок, – торжествующе сказал он. – Кто-то перед нашим приходом снял отсюда микрокамеру. Ты понимаешь, Алексей, – возбужденно говорил он, – что мы будем иметь, когда найдем ее. Быстро проверяем все помещения на наличие записывающих устройств, – спрыгнув со стула, приказал он.

В течение получаса выяснилось, что такие отверстия имелись во всех комнатах, сауне, коридоре, и даже над бассей-

НОМ.

И все отверстия в стене были пусты.

В ходе новой проверки помещений на втором этаже, в дамских столиках под телевизорами, были найдены наручники, хлысты и другая хрень для любовных занятий.

Когда все снова собрались в столовой, чтобы обсудить, что делать дальше, раздался страшный скрежет металла на втором этаже. Стало ясно, что входную дверь вскрывают при помощи болгарки. Все, кроме Маши, оцепенели от неожиданности. Маша ринулась наверх и пыталась открыть дверь ключом. Шум прекратился, но ключ в замке не проворачивался.

– Кто там? – спросила Маша. – Не ломайте дверь, я пытаюсь ее открыть.

– Спецназ Национального бюро по борьбе с коррупцией, – сообщили за дверью. – Если в течение минуты дверь не откроется, будем ее взрывать.

– Но здесь же люди, – пыталась объяснить Маша. – главный следователь прокуратуры и с ним сопровождающие его лица.

– Они-то нам и нужны, – крикнули за дверью. – Короче! Открывайте немедленно дверь.

– Кажется, замок сломан, – сказала Маша. – Надо было просто позвонить, а не вламываться, как бандиты.

– Хватит базарить, – пригрозили снаружи.

– В чем дело? – оказался за спиной Маши Скоморох. –

Мы проводим следственный эксперимент.

– Называй свою фамилию и должность, – приказал кто-то за дверью.

– Майор службы безопасности Скоморох, – ответил он.

– Понятно. Кто еще с вами?

– Старший следователь городской прокуратуры Горпищенко и капитан службы безопасности Потребенько.

– Почему не открываете дверь?

– Дверь заклинило.

– Тогда отойдите от дверей на безопасное расстояние. Будем ее на фиг сносить.

– Теперь ты назови свое имя и должность, – приказал Скоморох.

За дверью примолкли и было слышно, что несколько человек тихо переговариваются друг с другом.

– Мы представимся лично, – решительно сказал кто-то. –

Отойдите от двери.

– Вы будете лично нести ответственность за срыв следственного эксперимента, имеющего важное государственное значение, – пригрозил Скоморох. – Где майор Кочерга?

– Я здесь, – отвечивал Кочерга.

– Что происходит? – спросил Скоморох.

– Откуда я знаю, – ответил Кочерга. – Здесь стоят люди в масках, держат меня под прицелом «Калаша», говорят, что они спецназ НАБУ.

– Что они хотят?

– Они хотят войти. Зачем вы закрылись? – нервно спросил Кочерга. – У них есть решение суда на обыск? – спросил Скоморох.

– А у вас он был?

– Считай, что ты уже не начальник полиции, – сказал Скоморох.

– Меня уже сегодня десять раз обматерили и двадцать раз уволили. Двадцать первый раз как-то переживу.

– Дискуссию заканчиваем, – сказал кто-то. – Приказываю отойти от двери во избежание недоразумений.

Снова заработала болгарка. Маша и Скоморох отпрянули от дверей и побежали по лестнице вниз. Через несколько минут замок был вырезан, дверь распахнулась и с десятков людей в масках и с оружием в руках спрыгнули, минуя лестницу, со второго этажа на первый. Они окружили людей в столовой. По лестнице спускался мужчина лет тридцати в дорогом костюме и туфлях из крокодиловой кожи.

– Кто проводил обыск в кабинете начальника полиции? – спросил он и дал знак спецназовцам опустить оружие.

– Мы, – ответил Горпищенко. – А в чем дело?

– Кто это «мы»? – улыбнулся мужчина. – Мы пахали. Фамилия, должность и так далее.

– Горпищенко, старший следователь городской прокуратуры, проводил обыск в кабинете полковника Снаткина согласно решению суда, – объяснил Горпищенко. – И тут вы, как снег на голову. Вы что, тоже ведете дело по Снаткину?

– И что вы нашли в кабинете полковника? – продолжал спрашивать мужчина от которого приятно пахло дорогим одеколоном, и который не обращал внимания на вопрос следователя.

– Пока ничего, – ответил Горпищенко. – Ворох бумаг, с которыми будем разбираться.

– А кто взял микрокамеру из аквариума? – спросил мужчина.

– Во-первых, вы нам не представились, – заявил Скоморох и сунул свое удостоверение под нос мужчине. – Во-вторых, мы не обязаны докладывать вам об итогах обыска.

– Старший детектив НАБУ Волощенко, – ответил мужчина и вынул свое удостоверение. – Еще как будете докладывать, потому что незаконно вмешались в нашу оперативную деятельность. Где микрокамера?

– Может сначала доложим обо всем нашему руководству? – предложил Скоморох. – Как оно решит, так и сделаем.

– Мне нужна микрокамера, – спокойно сказал Волощенко. – Не заставляйте меня применять к вам силу. Сначала я получу то, за чем я пришел, а потом будем ставить наше руководство в известность. У меня есть решение суда о постановке средства записи в кабинете полковника Снаткина и я хочу его получить назад.

Горпищенко посмотрел на Скомороха. Тот снова обратился к Волощенко.

– Честно говоря, детектив, ты меня успокоил. Слава богу, что жучок ставили вы. А то я уже ненароком подумал, что служба мне не доверяет. Мы отдадим тебе микрокамеру с условием, что съемку сегодняшнего дня вы откопируете нам.

– Вы отдадите мне микрокамеру без всяких условий, – невозмутимо сказал Волошенко и вынул из кармана пиджака синий платок. – Кладите ее в платок.

– Я – участник антитеррористической операции, детектив, – неожиданно вмешался Ваня Потребенько. – Инвалид второй группы. Что, будешь меня гнобить, как гниду? Это я нашел микрокамеру! Хочешь ее получить, попроси ее у меня, как человек.

– Кто это? – спросил Волошенко.

– Капитан службы безопасности Потребенько, – сказал Скоморох, обливаясь холодным потом.

– Почему капитан Потребенько от вас разит, как из винной бочки?

– Это такие лекарства, детектив, – объяснил Скоморох. – Капитан Потребенько еще не совсем здоров.

– Зато от тебя несет, как от дешевой проститутки, – встрял Ваня.

– Вот микрокамера, – быстро вынул ее из кармана Горпищенко и положил ее в руку с платком детективу.

– Слава Украине! – заорал Иван Потребенько.

Все молчали. Это было явно не к месту.

– Все свободны, господа, – сказал детектив и дал знак бой-

цам, чтобы те покинули помещение. – Что такое полковник Снаткин? – миролюбиво сказал детектив. – Тля. А мы идем по следу большой рыбы. Я думаю, что недоразумения между нами никакого нет. Каждому, как говорится, свое. Так было написано на воротах Освенцима.

Телеканал «Эхо недели» принадлежал Илье Кордону, который вел на нем ежедневную передачу «Лица». Илье уже было за пятьдесят, но несмотря на полностью облысевшую голову, он выглядел значительно моложе. Стройный, всегда одетый со спортивным уклоном, но в цветных рубашках, с вытянутым лицом дебила, которое оживляли умные бегающие глаза под разлетом узких бровей и тонкими губами, извивающимися, как две змеи, Илья казался телезрителям олицетворением мудрости и успеха. Когда он что-то утверждал, это казалось истиной в последней инстанции.

– Как сообщили мне друзья из английской разведки, – вещал Илья с блуждающей улыбкой на лице, чтобы вскользь показать телезрителям свою необычайную осведомленность и связи, которым могли позавидовать президент и премьер-министр страны. И неважно, что прогнозы Ильи с удивительной закономерностью не сбывались. Телезрители с упоением смотрели снова на него, ловили каждое его слово, наслаждаясь обаянием современного Хлестакова. Когда очередной телезритель жаловался ему на невыносимую жизнь, Илья, улыбаясь, отвечал ему и тысячам другим одновременно с пафосом и уверенностью в своих словах. – У меня тоже нет денег. Они мне просто не нужны. Зачем мне деньги? После того, как нас всех обули с денежной реформой, я не

держу деньги дома.

– Что же вы посоветуете нашим телезрителям? – вопрошал ведущий.

– Вопрос с деньгами я решил однажды и навсегда, – вытянув в трубочку губы, сообщал Илья. – Я не доверяю банкам. Я также не храню их дома в стеклянных банках. Я просто иду в первый попавшийся мне по дороге банк, беру там кредит, покупаю квартиру, сдаю ее и возвращаю банку кредит. Со временем квартира становится моей собственностью. Таким образом, десять или пятнадцать квартир дадут любому нашему горожанину безбедное существование.

– Как умно, а самое главное, в пределах нашего демократического законодательства, – восхищался ведущий то ли наивно, то ли притворяясь.

А на следующий день на Центральном рынке города унылые продавцы без покупателей живо обсуждали передачу с участием Кордона и признавали его талантливым и умным. Если кто-то из продавцов вдруг с сомнением говорил, а знает ли Кордон, что проценты по кредиту в несколько раз превышают доходы от сдачи жилья, причем если еще добавить вечно растущие жилищно-коммунальные расходы, на него махали руками, обзывали его тупым жлобом и выгоняли из участников разговора.

– Вы не поверите, – говорил Илья ядовито улыбаясь на следующий день. – Вчера я был в «Сотке», выхожу с хрустящим батоном и вижу, как подкатывает мерс, из него выхо-

дит наш президент с женой, видит меня, машет мне рукой и спрашивает, как дела Илья Дмитриевич?

– Президент? – округляет глаза ведущий. – В нашем городе?

– Да, вчера президент посещал с рабочим визитом наш город, проголодался, как и я. Поэтому мы с ним и встретились на ступенях у магазина.

– И что вы сказали президенту?

– Спросил как дела у него.

– И что он ответил?

– Он торопился, но пригласил меня к себе домой на чашку кофе и обещал ответить на все самые сложные вопросы нашего бытия.

Конечно никто из телезрителей никогда не вел учет предсказаний и обещаний Ильи Кордона. Уже в следующей передаче, откинувшись в удобном кресле, Илюша, вытянув губы-змейки, пугал обывателей «ватой», которая снова заполонила эфир. Под «ватой» Илья подразумевал представителей прежнего домайданного режима.

– Кого вы конкретно имеете ввиду? – спросил Илью ведущий.

– Ну например, Голубицкую, – смело ответил Кордон.

– Депутата нашего областного совета?

– Вот именно, – наклонился к ведущему Илюша. – У нас в стране победила Революция достоинства, а Голубицкая, как была депутатом, так и осталась. И больше того, не боится

очернять нашу с вами жизнь в телеканале нашего местного олигарха Гананпольского «Тогда и сейчас». Я вообще подозреваю, что она агент влияния страны-агрессора.

А на самом деле вся вина Голубицкой заключалась в том, что она обладала остроумным язычком и не лезла за словом в карман. Это она буквально пригвоздила Кордона к позорному столбу, обозвав его «одним из полезных идиотов», благодаря которым нынешний режим пришел к власти.

На следующий день активисты Национального корпуса сожгли куклу из ваты с табличкой «Голубицкая» прямо на площади перед каналом «Тогда и сейчас», но слово не воробей, полетело по журналистской тусовке, как огонь по суховею, даже на его частном канале, за спиной, сотрудники стали называть его не иначе, как «полезный идиот Революции достоинства». Даже слово «Майданутый», которое появилось, как оскорбление для активистов, которые сначала красили в городах и селах тротуары и сортиры в краски государственного флага, а потом стояли с табличками вдоль дорог и улиц «Дайте денег на фарбу», потому что быстро поняли, как можно, не работая, улучшить свою жизнь, было менее унижительным, чем словосочетание «полезный идиот». Телевизионный канал помог Илье Кордону стать депутатом Коблевского городского совета и даже возглавить депутатскую группу по земельным вопросам. Но неделю назад при голосовании о переименовании проспекта Ленина в проспект имени Степана Бандеры Илья Кордон ошибся и

впопыхах нажал красную кнопку «нет». На табло итогов голосования высветилось, что «за» проголосовали все депутаты городского совета, кроме Ильи Кордона. Это был провал. Большинство готово было его четвертовать, но были и такие, что подошли и молча пожали его мужественную руку. На следующий день в прайм-тайм все телеканалы города и страны оповестили о поступке Кордона. А эта тварь Голубицкая на телеканале «Тогда и сейчас», говоря о бездарной политике президента и властей города, в подтверждение сказанного, не преминула прокомментировать «геройский» поступок Кордона, как «переобувание в прыжке». И теперь, в этот вечер, активисты всех объединений от Национального корпуса» до «Москаляку на гиляку» решили в знак протеста заблокировать работу телеканала Ильи Кордона «Эхо недели». Нужно было каким-либо образом перебить информацию о голосовании чем-нибудь удивительным для города, типа ареста какого-нибудь коррупционера с дореволюционными корнями, или расследование по горячим следам убийства атошника, приехавшего в отпуск к маме и убитого в кафе за исполнение украинского гимна. Илья набрал городской телефон полковника полиции Снаткина в надежде получить какую-нибудь информацию. Но телефон Снаткина не отвечал. Мобильный был отключен. Он набрал телефон дежурного полицейского и попросил соединить его с Павлом Ивановичем. Дежурный полицейский тут же соединил его с майором Кочергой, заместителем Снаткина.

– Вечер добрый, – поприветствовал его Илья.

– Кому добрый, кому нет, – странно ответил майор.

«Гнида продажная, – успел подумать Илья Кордон. – Думает, как отказать мне в помощи».

– Хотел связаться с Павлом Ивановичем, – сказал Илья. – А меня соединили с вами. Но может оно и к лучшему. Я хочу пригласить вас сегодня вечером к нам на прямую передачу «Новая полиция в действии»

– Как своевременно и современно, – со смешком прокомментировал Кочерга.

– Мне бы хотелось, – объяснил Илья, – чтобы вы рассказали о толерантности новой полиции, о нулевой коррупционности в ее рядах, о том, что в полицию пришли новые люди с новыми идеями...

– А что, пресс-центр городской прокуратуры еще ничего не сообщал? – спросил Кочерга.

Сердце Ильи Кордона забилося в предчувствии удачи.

– Нет, а что случилось?

– Тогда я вам ничего не говорил, – попятился назад майор.

– У нас, – обжигаясь от желания выудить сенсацию, быстро заговорил Кордон, – есть фонд гласности. Мы платим за информацию и не требуем фамилий и должностей. Платим хорошо. Вам понравится. Кроме того, согласно закону источник информации для СМИ не может быть раскрыт ни при каких обстоятельствах.

– Илья Дмитриевич, – сказал Кочерга, – вы, наверное, за-

были, что все разговоры по городским телефонам полиции записываются.

Наступившее молчание прервал Кочерга, который не прощаясь, положил трубку.

Илья с грустью посмотрел в окно. Два Камаза подвезли к активистам мешки с песком, которые те начали с энтузиазмом подносить к ограде помещения, где располагался телеканал.

Городской телефон неуверенно проблеял.

Кордон снял трубку.

– Это телеканал «Эхо недели»? – спросил кто-то.

– Он самый, – ответил Илья.

– Я извиняюсь, – осипшим голосом сказал мужчина, – но я слышал, что вы платите деньги за сумасшедшие новости. Это правда?

– Я плачу деньги за сногшибательные новости, а не сумасшедшие, – мрачно сказал Илья.

– А можно поинтересоваться, сколько будут стоить такие новости?

– А они у вас есть? – машинально спросил Илья, раздумывая над ситуацией, угрожающей телеканалу.

– Конечно есть, – сказал мужчина, – иначе зачем же я отвлекал бы вас от того, что у вас происходит, Илья Дмитриевич.

– А что у нас происходит? – наигранно спросил Илья. – У нас свободная демократическая страна и каждый человек

имеет право свободно высказать свое мнение. Мы даже будем транслировать в прямом эфире митинг у нашего телеканала.

– Ой, как интересно, – хихикнули в трубке. – Там уже с четырех сторон подвезли восемь канистр бензина. Митинг намечается с фейерверком?

– Послушайте, – сказал Илья. – не нагнетайте пожалуйста и не пугайте. Я только что разговаривал с начальником городской полиции господином Снаткиным. Сюда, к нам направляется спецназ Национальной полиции.

– Почему вы все время врете, господин Кордон? – не унимался мужчина.

– Это не вранье, полковник Снаткин лично обещал мне безопасность, – сказал Илья. – А впрочем, сколько вы заплатите за сногсшибательную новость про полковника Снаткина?

– Смотря какая новость, – не совсем врубился Илья. – Если новость – бомба – от штуки до трех.

– В баксах?

– Можно и по курсу гривны.

– Хорошо. Я продаю новость за три тысячи долларов в пересчете на гривну. Идет?

– Я вас слушаю, – спросил Кордин.

– Деньги надо перевести на карточку № 1235673897400 на имя Сазонова Марка Ефимовича в Сбербанке.

– Я понял, Марк Ефимович, – сказал Илья. – А теперь

скажите, пожалуйста, в чем заключается новость.

– Сначала переведите деньги, – потребовал информатор.

– Я с мошенниками дела не имею, – отрезал Илья Кордон. – Или вы сообщаете мне новость и я нахожу ее стоящей, для того, чтобы ее купить, или мы прощаемся с вами навсегда.

– А вы не подскажете телефон хозяина телеканала «Тогда и сейчас»? – спросил мужчина.

– Здесь вам не справочное бюро, – грубо ответил Кордон и уже хотел бросить трубку, но интуиция, а может быть и ненависть к конкуренту, возобладала над здравым смыслом. – Одну минуту, – сказал Илья и по мобильнику вызвал в свой кабинет бухгалтера. Прикрыв рукой трубку городского телефона, Илья спросил бледную от страха женщину, можно ли перевести на карточку деньги так, чтобы, если новость окажется так себе, вернуть их полностью или большую часть.

– Илья Дмитриевич, – взмолилась бухгалтер, – там такое происходит, а вы о переводе денег. Отпустите нас, ради бога! Они сожгут нас, как в Одессе.

– Ирина Петровна, переведите, пожалуйста, деньги гражданину Сазонову Марку Ефимовичу на карточку...

– Какой номер карточки? – спросил Илья Марка Ефимовича.

В трубке повторили номер карточки.

– Мы сможем потом все вернуть, если новость окажется туфтой? – быстро спросил он бухгалтера.

– Сможем, – смахнула со лба капельки пота бухгалтер.

– Тогда переведите немедленно и уходите домой, – приказал Кордон.

– Вы слышали, Марк Ефимович? – спросил в трубку Кордон.

– Слышали. – почему-то ответили в трубке два голоса, как эхо.

– А теперь я хочу услышать новость о Снаткине.

– Сегодня, примерно в час дня гражданин Снаткин был арестован при получении взятки в особо крупном размере, сто тысяч долларов. А поскольку ваши деньги уже поступили, могу дополнительно вам сообщить, что его адвокат Кемельман Альберт Яковлевич направляется на машине «Таврия» в село Ковалевку для получения гонорара в сумме сто пятьдесят тысяч долларов. Не плохо, правда? Дело ведет старший следователь городской прокуратуры Алексей Викторович Горпищенко. Запишите, пожалуйста, мобильный телефон адвоката Кемельмана, если захотите узнать подробности дела...

Эта новость лишила Илью Кордона дара речи. Где-то в глубине души он еще все-таки надеялся, что полиция его каким-то образом защитит, если он дозвонится до полковника Снаткина. Но чтобы самого начальника полиции города арестовали в тот день, когда местные активисты грозятся сжечь телецентр вместе с его хозяином, было из области невероятного.

– Послушайте, – нарушил Илья наступившую тишину в трубке, – кому я перевел деньги? Вы – сотрудник прокуратуры?

В трубке прокашлялись и смущенно объяснили.

– Вы перевели деньги не прокурору, а вполне достойному человеку. И еще Илья Дмитриевич, совершенно бесплатно. Сегодня у вас все обойдется, но дебаты будут жаркими.

– Откуда вы это знаете? – удивился Илья.

– У нас тоже есть друзья в английской разведке, – хихикнула трубка и умолкла.

Кордон вызвал генерального директора телеканала. Тот пришел с кипой бумаг.

– Это заявления сотрудников об увольнении, Илья. Все панически боятся. Родственники своими звонками заблокировали наши бесплатные телефоны. Мы можем погаснуть.

– Выбрось их в мусорную корзину, – развалясь в кресле и сделав рот круглым и длинным, сказал Кордон. – Армагеддон отменяется. Мне только что позвонил министр внутренних дел Бараков. Готовь прямой эфир. Я сделаю сенсационное заявление.

Илья Дмитриевич налил себе стакан Боржоми и медленно с наслаждением выпил его.

– Заявление будешь делать в общем зале или из кабинета? – спросил повеселевший гендиректор.

– Конечно, из кабинета.

Через полчаса Илья Кордон, подмазанный гримерами, вы-

глядел, как всегда, великолепно.

– Я хочу сделать сенсационное заявление, – спокойно сказал Илья Кордон, растянув тонкие губы в полуулыбке. – Как мне сообщили из достоверных источников, сегодня при получении взятки в размере ста тысяч долларов, задержан начальник полиции нашего города полковник Снаткин.

Он сделал театральную паузу и продолжил:

– Прокуратура города, областное управление полиции и губернатор области сознательно скрывали и до сих пор скрывают от наших граждан данный факт в надежде на то, что окажут соответствующую помощь матерому коррупционеру, предавшему идеалы Революции достоинства. Только что я разговаривал с министром внутренних дел, который намерен твердо и последовательно довести это дело до конца, какое бы давление на него не оказывалось. А давление оказывается нешуточное. Так называемые активисты, под смешным предлогом, блокируют работу нашего антикоррупционного канала. За жалкие тридцать сребренников, подстрекаемые агентами влияния страны-агрессора, они льют воду на мельницу опытного взяточника в погонах, начальника городского управления полиции, полковника Снаткина и его покровителей. Удивительно, что господин Снаткин был задержан в тринадцать часов дня и ни один телеканал нашего города, ни одна газета, ни одна радиостанция до сего часа не сообщила об этом. Молчит и пресс-центр городской прокуратуры. Что это, если не сговор?! Очевидно, мой разговор с ми-

нистром стал известен преступным покровителям Снаткина и они дали приказ любыми средствами не допустить моего выступления перед вами, дорогие сограждане. К телеканалу «Эхо недели» подвезли восемь канистр с бензином, два Камаза привезли мешки с песком. Все входы и выходы в помещение телеканала были заблокированы. Нас просто хотели сжечь, как сожгли наших соотечественников, в Одессе. Но ни один сотрудник нашего канала не дрогнул, не сбежал со своего рабочего места, а принял бой с коррупционерами на своем месте, о чем свидетельствует мое выступление. Мы еще выясним, кто спонсировал блокировку нашего телеканала. А теперь я хочу обратиться к руководителям патриотических организаций нашего города, которые были введены в заблуждение. Нами создана группа быстрого реагирования из опытных журналистов по освещению данного преступления. Приходите к нам, помогите нам вскрыть коррупционный нарыв. Контрреволюция не пройдет! Защитите наш канал – канал честных новостей. Слава Украине!

На экране монитора появилась обычная заставка телеканала.

– Ну как? – спросил Илья, столпившихся вокруг.

– Ты – гений! – воскликнул гендиректор и кинулся к Илье с поцелуями.

Все радостно и облегченно захлопали.

– Послушайте, – поднялся Илья Кордон с кресла. – У нас же сегодня программа «Лица» со Степаном Овчаренко.

– Может, в связи с такими событиями, перенесем ее на завтра? – спросил гендиректор и все озабоченно взглянули на Кордона.

– Наш мэр только этого и ждет, – сказал Кордон. Он думает, что мы испугались его опричников. Наоборот, я хочу размазать его по стенке. У меня к нему есть такие вопросы, на которые у него просто нет ответа. Все готовимся к прямому эфиру. Пусть они знают, кто с мечом пойдет на наш телеканал, тот обязательно погибнет.

– Распять хриstopродавца! – бесновался на импровизированной сцене мужчина в черном до пят плаще и буденовке на голове. – Они убили нашего Бога. Они хотят убить нашу святыню и память о нем.

При этом он ударил сучковатой палкой по наспех сложенным доскам и заставил их вздрогнуть.

– Не забудем, не простим! – взревела толпа выученной кричалкой.

– Сжечь этот вертеп разврата и зрады и развеять пепел над Южным Бугом! – снова ударил своим посохом мужчина.

– Слава нации – Смерть врагам! – кричала толпа, заранее приготовленные лозунги.

– Кто это? – спросил у Петренко подошедший к нему мужчина в легкой светлой куртке и джинсах. Под гражданским одеянием Петренко безошибочно определил, что мужик явно из военизированных, возможно атошник, но не из активистов.

– У нас здесь свободный микрофон, – уклончиво ответил Петренко. – Каждый человек может высказать свое мнение.

– А против кого бунтуем? – продолжил интересоваться мужчина, не глядя на Петренко.

– Здесь никто не бунтует. Здесь собрались патриотические силы города, чтобы свернуть шею осмелевшей «вате»

в лице Ильи Кордона.

– А кто конкретно организатор и вдохновитель этого мероприятия? – продолжал выяснять незнакомец.

– Ты, случайно, не из Кордоновского заведения? – подозрительно спросил Петренко. Стоявшие рядом активисты тут же окружили подошедшего мужчину и Петренко.

– Здесь за версту воняет москалем, – заорал один из них.

– Давайте завалим его тут же, – поддержал кто-то.

– Стоп! – приказал Петренко. – Мы не бандиты. Мы – идеологические бойцы Революции достоинства. Чей Крым, братан? – ехидно усмехнулся он.

– Крым наш, – спокойно ответил мужчина.

– Ответ неправильный, – торжествуя констатировал Петренко. – Так, однозначно, говорят москали. Паспорт при себе имеется?

– А ты что, мент? – спросил его незнакомец.

– Уже теплее, – оживленно сказал Петренко. – Гражданин понимает, что мы его раскулачили. Я сказал: паспорт мне в руки! Если ты наш человек – уйдешь целый и невредимый.

– Я и так уйду целым и невредимым, – невозмутимо ответил мужчина, спрятав руки в карманы куртки. – Если хотите не иметь неприятностей, сделайте вид, что вы меня не видели.

– Паспорт давай! – схватил Петренко мужчину за руку и тут же ойкнул. Острая боль за грудной клеткой подкосила его и он даже не успел додумать какую-то мысль. В послед-

ний момент он увидел, склонившихся над ним соратников. Они что-то кричали, но он их уже не слышал. Странно, но ему какое-то время казалось, что он взлетел и видел себя лежащим на асфальте в луже крови. Он удалялся все выше и выше, к вечерним звездам, а окружившие его люди вразброс кричали: – Врача! Срочно врача! Человека убили!

Через несколько минут к телу Петренко приблизились врачи из «скорой помощи», дежурившей, на всякий случай, при блокаде телеканала. Один из них констатировал смерть от пулевого ранения и стал звонить в полицию. Когда активисты оглянулись в поисках убийцы, рядом с ними уже не было мужчины в светлой куртке и джинсах. Когда Илья Кордон снова выглянул в окно, он увидел отъезжающие камазы, нагруженные мешками с песком, разобранную сцену, полицейские автомобили с мигалками, машину скорой помощи. «Блокировка канала захлебнулась, – радостно подумал он. – Пора и мне сделать ход конем.» Он подошел к столу и написал экспромт: «Нельзя быть членом коррумпированного городского совета и одновременно обличать его». Бомба для господина председателя городского совета Степана Овчаренко была готова.

Губернатор области Положенко Валентин Николаевич к своим пятидесяти годам остался сильным сексуальным мужчиной. Жена Светлана же, наоборот, устала от ежедневных сексуальных утех мужа, стала открыто избегать его, оборудовала себе в большом трехэтажном доме свою собственную спальню с дубовой дверью, закрывающейся изнутри кодовым замком. Однажды Светлана за завтраком сказала мужу, что ее духовник, отец Амвросий, считает ежедневное совокупление грехом и даже наказанием за скотскую жизнь. Поэтому она может исполнять супружеский долг не чаще одного раза в неделю. Но понимая мужа, она полагает, что после тридцати лет совместной жизни, она должна разрешить ему заниматься сексом с другими женщинами, не разрывая супружеских уз и не устраивая по этому поводу скандалов. У них есть гораздо больше невидимых нитей, которые связывают их сильнее и прочнее, чем ежедневный секс.

– Как умно устроено у мусульман, – намазывая тостер сливочным маслом а затем густым слоем черной икры и откусывая его по кусочкам красивым ртом с алыми полными губами, в который со студенческих лет был безумно влюблен муж, произнесла она. – Женщины, к сожалению, стареют раньше. Это закон природы. Ислам предусмотрел это естественное противоречие и разрешил иметь мужчине до четы-

рех женщин.

– Жен, – хмуро поправил жену Валентин Николаевич. – Так может привести сюда молодую жену?

– Сюда – нет, – спокойно ответила Светлана. – Мы не мусульмане.

– Вот именно, – подтвердил с обидой муж. – Наверное твой отец Амвросий скрытый пидарас, поэтому ненавидит настоящих мужчин.

– Мужчины бывают разные, – кокетливо сказала она и рассмеялась. – Такие половые разбойники, как ты, случаются один на тысячу. В этом плане я всегда была счастлива, бегемотик ты мой.

Она отставила чашку кофе в сторону, поцеловала мужа.

– Я люблю тебя, бегемотик, поэтому и разрешаю тебе иметь связи на стороне. Мне секс уже не нужен, а ты у нас мужчина в самом расцвете лет. Тебе просто будут завидовать твои друзья, что у тебя такая умная жена.

– Красиво заливаешь, – подозрительно сказал Валентин Николаевич. – Наверное, нашла кого-то?

– После тебя секса просто нет, – обворожительно успокоила его Светлана и он растроганно поцеловал ее в любимые губы.

На следующий день Валентин Николаевич утвердил новую должность в администрации области – помощник губернатора по гуманитарным вопросам. Основная обязанность этого помощника заключалась в том, что он ежедневно дол-

жен был поставлять женщин, согласных за деньги заниматься с Валентином Николаевичем сексом. Причем, Валентин Николаевич, строго указал, что это не должны быть проститутки, а симпатичные женщины не моложе тридцати лет, имеющие мужей и детей, или молодые вдовы, желающие украсить свою жизнь. Но поскольку губернатор находится у всех на виду и просвечивается телекамерами, как дружеских каналов, так и вражеских, помощник должен быть человеком проверенным и верным, что в эпоху перемен чрезвычайно сложно найти. Но три недели спустя, принимая на работу заместителя главного бухгалтера, Нину Степановну Голикову, тридцатилетнюю красавицу и модницу, с густыми копнами рыжеватых волос, почти выющихся, большим бюстом, узкой талией и широкими бедрами, губернатор предложил ей встретиться с ним в полицейском борделе Снаткина. Нина Степановна, словно ждала такого предложения всю жизнь, улыбнулась и прямо сказала, что Валентин Николаевич является мужчиной ее мечты и она готова с ним на любые приключения в этой жизни. Валентин Николаевич вместо отведенных на эту встречу двух часов, провел с Ниной всю ночь. Нина, не стесняясь, но иногда промокая чудесные небесные глаза платочком, рассказала Валентину Николаевичу о тайной стороне своей жизни. Чтобы, якобы, спасти свою маму от рака, ей пришлось заниматься элитной проституцией, она была девочкой по вызову для сильных мира сего нашего города и даже выезжала в столицу по просьбе министра юсти-

ции. (То, что министр юстиции выбрал Нину Степановну для своих плотских утех, убедило Валентина Николаевича, что он на правильном пути и он даже возгордился тем, что его вкусы так совпали с вкусом столичной штучки) Маму спасти не удалось. Но она вышла замуж за богатого предпринимателя, родила ему сына, которого он увез в Израиль, обрезал его, сделал иудеем. Но жизнь не остановилась, бывшие любовники ее не забыли и продолжают оказывать ей совершенно бескорыстно и материальную, и моральную помощь.

– Кто же у нас в области пользуется элитными проститутками? – как бы невзначай спросил ее Валентин Николаевич, оттягивая ее прямо в сауне.

– Нет, Валентин Николаевич. Я уважаю вас, но это моя тайна. Даже, если вы решите меня не брать на работу, я не скажу о моих друзьях ничего. Это принцип моей жизни. Я знаю очень много тайн и, как видите, живу до сих пор. Валентин Николаевич тут же рассказал ей о своей беде, об охлаждении отношений с женой, о намерении найти преданного человека для организации удовлетворения своей пагубной страсти.

– Нет ничего проще, – сказала Нина. – Трахаться надо прямо в помещении администрации, так сказать, не отходя от кассы. Это очень удобно для такого занятого, как ты человека. Женщины, которые приходят, должны раздеваться, принимать душ, и заниматься сексом, не видя тебя.

– Я должен быть в маске, что ли? – спросил губернатор.

– Можно попробовать и такой вариант, но очень скоро тебя начнут называть мистер Икс. И кто-то обязательно захочет эту маску сорвать. Запретный плод всегда сладок. Например, партнерша в экстазе. Есть другой способ. У меня был клиент, который хорошо платил, но предупредил меня, что зарежет, если я когда-нибудь оглянусь.

– Это все довольно сложно, – возразил Валентин Николаевич. – гораздо проще, если ты будешь одевать ей на глаза темную повязку.

– Я? – сделала удивленное лицо Нина. – При чем здесь я?

– При том, что ты будешь находить мне женщин и отвечать за то, чтобы они не знали, с кем они имеют дело.

– Значит у нас первый и прощальный секс? – раздумчиво сказала она.

– Я не хочу привыкать к одной женщине, – признался губернатор. – Это всегда приводит к разрыву семьи. У меня есть для тебя прекрасная высокооплачиваемая должность помощника по гуманитарным вопросам. Уверен, что на этой должности тебе не придется заниматься любовью за деньги, только по любви.

– Тогда мы будем комбинировать, – с воодушевлением сказала Нина, – один раз ты в маске, другой раз женщина в повязке. Во всяком случае, если меня не будет рядом, ты одеваешь маску. Правильно?

– А можешь ты мне на посошок сделать минет?

– Нет, – просто сказала Нина. – Этого я не делала никогда

и делать никогда не буду. Не потому что я это осуждаю, а просто потому, что я физиологически не выношу даже запах спермы и могу в любой момент облевать партнера.

С тех пор жизнь покатила у Валентина Николаевича просто замечательно. Он переоборудовал свой кабинет так, что в комнату отдыха можно было зайти с темной части коридора, убрал с части этажа видеонаблюдение, поставил охрану только возле своего парадного входа. Нина делала свою работу превосходно. Она проводила женщин в комнату отдыха, помогала им раздеться, водила в душ, завязывала им глаза, держала их голову на своих коленях, пока Валентин Николаевич не сбрасывал брюки, оставаясь в пиджаке, рубашке и галстукe и с похотливым присвистом не вводил свой член в очередное влагалище. По наущению Нины, женщины охали, дергались, изображали оргазм любыми стонами и криками, что доставляло Валентину Николаевичу постоянное удовольствие. Удовольствие доставляло ему и то, что в десяти метрах отсюда его ждали уважаемые граждане города, пришедшие на совещание, и попивающие импортное пиво в перерыве, в то время, как он отдавал себя очередной красотке. Такая процедура стоила Валентину Николаевичу каждый раз пятьсот долларов, зато никто не мог его уличить в аморальности и распутстве. То и дело в сетях появлялись снимки губернаторов с проститутками в бассейне и в сауне. Это раздражало народ. И губернаторов меняли. А кто посмеет поставить камеру в его апартаментах? А кто

посмеет даже подумать, что можно в рабочее время, когда решаются важнейшие вопросы жизни области, продолжать наслаждаться жизнью? Но жизнь, как автор остросюжетного детектива, вторглась в налаженный быт неожиданно и развернула его в совершенно другую сторону. Как-то, присмотревшись к соблазнительной заднице одной из женщин, на которой была удивительная татуировка змеи, кусающей себя за хвост, Валентин Николаевич, попросил Нину договориться с этой женщиной еще раз. Во время соития змея оживала и остервенело кусала себя. Это было занимательно. А кроме того, женщина была отличной профессионалкой и отдавалась с пылом и жаром. Мускулатура ее вагины могла захватывать его пенис, как замок ключ, и выплевывала его, как только выжимала его, как лимон. Такого страха и удовольствия он не испытывал ни с кем. Поэтому она пришла еще раз. А на третий раз, когда Нина вышла на минуту кому-то перезвонить, женщина сорвала с глаз повязку, обернулась и оба застыли в изумлении.

– Валентин Николаевич! – охнула женщина.

– Марина Вадимовна! – остолбенел губернатор. – Что вы тут делаете?

– Господи, – выпрямилась женщина окончательно. – Я надеялась, что это вы, но все было так таинственно и интересно, что я сомневалась. Вы знаете, Валентин Николаевич, – сказала она, поглядывая на дверь, – я могу это делать с вами каждый день и совершенно бесплатно.

– Я вечером зайду к вам, Марина Вадимовна. – заправляя рубашку в брюки, смущенно пообещал губернатор.

– Я буду вас ждать, – скромно сказала Марина Вадимовна.

Это была хозяйка соседнего пятиэтажного дома, с которой поддерживала приятельские отношения его жена. Марина была соломенной вдовой. Так она сама себя называла, потому что ее муж уже давно имел другую семью, но они не разводились. Марине было тридцать пять лет. Она была единственной дочерью местного олигарха Гананпольского. Ее два сына учились в Лондоне на программистов. Марина нигде не работала, так как на нее были записаны все активы отца. Как Нине удалось уговорить Марину заниматься таким делом, при ее богатстве и возможностях, было неизвестно. Но эта встреча в комнате отдыха оказалась для губернатора роковой. Через две недели он перевез свои личные вещи к Марине и с тех пор почувствовал себя вполне счастливым человеком. Взрослые дети и жена Светлана сначала взбрыкнули, но когда муж и отец показал им, что он может им оставить взамен дивана и склок, сразу притихли и решили отца и Марину не гнобить, а просто смириться с ее существованием. Счастливому Валентину Николаевичу никогда не приходила в голову мысль, что Нина, Марина, и ее папа как-то могли быть связаны и неожиданная любовь, вспыхнувшая между соседями, могла быть дальновидным планом местного олигарха или преданной помощницы Нины. Но ни олигарх, ни Нина, ни Марина и представить не могли, что смог накопить за три

года своего губернаторства с виду недалекий и ограниченный человек с крупным лицом мясника, имеющего два подборода, пивной животик, коротко подстриженную под сельского бухгалтера голову, вечный зуд в области половых органов, но обладающего такими мозговыми извилинами, направленными на личное обогащение, которым мог бы позавидовать Остап Бендер, если бы он жил в городе Коблевске. Валентин Николаевич не случайно стал губернатором. Задолго до Революции достоинства Валентин Николаевич, не будучи собственником, продал два судостроительных завода голландской фирме. Поскольку в договоре купли-продажи государственного имущества, то есть заводов, Валентин Николаевич являлся представителем государства, то левая часть продажной суммы осталась лежать в банке Амстердама на имя Положенко до тех пор, пока не перепрыгнула в оффшорную компанию. Продав заводы, Валентин Николаевич, остался их директором, получая от голландской фирмы по пятьдесят тысяч евро в месяц в качестве директорского оклада. Когда дореформенный прокурор области попытался заикнуться о неправомерности содеянного со стороны Валентина Николаевича, он тут же был переведен на должность восемнадцатого заместителя генерального прокурора республики, а Валентин Николаевич, за возобновление организации производства продукции на голландских предприятиях, был удостоен президентом звания Герой республики. Поэтому неудивительно, что в водовороте майданных

событий, только Герой республики мог возглавить Коблевскую область. На вечеринке по поводу обмытия указа президента о назначении Валентина Николаевича губернатором, он произнес знаменитый спич, разошедшийся в сотнях вариаций. Неизменным оставалось одно:

– Если правда, что Господь сотворил нас по образу и подобию своему, то президента мы точно избрали по образу и подобию своему. А уже ему народом дано право по образу и подобию своему назначать губернаторов. Поэтому перекрестимся, друзья мои, и не будем роптать на зеркало, коли рожка крива.

Что хотел этим тостом сказать новый губернатор, понять было мудрено. Но все сошлись на том, что прозвучал он красиво и непривычно свободолюбиво для начинающего политика. Но на следующий день депутат областного совета Голубицкая на телеканале «Тогда и сейчас» заметила, что новый губернатор оседлал двусмысленность в своих выступлениях, как доктрину. Именно выступление Голубицкой, отпечатанное специально для губернатора его первым помощником, помогло самому Валентину Николаевичу четко определиться в том, что никогда нельзя четко определяться, потому что в любой момент можно подставиться так, что будет очень больно. Он пожелал лично встретиться с Голубицкой. В ходе беседы Голубицкая, страшная, как смерть, и умная, как сто мудрецов, в полемическом запале объявила, что власть в стране захватила хунта, что для того, чтобы этот режим

функционировал, ему необходимо немедленно создать что-то наподобие корпуса стражей исламской революции, потому что Владимир Ильич Ленин считал, что революция, то есть государственный переворот, только тогда чего-нибудь стоит, если она может защищаться.

– Но через семьдесят лет, – заявила Голубицкая, – вас сметут на обочину истории, как смели Советскую власть.

– Значит вы даете нам семьдесят лет на эксперимент, Зоя Иннокентьевна? – спросил губернатор, делая пометки в своем блокноте.

– И ни дня больше. Моя бы воля, я бы задушила вас в зародыше. Если бы прежний президент, которого вы свергли, повесил бы на Майдане Независимости двадцать пять народных депутатов, страна не впала бы в маразм. Но он оказался подонком и трусом. А теперешнему просто не дадут сбежать, потому что имеется уже кое-какой опыт. Честных выборов в нашей стране больше никогда не будет, потому что честные выборы приведут лично вас и вашу власть в тюрьму.

– Почему? – для проформы спросил Валентин Николаевич.

– Потому что каждая хунта при законно избранном правительстве неизменно оказывается в тюрьме.

Идея о создании корпуса стражей Революции достоинства, засела, как червь в яблоке. Один раз в неделю он собирал у себя прокурора области, начальника службы безопасности, директора местного НАБУ, начальника полиции го-

рода и области. Выслушивал их просьбы, слушал их мнения по разным проблемам жизни области, присматривался к ним и сделал окончательный вывод, что положиться на этих людей нельзя. Новый начальник налоговой администрации, присланный из соседней области, Валерий Спиридонов, на вид лет тридцати, стройный брюнет с карими глазами, на первой же встрече, нагло сказал:

– Я ознакомился с вашей биографией, Валентин Николаевич. Меня в ней все устраивает. Я думаю, что мы с вами сработаемся. Однако позвольте дать вам один совет.

– Вы всегда изучаете биографии своих начальников? – удивился губернатор, не зная, что делать с этим хамом, выгнать немедленно или подождать, что он еще выдаст.

– У меня только один начальник, Валентин Николаевич. Это министр финансов. Так вот, если вы хотите стать настоящим вожаком области, надо будет все, что движется, летает и ползает в вашей вотчине обложить дополнительными налогами. Если это не сделаете вы, это сделают за вас бандиты. И тогда в Коблевской области будут два губернатора: дневной и ночной. Но деньги будут у ночного губернатора. А кто заказывает музыку, тот девушку и танцует.

– Дополнительные налоги... Да кто же захочет их платить? – оживился Валентин Николаевич.

– Кажется, Конфуций сказал, что правитель это ветер, а народ трава.

Поклонник Конфуция тут же изложил Валентину Нико-

лаевичу свое видение мира.

– Наша область не протянет и пяти лет. Вместе с ней уйдем и мы. Ничто не вечно в этом мире. Но в отличие от области, мы уйдем отсюда миллиардерами, потому что такого золотого времени больше не будет.

– Например, я долго думал, где взять средства на поддержку патриотических сил нашей области, – не сразу врубился губернатор. – Как вам такая организация: Корпус стражей Революции достоинства?

– Не надо выдумывать велосипед, Валентин Николаевич. Люди уже все придумали. Не надо никого копировать. У каждой страны своя специфика. У нас будет Национальный корпус. Это почище каких-то стражей революции. Мы же с вами не безграмотные аятоллы. Есть кадры, есть концепция, нужна только поддержка власти. Вы объявляете бизнесу каникулы от всяческих «крыш» – бандитских, полицейских, прокурорских, судейских. А за это бизнес добровольно платит взносы в благотворительные фонды на содержание и развитие патриотизма в области.

– Ну допустим, поддержка власти будет. А вам-то что от этого? Вы этими фондами руководить не будете.

– Мы эти фонды будем контролировать. Или вы привыкли по старинке? – сощурился Спиридонов, – Братъ деньги кейсами из рук в руки? Так вас через полчаса ваш же Червоненко захомутает. По моим подсчетам, одни только маршрутники могут в месяц вносить до трех миллионов гривень.

– Валерий, не припомню по бабушке, – начал Валентин Николаевич.

– Иванович, – подсказал Спиридонов.

– Валерий Иванович, вам, как говорится, и карты в руки. Подготовьте мне ваши предложения в кратчайший срок.

– В кратчайший срок не выйдет, – сказал спокойно Спиридонов. – Я всего неделю в городе. Мне нужен месяц, чтобы войти в тему.

Через месяц область вздрогнула, но не взорвалась. Все от мелкого предпринимателя до крупнейших фирм области беспрекословно начали платить взносы в благотворительные фонды, созданные губернатором. На каждом перекрестке висели баннеры с призывом губернатора затянуть ремни, но вывести область в первую пятерку страны. «А чем ты помог фронту и патриотам? – вопили продажные журналисты на телеканалах и с первых страниц газет. По предложению Спиридонова был создан благотворительный фонд свободы слова, из которого черпали обеими руками более или менее способные блогеры, патриотизм которых рос пропорционально их доходам. Желавших пропагандировать идеи Коновальца, Шухевича и Бандеры становилось так много и они размножались с такой невиданной скоростью, что благотворительный фонд не успевал пополняться. Многие беспризорные блогеры в сетях стали обвинять в зраде тех, кто был допущен к корыту. Валерий Спиридонов поначалу даже растерялся, потому что фонд ничего не оставлял своим

создателям. Но потом все устаканилось, когда добровольные взносы начали расти наперегонку с ценами на товары и услуги. Валентин Николаевич, сперва струхнувший от такого напора и наглости Спиридонова, с удивлением понял, что Конфуций был стопроцентно прав. Народ области стелился, как трава под ветром правителя. Первые опричники в балаклавах и пятнистой форме с нашивкой «Национальный корпус» появились у тех бизнесменов, которые не отреагировали на призыв губернатора помочь патриотической молодежи в защите идеалов Революции достоинства. Начали самовозгораться офисы, кафе, склады и рынки. Полиция приезжала, составляла необходимые бумаги, возбуждала уголовные дела, но подозреваемых не находила. Зато десятки благотворительных фондов начали пухнуть от взносов. У «Национального корпуса» появилась своя база. Члены «Национального корпуса» теперь имели членские билеты, зарплату и новую форму. Им даже разрешили выполнять частные подряды от фирм, которые хотели потроллить своих конкурентов.

– В чем загадка? – спрашивал иногда губернатор начальника налоговой. – Почему они безропотно платят? Почему они не бунтуют? Жизнь стала откровенно хуже, чем была. Неужели они поголовно верят в наши идеалы? Даже пенсионный фонд отчисляет в наши фонды с каждой пенсии десять процентов.

– Генетическая память народа, – отвечал Спиридонов. – С каждым Майданом жизнь резко ухудшалась. Поэтому в бли-

жайшие пять лет Майдана не будет. А кроме того, подушки и пододеяльники у каждого в тучные годы нашего расцвета были забиты баксами. Теперь они вынимают каждый месяц свою сотенную и живут до следующего месяца. По моим подсчетам самая бедная семья наскребла тогда тысяч десять баксов. Разделим на сто. Ровно сто месяцев. Поэтому сейчас можно даже посыпать их дустом. Народ выйдет на новый Майдан через сто месяцев, а если доллар будет стоить сто гривень, то просто лень считать, когда это случится. О том, что полковник Снаткин задержан при получении взятки и активисты «Национального корпуса» блокируют телеканал «Эхо недели», губернатор Положенко узнал от своего первого помощника. Тот вбежал в кабинет губернатора взмыленный, как лошадь.

– Этого еще нам не хватало! – начал он с самого порога. – Наш «Западенец», – так в узких кругах власти звали мэра города, который представлял львовскую партию «Самозащиты», – устроил блокировку канала «Эхо недели». В результате Кордон обвинил не его, а нас в коррупции и ущемлении свободы слова, в том, что мы покрываем коррупционера Снаткина...

– А при чем здесь Павел Иванович? – удивился губернатор.

– А об этом спросите вашего любимого Ореста Ивановича. Он уже несколько часов держит под арестом начальника полиции, а мы ни сном, ни духом. Кроме того, в ходе митин-

га был убит один из руководителей «Национального корпуса» Петренко. Илье Кордону уже звонил министр внутренних дел. По словам Кордона, министр возмущен блокировкой телеканала и полностью поддерживает позицию Кордона.

– Ну и дела! – удивился губернатор. – Акцию у телеканала прекратить немедленно. Кордону я позвоню сам и извинюсь. Прокурора ко мне вызвать сейчас же. Я хочу все узнать из первых уст. По поводу Петренко решим утром. А почему Западенец решил выступить против «Эхо недели»?

– Илья Кордон несколько дней назад проголосовал против переименования проспекта Ленина на проспект Бандеры.

– И министр полностью поддерживает в этом вопросе Кордона?

– Я тоже удивлен до глубины души, – смешался первый помощник.

– Этот Западенец – просто придурок, – сказал Валентин Николаевич. – Кто ему этот Бандера – кум, сват? Помешался на переименовании улиц. Почтальоны уже не могут корреспонденцию доставлять по адресам. Сколько улиц нашего города могут носить имя Бандеры? Была площадь Маяковского. Стала площадью Бандеры. Теперь главный проспект города будет проспект Бандеры! А давайте сразу всем улицам города присвоим имя Бандеры. И будет как в Нью-Йорке. Губернатор находится на пересечении 21 авеню Бандеры и 22 стрит Бандеры. Ну совесть какую-то надо иметь? И

главное, до сих пор у нас была тишь да благодать. Сам президент меня хвалил за понимание ситуации в стране. И вдруг убийство активиста, да еще одного из руководителей. С ума можно сойти.

– А давайте повесим это убийство на Западенца, – предложил первый помощник, – и отстраним его от управления городом.

– Созывай на завтра на утро заседание военного Кабинета, – приказал губернатор, пропустив предложение помощника мимо ушей, – и лично позвони Спиридонову. Пусть тоже придет.

Военным Кабинетом губернатор с подачи начальника налоговой администрации называл совещание начальников всех правоохранительных органов.

Горпищенко, Скоморох и Ваня сидели в кабинете следователя и пили кофе. Настенные часы пробили десять часов вечера. В тишине помещения, словно гром, прогремел телефонный звонок.

– Готов поспорить, что это наш прокурор, – устало сказал Горпищенко и поднял трубку.

– Алексей, – замогильным голосом произнес Орест Иванович, прокурор города, – что у нас со Снаткиным? Меня вызывает на ковер губернатор.

– Снаткин жив и здоров, – ответил Горпищенко, – а мы вряд ли доживем до утра.

– Не морочь мне голову, – пришел в себя прокурор. – Взяткодатель допрошен? Вещественное доказательство – доллары – имеются? Признание Снаткина есть? Что еще надо? Мы можем объявить, наконец, что полковник Снаткин подозревается в получении взятки в особо крупном размере?

– К чему такая спешка? – разозлился Горпищенко. – Давайте объявим завтра. У нас еще кучу дел надо проверить. Еще раз допросить Снаткина, взяткодателя, будь он не ладен. Его скорая забрала в больницу, он находится там в спецпалате, провести экспертизу денег, допросить Кеосаяна, владельца денег, провести обыски в квартирах Снаткина и Фердма-

на, тьфу, Пермана...

– А в чем ты сомневаешься? – грозно спросил Орест Иванович. – Есть взяточдатель, есть вещественное доказательство, есть Снаткин, есть микрокамера. Уже все телеканалы повторили заявление Ильи Кордона об аресте полковника Снаткина. Сколько можно продавать безнаказанно тайну следствия? Разберись с этим немедленно. У тебя в группе сидит крыса, а ты мне поешь об усталости. Короче, я даю отмашку пресс-службе выступить с заявлением. После встречи с губернатором созвонимся. Пока отбой... Горпищенко с раздражением бросил трубку мимо аппарата.

– Что случилось? – спросил Скоморох.

– По телевизору уже сообщили, что полковник Снаткин арестован, – кладя трубку телефона на место, ответил следователь. – Вся прокуратура знает об этом, весь горотдел полиции обсуждает. Кто продал тайну задержания Снаткина прессе? У нас в группе, оказывается, есть крыса. Это, случайно, не вы, Василий Васильевич?

– Не обращай внимания. Орест Иванович такой паникер и трус, каких мало. Если не дай бог, звонит прокурор области Вершигора, он становится ниже ростом.

– Мне от этого не легче, – заметил Горпищенко. – Вместо того, чтобы работать, я должен искать среди нас крысу. Полгорода уже знают эту тайну, а нас делают крайними. И время, – Горпищенко посмотрел на часы, – начало одиннадцатого, допросы запрещены, обыски тоже. Что будем делать?

– Кого нужно допросить? – спросил Скоморох.

– В первую очередь этого Пермана. Эти бестолковые полицейские оперативники почти все загубили.

– Тогда мы с Ваней едем в больницу. Я чхать хотел на ваши реверансы, когда можно допрашивать, когда нет. Допрашивать надо тогда, когда нужно. Но уважая твою щепетильность, я поставлю в протоколе допроса другое время. Чтобы ты спал спокойно.

– Я подумал, что Пермана все-таки желательно допросить в присутствии адвоката, – нерешительно сказал Горпищенко. – В его действиях просматриваются признаки посредничества.

– В роли адвоката у нас будет Ваня, – хохотнул Василий Васильевич.

– А чего? – сказал Ваня. – Я видел по телевизору, как адвокат своего подзащитного табуреткой по голове грохнул, говори, мол, скотина, где деньги лежат?!

– Давайте, господин капитан, без ваших казарменных шуток, – сказал следователь Ивану Потребенько. – Но если в протоколе будет стоять другое время и Перман подпишет протокол, я не буду возражать. Телефон Василия Васильевича спел «Мурку». Скоморох приложил мобильник к уху. Незнакомый голос сообщил, что звонит следователь полиции Нестеренко.

– Слушаю, – ответил Скоморох.

– У нас есть данные, что Петренко свой последний звонок

сделал на ваш телефон.

– Ну и что? – не понял Василий Васильевич, но внутренне собрался. – Дай мне Петренко.

– Не могу, – ответил следователь. – Петренко был убит два часа назад.

– Как убит?! – вскричал Скоморох. – Кем убит?!

– Вы могли бы завтра явиться ко мне на улицу Белую, 10 к десяти часам? – спросил следователь полиции.

– Я приду обязательно, – сказал Скоморох. – Я сам лично казню подонка.

– Его еще нужно поймать, – урезонил его следователь.

Обернувшись к Горпищенко, Василий Васильевич спросил:

– Коньяк у тебя, Алексей, есть?

– Есть, – ответил Горпищенко и вынул из стола початую бутылку «Метаксы», три рюмки и черный шоколад. Разлил коньяк по рюмкам.

– Пусть земля ему будет пухом, – поднял рюмку Скоморох. – Погиб великий поборник с идеологической нечистью, можно сказать начинающий инквизитор Революции достоинства. Да отсохнет рука у того, кто покусился на нашего патриота. Я лично порву его на портянки. Аминь.

– Аминь, – повторил как эхо Ваня.

«Точнее сказать, ученик инквизитора, – с неприязнью подумал Горпищенко и молча опрокинул рюмку в рот.

Майское ночное небо полыхало звездами, как свечи на праздничном торте, и казалось, готово было обрушиться на красную «Таврию», мчавшуюся по разбитой сельской дороге. Черное небо, усеянное веснушками звезд, опустилось так низко над машиной будто пыталось подсмотреть, кто в ней сидит, и Альберту мерещилось, высуну руку и соберешь тут же целую горсть звезд. Элитный дачный поселок, в отличие от оставшегося позади села, переливался всеми цветами электрической радуги. Окна вторых и третьих этажей дачных домов светились в ночи желтыми, голубыми, зелеными и красными красками. Охранник переписал в свою тетрадь номера машины и молча открыл ворота.

– Мне нужен дом номер 245, – спросил его Альберт.

– Проедете два квартала прямо и свернете налево. Там увидите номер дома. К Самострелу в гости?

– Наверное, к нему, – ответил адвокат и подумал о том, какая умная и предусмотрительная у него секретарь Вика, узнай теперь, кто приехал на старой «Таврии» к какому-то Самострелу, точно бандиту, если хозяйка отдыхает в Таиланде.

В трехэтажном домике из белого камня, облицованного плиткой под красный кирпич с изогнутой крышей из зеленой металлочерепицы, казавшейся сейчас темной, светилось

только одно окно на первом этаже. Альберт остановил машину в кармане у дома, заглушил ее, выключил габариты. Он еще сидел в машине, когда дверь дома отворилась и на улицу вышел невысокий худощавый мужчина в спортивных штанах и тельняшке.

– Мне нужен Роман Самострел, – сказал Альберт, подходя к нему.

– С какой вестью пожаловали, дядя? – спросил мужчина и поежился.

– Я адвокат Павла Ивановича, – ответил Альберт. – Везу маляву.

– Впервые вижу адвоката, ботающего по фене. А где сам Пал Иваныч? – настороженно спросил мужчина.

– «Бог дал – Бог взял», – сказал кодовую фразу Альберт.

– Да неужто? – изобразил на лице усмешку мужчина. – Могу сказать одно: не повезло в этом случае самому Господу. Проходите, господин адвокат, будем пить чай с вишневым вареньем и много говорить. В комнате за круглым дубовым столом сидели трое мужчин. Альберт почувствовал в напряженной тишине недоброжелательность, сквозившую в перемигивании и откровенно любопытных взглядах, которые читались примерно так: а не пошел ли ты, мил человек лесом, как ты не вовремя ввалился к нам. Самострел счел необходимым объяснить присутствие парней у него в гостях.

– Решили сыграть партейку в преферанс. Представляете, – обратился он к Альберту, – перед вашим приходом эти раз-

бойники обули меня на пять взяток на мизере. При одной трефовой восьмерке. Вот что значит не со своего хода заход.

Мужчины молчали, выжидаяще глядя на Рому Самострела. Один из них, в джинсах и в свитере без рукавов, надетом на цветную рубашу, автоматически сунул руку в карман безрукавки. Его лицо было непроницаемо и только глаза цепко следили за каждым движением Альберта. Казалось, одно неправильное движение со стороны пришедшего, и мужчина может истолковать это как нападение со всеми вытекающими последствиями. Адвокатский опыт подсказывал Альберту, что здесь собрались серьезные люди с не одной ходкой за плечами, которые предпочитают мало говорить и больше делать. Да и сам Рома Самострел был не подарок. Жилистый, с синими от татуировок руками, жестким худым лицом, без эмоций в глазах, способный в любой момент на любой поступок.

– Мне надо на полчаса прерваться, – сказал он молчаливым парням. – Может без меня в бурю скатаете?

– Валяй, – ответил ему мужчина в джинсах, не вынимая руки из кармана свитера.

– Пойдемте, – показал Рома адвокату на дверь, ведущую в столовую.

Рома плотно закрыл за собой дверь. В столовой стоял квадратный стол со стульями, напоминающими узкие кресла с высокими резными спинками.

– Садитесь, – указал на ближайшее кресло Самострел. –

А я сейчас чайник включу. Варенье у нас вместо печенья. И рассказывайте, что же приключилось с шефом.

Альберта подмывало спросить Самострела, а знает ли шеф с кем устраивает Рома посиделки в доме, но поскольку Самострел отвел на все дела с ним полчаса и к делу это никакого отношения не имело, он промолчал.

– Все написано в письме к вам, – сказал Альберт и открыл свой портфель. Самострел выставил на стол вазочку с вишневым вареньем, воткнул в него маленькую ложечку, поставил перед Альбертом высокую чашку, бросил в нее кусочек лимона, налил настой чая и добавил вскипяченной воды.

– Угощайтесь, – сказал он, читая письмо Снаткина.

Альберт пригубил обжигающий чай и не притрагиваясь к варенью поставил чашку на стол.

– Это ошибка, – сказал он, прочитав записку.

– Что именно? – спросил Альберт.

– Ошибка, что он прислал вас ко мне. Я уверен, что минут через сорок, если не раньше, здесь появятся менты. Если бы Павел Иванович не суетился, никто бы не знал, что этот дом, который по документам числится за мной, принадлежит ему. Но делать нечего. Я принесу все деньги, а вам придется пересесть на другую машину. Она стоит в гараже. Пассат. Серебристый. Пожалуй, чай вам допить не придется.

– Я должен «Таврию» до утра поставить в гараж, иначе хозяйка поднимет шум, – возразил Альберт.

– «Таврия» до утра будет сожжена в пятидесяти километ-

рах отсюда.

– Я так не договаривался, – встал Альберт. – Никто в мире не знает, что я сюда приехал на «Таврии». Я ехал и видел, что за мной не было ни одной машины. Принесите деньги и я поехал.

– За эти деньги я отвечаю своей жизнью, – жестко сказал Самострел, – И если менты их найдут, мне придется повеситься или застрелиться. Поэтому садитесь и ждите меня.

Телефон Самострела затарахтел, как повозка на булыжной мостовой.

– Что они хотят? – спросил Самострел с нервной усмешкой на лице. – Задержи их на пятнадцать минут. Мы все успеем подчистить. После их проезда смени симку. Закрой сторожку и уходи домой. За вами, господин адвокат, – обернулся он к Альберту, – приехали корреспонденты телеканала «Эхо недели». Они утверждают, что вы въехали в дачный поселок на красной «Таврии». Вопросы будут?

– Это чушь, – возмутился Альберт.

– Они вычислили вас по мобильнику. Они утверждают, что вы находитесь в дачном поселке «Жемчужина Буга». Через пятнадцать минут они будут здесь. Потом сюда приедут менты. Еще есть вопросы? Мобильник выключить и на стол, – приказал Самострел. – Выходим за мной прямо в гараж. У вас будет столько денег, что вы сможете хозяйке купить десять «Таврий». – Я так не договаривался, – похолодел от страха Альберт. – Я возьму только деньги Снаткина.

Зачем мне ваш общак? Я адвокат, а не участник банды.

– Звезды так сложились, – почти зло сказал Самострел, – что на какое-то время наши деньги будут храниться у вас. По-другому просто не будет. Или будет, но тогда мне придется замочить вас, а потом застрелиться самому.

– Отдайте их вашим друзьям, – с отчаянием воскликнул Альберт.

– Осталось десять минут, чтобы вы спокойно уехали через другие ворота. Разве можно иметь дело с ментами, даже, если они в доле? Ничему меня жизнь не учит.

– Хорошо, – сказал Альберт. – Когда я должен буду вернуть вам ваши деньги? И кстати, мне нужна расписка, что я получил от вас конкретную сумму, чтобы в дальнейшем не было ко мне никаких претензий.

– У меня с каллиграфией проблемы с первого класса. Вы сами дома в спокойной обстановке посчитаете конкретную сумму. И если на сотку вы вернете нам меньше, никаких претензий к вам не будет. Это будет плата за хранение имущества в особо опасный период.

– Сто долларов? – спросил почему-то Альберт.

– Сотка – это единица с пятью нолями. Так, пойдет?

– А почему вы мне верите? – спросил Альберт. – Я могу исчезнуть вместе с вашими деньгами.

– Я вам не верю. Я вижу, с кем я имею дело. Но на безрыбье и такой адвокат, как вы, сойдет. Просто нет других вариантов.

– Мобильник я не оставлю, – заявил Альберт. – Там имеется конфиденциальная информация.

Самострел смахнул со стола телефон Альберта и раздавил его ботинком, затем вынул из растерзанного телефона симку и отдал ее адвокату. Через десять минут три кейса и трехлитровая банка с деньгами лежали в багажнике «Пассата».

– Банка – это доля полковника. В ней триста тысяч долларов. Шеф закрутил ее лично. Дома ее отмоете от грязи. Полковник любил перепрятывать их с одной части огорода в другую, – улыбнулся Рома. – Банка грязная, а деньги чистые, – добавил он уже не улыбаясь. – До встречи. Альберт вывел автомобиль из гаража и уехал из дачного поселка через ворота, которые ему открыл мужчина в джинсах и свитере-безрукавке. Следом за ним выехала красная «Таврия». За селом Ковалевка, «Таврия» свернула вправо и исчезла в беспроглядной темноте.

У въезда в дачный поселок «Жемчужина Буга» стоял микроавтобус с надписью по бокам «Телевидение. Канал «Эхо недели». Тележурналистка в розовом брючном костюме вела прямой репортаж.

– Мы находимся у ворот элитного дачного поселка «Жемчужина Буга», – говорила она. – Только что сюда въехал на красной «Таврии» известный адвокат Альберт Яковлевич Кемельман. Альберт Яковлевич осуществляет защиту полковника полиции Снаткина, задержанного при получении взятки в особо крупном размере. Наша цель – встретиться с адвокатом, чтобы выяснить подробности дела, взбудоражившего наш город. Однако в нарушение закона о свободе слова, охранник дачного поселка... Кстати, как вас зовут? – сунула она микрофон охраннику.

– Валера, – ответил охранник.

– Валера, – продолжила бойкая журналистка, – препятствует нашей съемочной группе проехать в дачный поселок. Скажите, Валера, только что вы пропустили на территорию поселка красную «Таврию» с адвокатом Кемельманом...

– Я еще раз повторю вам, – отвечал охранник Валера, – никакая красная «Таврия» в поселок не въезжала.

– Ну может быть это была зеленая «Таврия», – не унималась девушка. – За рулем был адвокат Кемельман, у которо-

го, как нам известно, есть дорогой автомобиль «Лексус».

– Адвокат Кемельман в нашем поселке не живет, – спокойно отвечал Валера.

– А почему вы препятствуете нашему каналу в освещении дела Снаткина? – продолжила она. – За препятствование журналистской деятельности вы можете быть привлечены к ответственности.

– Я ничего и никому не препятствую. У меня есть инструкция. Назовите жителя нашего поселка, к которому вы хотите приехать, и я тут же открою ворота.

– Нас интересует адвокат Кемельман.

– Я еще раз повторяю: адвокат Кемельман не является жителем нашего поселка.

– Вы хотите сказать, что он не въезжал сюда полчаса тому назад?

– У меня записаны номера всех машин, которые въезжают в поселок. Среди них ни красной, ни зеленой «Таврии» не было.

– А кому вы звонили, когда мы подъехали?

– Я звонил своей маме. Интересовался ее здоровьем. – отвечал охранник Валера с издевкой.

– А вы знаете, что такое геолокация? – спросила его журналистка. – Гугл нам точно показывает, что адвокат Кемельман сейчас находится на территории «Жемчужины Буга». Интрига закручивается круто, дорогие телезрители. С какой целью адвокат Кемельман под покровом ночи на старень-

кой «Таврии» тайно проникает в дачный поселок «Жемчужина Буга», где проживают половина судей нашего города? Валера, вас это не настораживает? Мы не уедем отсюда, пока не узнаем причину, по которой адвокат избегает встречи с представителями прессы. Рано или поздно, но адвокат Кемельман выедет нам навстречу и мы постараемся прояснить все темные моменты этой истории. Мы включимся снова, как только появятся новые обстоятельства этого громкого дела. Выключайся, – приказала она оператору и обратилась к Валере:

– А господин Снаткин здесь проживает?

– Я вам тут не справочное бюро, – грубовато ответил Валера. – Есть руководство дачного поселка. У него имеются списки всех жителей поселка. Приезжайте утром, и все узнаете.

– А зачем тогда ты играешь в дурку? – спросила журналистка. – Требуешь назвать тебе фамилии, если ты не в курсе? Может нам вызвать полицию, чтобы она вразумила тебя, что нельзя мешать журналистам делать свою работу? – Вызывайте, – насмешливо сказал Валера. – Как раз к утру она и подъедет. В этот момент проснулся Валерин телефон и он ушел в свою сторожку. Через несколько минут он вышел.

– Как здоровье мамы? – поинтересовалась журналистка.

– Спасибо. Передавала вам привет. Проезжайте.

Валера открыл ворота и микроавтобус проследовал на территорию дачного поселка «Жемчужина Буга».

Василий Васильевич Скоморох ногой открыл дверь в ординаторскую, где трое врачей пили чай и обсуждали события, связанные с похищением Пермана.

– Слава Украине, – крикнул врачам Ваня. Двое женщин поперхнулись чаем от неожиданности и страха. А Натан Перельман с гематомой во лбу молча вперился в лица вошедших.

– Служба безопасности Украины, майор Скоморох, – представился Василий Васильевич и на всякий случай вынул из внутреннего кармана пиджака удостоверение.

– Ты видишь, Васильич, как они нас встречают, – злобно сказал Ваня. – Как оккупантов. Мы за них кровь проливаем на восточном фронте, а они на приветствие не отвечают.

– Кто может провести нас к свидетелю Перману? – спросил Скоморох.

– Никто, – тихо ответил Натан Перельман. – Свидетеля Пермана уже два часа как забрали ваши люди. При этом они нанесли больнице материальный ущерб, выбив дверь спецпалаты.

– Ваша фамилия и должность, – потребовал Скоморох.

– Натан Мойсеевич Перельман, дежурный врач, – поднялся Перельман.

– Так, – плотоядно улыбнулся Скоморох. – Все понятно

без переводчика. Я правильно понял, что свидетеля Пермана принял врач Перельман?

– Не принял, а его доставили в больницу с гипертоническим кризом и подозрением на гиперкликемию «Скорой помощью» в мое дежурство. Я распорядился определить его в спецпалату для подозреваемых или подсудимых. Из представителей правоохранительных органов его никто не сопровождал. Поэтому он находился в закрытой на ключ палате, пока его не забрали, а вернее, похитили ваши люди.

– Они представились работниками службы безопасности? – внимательно рассматривая глазами-биноклями Перельмана, спросил Скоморох. – Они показали вам свои удостоверения?

– Нет, – ответил Перельман. – Они тоже кричали «Слава Украине».

– Может дать ему сразу в лоб, чтобы не завирался? – предложил Ваня. – По его логике «Слава Украине» могут кричать только работники службы безопасности? Мне кажется доктор не в своем уме. А вы, проститутки в белых халатах, – крикнул он женщинам, – встать, когда к вам обращается капитан!

Женщины молча вскочили.

– Почему вы не вызвали полицию? – продолжал выяснять Скоморох. – На ваших глазах из спецпалаты выводят государственного преступника, а вы, вместо того, чтобы броситься его отбивать, звать на помощь полицию, еще, наверное,

снабдили его необходимыми лекарствами, и пожелали доброго пути?

– Во-первых, государственного преступника, как я понимаю, без охраны к нам не привезут, а во-вторых, их было пять человек и они набросились на меня, – оправдываясь, произнес Перельман и указал на гематому на лбу. – Никаких лекарств мы ему не давали.

– Если бы это были наши сотрудники, – весело сказал Ваня, – ты бы давно лежал в морге, а не рассказывал нам свои сионистские бредни. – Садитесь, – приказал врачам Скоморох. – Где ключ от вашего кабинета? – Торчит в дверях, – пришла в себя одна из женщин. – Закрой дверь на ключ, – предложил Скоморох Ване, что тот с удовольствием и сделал. – Сейчас мы будем проводить допрос с пристрастием гражданина Перельмана, обвиняемого в организации похищения государственного преступника Пермана. Вы обе будете свидетелями, что ни я, ни мой коллега даже пальцем не притронулись к господину Перельману. Я буду задавать вопросы господину Перельману, а ты, – он указал на женщину-врача постарше, – будешь записывать мои вопросы и его ответы. В конце допроса, я надеюсь, господин Перельман признает свою вину и подпишет протокол допроса. А ты, – обратился он к более молодой и симпатичной, – пересядешь на стул возле двери. Допрос по моему принципу «параллельной реальности» будет заключаться в следующем. Как только господин Перельман будет уходить в несо-

знанку, юлить, изворачиваться и тому подобное... Как тебя зовут? – тут же спросил женщину Скоморох, прервав свое пояснение. – Юл-лия Влад-д-имир-ровна, – заикаясь от страха, произнесла женщина, севшая на стул у двери. – Красивое имя-отчество, – обратился к Ване Скоморох. – Не только, – облизывая губы, ответил Ваня. – А жопа какая! Два ствола войдут. – Прекратите этот цирк, – вскочил Натан Перельман. – Вы не офицеры службы безопасности. Вы вообще не офицеры, если так относитесь к женщинам. Вы – самозванцы! Я требую, чтобы вы немедленно открыли дверь ординаторской и выпустили нас! – Я не думал, что начнется так быстро, – сказал Скоморох. – Конечно, мы не офицеры Моссада. Там, несчастных арабов, угощают при допросах шоколадом и кофе. А мы с тобой, Ваня, даже не звери, а просто циркачи. Ты не чувствуешь уничижительной разницы? – Давай зальем его поганый рот зеленкой, – предложил Ваня. – Для дезинфекции. – Нет, Ваня, у нас с господином Перельманом будет исключительно интеллектуальная беседа. Я читал, что в Моссаде, арестованным арабам вместо Корана, читают Тору. И те падают от этого в обмороки и сдаются. Возьми, лучше бинт с полки и хорошо привяжи Юлию Владимировну к стулу. А вы, господин Перельман, за каждый неправильный ответ на мой вопрос получите массу наслаждений, наблюдая, как гойка будет страдать.

Ваня взял бинт из стеклянного шкафа и крест-накрест связал Юлию Владимировну сначала с сиденьем стула, по-

том с его спинкой, затем привязал руки женщины к ее телу.

– Подонки! – закричал Натан Перельман. – Немедленно отпустите Юлию Владимировну! Лучше свяжите меня! А еще лучше – убейте! А еще говорят, что снаряд дважды не попадает в одну воронку. В Америке, может и не попадает, а в нашей стране, в течение полусуток, антисемиты могут дважды и даже трижды издеваться над одним и тем же старым евреем.

– Натан, не выпендривайся, – улыбнулся Скоморох. – Я тебе обещаю, что ни один волос не упадет с твоей лысой головы. У нас с тобой, дружище, вековой спор. Ну вот смотри, у вас, у евреев, есть свое замечательное государство. Я в прошлом году там отдыхал. Получил удовольствие по полной программе. Почему же наши Гройссманы, Циммерманы, Коломойские и десятки других не уехали в Израиль, а захватили здесь газеты, банки, телеканалы, пароходы и заводы? Ладно бы, если бы наш народ от этого богател, как в Америке или Канаде. Так нет, все наоборот. Чем Бенья богаче, тем Иван беднее. Ты мне можешь объяснить в чем причина? – Для меня Бенья такой же негодяй, как и вы. Он сейчас живет в Женеве, а я из-за его дел страдаю. – А чего же, если он такой плохой, тамошние раввины его обожают?

– Я-атеист, – твердо сказал Перельман. – Поезжайте в Женеву и спросите раввинов, почему им нравится Бенья. – А это правда, что Гитлер считал, что христианство вы нам специально подбросили, когда ваши храмы разрушили? – Вы

нашли большой авторитет в христианском вопросе. Человек, убивший шесть миллионов людей только за то, что они евреи, наверное не мог простить Иисусу его еврейское происхождение. – Вот тут мы тебя и поймали, Натан. Не может быть еврей атеистом. Если ты не веришь в Бога, не чтишь тору, не обрезан, зачем ты считаешь себя евреем? Ты – мазохист? Ты любишь страдания? – Потому что евреем был мой отец, его дед, деда прадед. Им было гораздо тяжелее, чем мне. Это уже не зависит от веры. Это карма, которую каждый еврей приносит от рождения до смерти. Я однажды спросил Рэбе, почему, когда в газовых камерах сжигали народ Книги, у Бога были дела поважнее, чем спасение народа.

– Еще одно доказательство твоей неискренности. Не может еврей-атеист, посещать синагогу. И что тебе ответил твой Рэбе?

– Он сказал мне, что народ мой был наказан за грех неверия.

– Значит, за таких, как ты?

– Может быть.

– Я бы на твоём месте покрестился бы, Натан, чтобы избавить свой народ от страданий.

– Мой друг-одноклассник принял христианство. От этого он не стал счастливее, а мой народ не перестал страдать. Так вот Рэбе еще добавил, что мы все до сих пор ведем себя, как малые дети и не можем понять логику поведения взрослого отца, который желает нам добра. Другими словами, пути

Господни неисповедимы. Такое объяснение меня не устроило. Если Господь равнодушно смотрит на истребление тех, кого он создал по образу и подобию своему, может быть лучше верить в случай? Или мутацию? Например, ваши дети будут только наполовину извергами, а с внуками уже можно будет иметь дело.

– Вот видишь, Натан, – усмехнулся Скоромох. – Ты сидишь передо мной, как змей-искуситель, и пытаешься посеять во мне сомнения в вере. Я могу сейчас просто дунуть, и тебя не станет. В отличие от тебя, Натан, я человек верующий и больше скажу, фаталист. Я верю, что Бог столкнул нас с тобой не напрасно. И теперь только от тебя будет зависеть судьба Юлии Владимировны. Откажешься признавать себя виновным в организации побега Пермана и ты увидишь, что может сделать Ваня с этой прекрасной женщиной.

– Мы находимся с вами не в камере пыток, а в ординаторской, в городской больнице и сюда вскоре придут другие дежурные врачи, – сказал Перельман. – Поэтому, пока не поздно, развяжите несчастную женщину, тем более, что из-за чудовищного стресса, вызванного страхом, она уже обмочилась, и не исключена, дефекализация организма.

Под стулом Юлии Владимировны действительно образовалась лужа мочи.

– Ну если ты такой гуманист, – рассмеялся Скоморох, – напиши явку с повинной и мы отпустим эту несчастную женщину. Один хороший следователь, хотел увидеть, какие ре-

зультаты дает метод допроса, именуемого мной «параллельная реальность». Я не хочу его разочаровать.

– Мой профессор в университете, – впервые улыбнулся Перельман, – советовал будущим психиатрам никогда не оспаривать утверждения больных.

– Ты тоже психиатр?

– Нет, гинеколог. Что нужно написать?

– Пиши, – сказал Скоморох, – Я, такой-то, в присутствии двух свидетелей, таких-то и таких-то, заявляю, что без всякого физического или психологического насилия признаю себя виновным в организации похищения гражданина Пермана с целью помочь начальнику полиции города Коблевска Снаткину Павлу Ивановичу избежать наказания за коррупционные деяния. С моих слов записано верно, мною прочитано. И подпись. Натан Перельман.

– Постой, Васильевич, – вскричал Ваня. – пусть хотя бы эта сучка отсосет у меня за оскорбление идеалов Революции достоинства.

– Капитан, смирно! – приказал Скоморох. – Немедленно развязать Юлию Владимировну и проэтапировать гражданина Перельмана в прокуратуру города.

– Есть, пане майор, – вытянулся Ваня, щелкая огромными зубами.

– И открой настежь дверь, здесь нечем дышать, – миролюбиво сказал Скоморох, пряча бумагу с явкой от Перельмана во внутренний карман пиджака. – Натан, – почти дружески

сказал он, – а где ты спрячешь Пермана?

– Где старый еврей может прятать своего соплеменника?
Конечно, в городской синагоге.

Перельман поднялся, скинул с себя халат, одел темный плащ, берет, подошел к двум плачущим женщинам, обнял их и поцеловал.

– Я готов, – сказал он Скомороху.

Слово «мутация» застряла в голове Скомороха, как пуля. Теперь ему стало ясно, кто был виновен в трагедии, разыгравшейся в его жизни. Это случилось полгода назад. Роясь в столе единственной и любимейшей дочери Анфисы в поисках стирающей резинки, Скоморох обнаружил там увесистый том Талмуда с комментариями еврейских мудрецов на русском языке. Омерзение, которое он испытал в первый момент, было сравнимо разве что с ощущением в ладонях испражнений слизистой болотной жабы. В следующее мгновение кровь так резко ударила в голову, что на несколько секунд он потерял сознание и упал со стула на ковер. Придя в себя, он медленно поднялся. Ноги отказывались подчиняться, хотя он чувствовал в икрах огонь. Казалось, что ноги просто отстегнулись от тела, как протезы. Он стоял, державшись обеими руками за письменный стол и медленно приходил в себя. Наконец-то он почувствовал, что ноги пристегнулись и можно было идти. Он пошел на кухню к жене, неся на вытянутых руках Талмуд. – Что это такое? – хотел он закричать, но смог только прошептать. – Что с тобой, Вася? – обомлела жена Вера. Она выхватила из его рук книгу, отшвырнула ее в сторону плиты и подхватила мужа, дрожащего от гнева и бессилия. Жена усадила Василия в его любимое кресло-качалку, быстро накапала в стакан волокардин и валерьянку,

залила простой водой из-под крана и заставила мужа выпить лекарство. Василий Васильевич сидел мертвенно-бледный и прерывисто глотал воздух. Он впервые почувствовал, как сердце стучит за грудиной, как будто хочет вырваться на волю. Ощущение было неприятное и он впервые подумал о внезапной смерти. Но мысль о том, что причиной его смерти будет жидовский Талмуд, привела его в ярость, а самое главное, вернула опять жизненные силы в грузное тело. – Где эта тварь? – спросил Василий Васильевич жену. – Кто? – удивилась жена, видя, что серое лицо мужа оживает и покрывается пятнами. – Твоя дочь, – сделав над собой усилие, произнес Скоморох.

Всегда, когда их дочь Анфиса делала что-то не то, она становилась полусиротой, у нее исчезал отец, и все недостатки в ней могли происходить только от матери.

– Чтоб у тебя язык отсох! – крикнула Вера Василию. – Здесь тебе не следственный кабинет, а твоя дочь не беспризорная. Да, у нее нет отца, зато есть мать которая не даст ее в обиду.

– Ты сейчас сама потеряешь дар речи, – сказал муж. – Где эта книга? Вера подняла книгу и подала ее Василию.

– Откуда у нее эта книга?

– Я не знаю. Может, в библиотеке взяла. Девочка свободно говорит на двух языках, дополнительно учит китайский. Что в этой книге такого страшного, что ты чуть дуба не дал?

– Ты знаешь, что это такое? – спросил Василий, положи

руки на толстый том.

– Камасутра? – предположила жена. – Так ей уже давно нужно этим заниматься.

– Дура!

– Сам дурак! Ей девятнадцать лет. А из-за такого отца, как ты, она еще девственница. «Отдаваться нужно только в первую брачную ночь и только мужу.» – перекривила она Василия. – Что толку, что я до тридцати лет никому не давала? Получила в награду такое счастье, как ты?

– Это Талмуд, – трагично произнес Василий.

– Ну, Талмуд, ну и что? Так из-за этого собственную дочь можно называть тварью?

– Это жидовский молитвенник, – объяснился Василий Васильевич. – У офицера службы безопасности, у начальника отдела по борьбе с коррупцией, у защитника идеалов Революции достоинства единственная дочь изучает жидовские молитвы.

– Может это ей нужно по учебе, бестолочь ты майданутая! – крикнула жена. – Прежде, чем истерику закатывать, надо спросить Анфису, где она взяла эту книгу, зачем она ее держит дома. Значит, жидовские молитвы дома держать нельзя, а жидов назначать губернаторами можно? Ты же сам был откомандирован в личную охрану Бени в Днепр. Что ж ты не отказался его охранять по идеологическим мотивам? Приезжал по субботам и пачки долларов на стол бросал, как мусор. Или жидовские деньги не пахнут?

– Еще раз, сука, назовешь меня майданутым, убью! – пригрозил Василий Васильевич. – Можешь обзывать меня любыми матерными словами. Но не погань своим грязным ртом великую революцию народа. Кем я был до Майдана? Не помнишь? Учитель истории в сельской школе. Нам зарплаты хватало только на три недели. Мы были в долгах, как в шелках. Это благодаря Революции достоинства я стал офицером разведки, начальником отдела.

– Ладно, расшумелся, – пошла на попятную жена. – Давай, я положу книгу на место. Анфисочка придет вечером, мы все у нее спросим. Только я тебя предупреждаю, без криков и оскорблений. У нас растет умная и красивая дочь.

Вера взяла книгу и отнесла ее в комнату дочери.

Вечером, когда все собрались за столом ужинать, Вера ненароком спросила Анфису:

– Доча, а что это у тебя за книга в столе? Я убиралась в твоей комнате, она выпала из стола, чуть ногу мне не сломала.

Дочь настороженно посмотрела на отца, который наклонил голову и ждал напряженно ее ответа. Веснушки на широком лице Анфисы, казалось, померкли.

Анфиса отложила в сторону вилку, вздохнула, казалось поглубже втянула в себя воздух, порозовела и сказала:

– Семь бед – один ответ! Папа и мама, я хотела сделать вам сюрприз, но лучше раньше, чем позже. Я выхожу замуж. Мой будущий муж – сын ортодоксального раввина. Чтобы

стать его женой, я должна принять гиюр, то есть перейти в иудейскую веру. Мне придется сдавать экзамен, между прочим, на иврите, который я уже хорошо знаю. Все, – выдохнула Анфиса.

В наступившей грозовой тишине Вера вдруг спросила:

– Я не поняла, он что, еврей?

– Да, еврей, – ответила багровая Анфиса.

– А почему ты с ним нас раньше не познакомила?

– Потому что я знаю, как папа к ним относится.

– Ты беременна от него? – глухо спросил Василий, не поднимая головы.

– Нет, мы даже с ним еще не спали. Я просто люблю его.

– А почему ты должна менять веру? – спросила побледневшая Вера. – Он тоже мог бы поменять, если любит.

– Он ради меня может сделать все, – сказала Анфиса, – но мы это делаем ради его отца.

– Ты слышала? – проревел Василий Васильевич с ненавистью глядя на жену. – Какого-то жида она уже называет отцом и ради него готова плевать на родных отца и мать.

– Его отец является священнослужителем. Если бы не это обстоятельство, мы бы поженились уже давно. И вообще, если Бог один, какое значение имеет к какой конфессии принадлежит человек? Ты помнишь, папа, как написано в Библии: нет элина и нет иудея.

– Я жидовских книг не читаю. – побагровел Василий Васильевич. – И с этого дня я тебе не папа, а Василий Василье-

вич, который всегда ненавидел жидов и ждал от них только неприятностей. И дождался. Но за эту неприятность твой Сруль Хаймович ответит перед украинским офицером по всей строгости писанных и неписанных законов. Я обрежу его так, что у вас никогда не будет детей. И он всей своей жидовской шобле закажет даже взглядом засматриваться на украинских девчат.

– Папа! – вскрикнула Анфиса.

– Молчать! – встал Василий Васильевич. – Я тебе не папа. Я украинский офицер, которому сын жидовского попа нанес несмываемое оскорбление. В моем доме не может жить жидовка. Поэтому пока его семя еще не окропило твою плоть, ты должна сделать выбор: или я, или он.

Анфиса наклонила голову и крупные слезы вперегонку помчались по ее веснушчатым щекам.

– Кричать и я умею громко, – вдруг зло заговорила Вера. – Какой ты украинский офицер! Ты обыкновенный деревенский жлоб. Только слышишь: жида обсели, жида нами руководят, жида выпили всю воду. Чего ж ты такой обидчивый офицер не скажешь своему шефу: жидовская морда, геть отсюда, дай я порулю? А только дома, как попугай, одно и то же.

– Червоненко – не еврей, – взревел Василий Васильевич.

– Это ты по фамилии определил? Посмотри на его морду, на его жену. Что ж ты, украинский офицер, терпишь, что тобой руководит жид?

– Мама! – прервала ее Анфиса. – Я так люблю вас обоих. Но я люблю и Мишу. Но если вы оба настаиваете, я перестану с ним встречаться. Я не хочу, чтобы вы оскорбляли друг друга, чтобы ненавидели друг друга из-за меня.

– А что, жида не люди? – разошлась Вера. – Или не граждане нашей страны? Или тебе жида в борщ насрали? А не жид ли был тот гинеколог, что спас меня от рака? Не помню уже его фамилии, Гальперин, кажется. У меня, Вася, одна дочь. Я предупреждаю тебя, что если уйдет она, уйду и я.

– Яблоко от яблони недалеко падает, – буркнул Василий Васильевич.

– Что ты этим хочешь сказать? – подошла Вера к мужу почти вплотную.

– А то что перед женитьбой надо было всю подноготную твою до седьмого колена узнать. Может, кто-то из твоих родственничков подгулял с пархатым и у Анфисы это наследство. Ты за жидов готова мужа на части порвать.

– Да, я жидовка. Для таких жлобов, как ты. Что, промахнулся в жизни? Это Вася, тебя Бог наказал. Будет у тебя теперь зять еврей, а сват местный раввин. И будешь Вася по субботам в синагогу ходить, а по воскресеньям в церковь. Так бы делали отцы, которые хотят своей дочери счастья. А тебе, дочка, я скажу следующее: быстро ты отказалась от своего любимого, поэтому хорошо подумай, нужно ли тебе огород городить, веру менять, себя ломать, если не шибко любишь.

– Мне просто жалко папу! – кричала вне себя Анфиса. – Я знала, что нанесу ему всем этим рану, но я не могу и без Миши. Если бы вы знали, какой он чудный, какой он милый, и какой он умный.

– Ты это брось, – неожиданно растрогался Василий Васильевич, сел и впервые в жизни расплакался.

Вера подошла к нему, обняла его голову и тоже начала плакать. К ним присоединилась плачущая Анфиса. Когда все успокоились, Василий Васильевич сказал:

– Встречаться с ним разрешаю, а веру менять нет. Можешь даже жить с ним, не расписываясь. А там видно будет.

– Ты не будешь ему мстить? – вытирая слезы, спросила Анфиса.

– Только, если он обидит тебя, – пообещал Скоморох.

На следующий день Анфиса привела в дом своего жениха и Василий Васильевич с удивлением увидел перед собой высокого мускулистого блондинистого парня с удивительно синими глазами, бледной кожей лица, курносым носом.

«Я таких евреев раньше не видел, – подумал он. – Может, Анфиса привела вместо еврея кого-то другого? Пусть живут вместе, может через год разбегутся.»

Теперь же, вспоминая слова Перельмана он понял, что виновата во всем мутация. Это она все испоганила.

Дочь убежденного антисемита хочет стать еврейкой, а сын раввина выглядит, как первый парень на селе.

– Ты представляешь, какие красивые у них будут дети? –

шепнула ему на ухо жена.

А счастливое и влюбленное лицо дочери, мелькавшее перед гостем, ее дрожащие от страха руки, подававшие еду на стол, молящие, украдкой брошенные на отца взгляды вызвали в нем такой приступ жалости и к дочери, и к себе, что подняв стакан с водкой, он неожиданно сказал «Лехаим». Дочь просияла, как выскочившее солнышко из-под туч, а друг дочери понимающе улыбнулся, но стакан водки еле пригубил.

– Миша не пьет водку, – объяснила Анфиса.

«А я пью, – подумал Василий Васильевич, опрокидывая стакан в рот, – потому что мне горько от того, что в жизни всегда сбывается то, чего ты очень не хочешь и боишься.»

Альберт остановил машину на первой заправке после въезда в город. Он вошел в стеклянный магазин, расположенный под крышей заправочной станции, походил мимо прилавков, поглядывая в сторону автоматически раздвижных дверей. В магазине находились проезжающие, пьющие кофе в бумажных стаканчиках. Он подошел к продавцу и спросил его, можно ли позвонить по городскому телефону.

– Пятьдесят гривень, – сказал продавец и пододвинул к нему черный допотопный аппарат. Альберт рассчитался и набрал номер телефона Маши.

– Когда же будет катафалк? – спросил он, услышав женское «алло».

– Через час, – ответила Маша и положила трубку.

– Разве ночью хоронят? – любопытствовал продавец.

Альберт положил трубку, и не отвечая, махнул рукой продавцу и пошел к дверям. Ресторан «У бабы Ути» находился в противоположном конце города, в районе 13 Линии под крышей бывшего кинотеатра «Космос». Ехать туда было минут сорок. Ему хотелось закончить все дела до полуночи и завалиться спать. Улицы города постепенно пустели. Желтые пятна фонарей и окон мелькали довольно быстро. Спидометр показывал восемьдесят километров в час. Это было недопустимо много и его могла задержать полиция за пре-

вышение скорости. Он сбросил скорость до пятидесяти, терпеливо дожидаясь зеленого света на перекрестках и через пятьдесят минут прибыл к ресторану.

Машу он увидел сразу. Она сидела за столиком одна. Перед ней стояла чашка с дымящимся кофе. Она, казалась, была поглощена чтением французской книжки Сартра. Рядом с кофе в пепельнице догорала тонкая сигарета с золотым кольцом, фильтр которой был окрашен малиновой помадой. Странное одеяние Маши поразило Альберта. Она была затянута в темно-синий костюм таким образом, чтобы проходящие мужчины с первого взгляда могли оценить спрятанные прелести. Рыжие волосы спадали из-под темно-синей шляпки на оголенные плечи.

«Зачем этот выпендрож? – с неудовольствием подумал Альберт. – кодовое предложение, место встречи в ресторане и раздетая, как для любовного свидания. Смотрите на меня, любуйтесь мной, здесь у меня тайная встреча с адвокатом моего босса»

– Бон суар, – сказал Альберт, подходя к столу. – Са ва? Я не помешаю одинокой красивой девушке делать вид, что она читает Сартра в оригинале?

Маша подняла голову и метнула в его лицо молниеносный залп из зеленых, как у хищных кошек, глаз. Этот взгляд ударил его в грудную клетку, как электрический разряд. Маша опустила глаза, поняв, что гарпун попал в цель и надо тащить человека медленно, чтобы он не соскользнул. Альберт

не увидел, а звериным чутьем понял, что тоже задел ее, заворожил и, возможно, заинтриговал.

– Я представляла вас другим, – сказала она.

– Лучше или хуже? – спросил он, напрашиваясь на комплимент.

– Просто другим.

Маша вынула из маленькой сумочки пачку дамских сигарет и долго не могла вынуть из нее сигарету. Она открыто волновалась и это, как заразная болезнь, передалось ему.

– Знаете что, – сказала она, случайно сломав сигарету и выбросив ее в пепельницу, – мы должны отсюда немедленно уйти.

– Куда? – глупо спросил он, сглотнув слюну.

– Я думаю, что в самую затрапезную гостиницу, в которой отдыхают дальнобойщики с проститутками.

– Ну из меня дальнобойщик, как новогодняя елка летом, – сказал он и осекся, чтобы не продолжать.

– Зато я сойду там за свою, – рассмеялась она, обнажив белоснежные зубы.

– Я не то хотел сказать, – смутился Альберт. – Просто мы там будем на виду, как голые среди одетых.

– Ко мне нельзя, – серьезно сказала она. – Возможно, я уже под подозрением. К вам – тоже, жена может не понять...

Он сделал вид, что не понял намек, и сказал:

– Поедем ко мне в офис.

Она встала, перекинула через плечо сумочку, взяла в руки

книгу. Альберт вынул из кармана сто гривен и положил на столик.

– Я думаю, хватит? – спросил он.

– Вполне, – улыбнулась она и пошла к выходу.

Альберт, как инвалид, поплелся за ней, держа в левой руке рыжий портфель. Она уверенно подошла к «Пассату», хотя у ресторана стояли и другие высококлассные машины. Значит, она видела, из какой машины он вышел, подумал он и открыл ей дверь автомобиля, помог сесть, захлопнул дверь, обошел машину сзади и сел на место водителя.

– Подожди, – сказала она, снимая шляпку. – Не заводи. Надо осмотреться и даже сыграть роль влюбленной пары. Я никогда не целовалась с адвокатом.

– Откуда ты знаешь, что я адвокат? – спросил Альберт. – Я, кажется, не представился.

– После того, что случилось сегодня в полицейском управлении города, Павел Иванович мог прислать ко мне только адвоката. Давай знакомиться. Меня зовут Маша.

– Альберт... Яковлевич, – сказал он.

– Тогда Марья Алексеевна.

– Один-один, – улыбнулся Альберт. – Почему я не видел тебя раньше?

– Я – уборщица, и прихожу на работу во второй половине дня, кстати, я тебя тоже никогда не видела, – объяснила она и неожиданно впиалась губами в его рот.

– Что случилось? – от неожиданности попытался он осво-

бодиться от ее губ.

– Мне показалось, что кто-то заглянул в машину, – виновато сказала она, вынула из сумочки салфетку, вытерла ею губы Альберта, затем свои.

– Я бы тоже хотел иметь такую уборщицу, – сказал Альберт.

– Мне сегодня два придурка из службы безопасности предлагали стать пресс-секретарем, – улыбнулась она. – Адвокату нужен пресс-секретарь?

– Можно ехать, Марья Алексеевна?

– Теперь можно, Альберт Яковлевич.

Обойдя все комнаты адвокатской конторы, Маша изобразила на лице полное одобрение.

– Не плохо, – сказала она, плюхнувшись в белоснежный кожаный диван. – Раздвижной?

– Раздвижной, – ответил Альберт, – но я никогда не пробовал его раздвигать.

– Может, сначала попробуем его раздвинуть? – предложила она и Альберт бросился к ней, как мальчик, которого впервые поманула к себе опытная женщина. Он целовал ее в лицо, в глаза, в шею, а она срывала с себя одежду и бросала ее в сторону.

На минуту она остановилась и спросила:

– А душ у тебя есть?

– Прости, – прорычал он, – но я не могу ждать, когда ты примешь душ. Я хочу тебя здесь и сейчас.

Они раздвинули диван только после того, как все произошло.

– А теперь я хочу спать, – сказал он. – Мы можем переговорить часа через два?

Маша взглянула на настенные часы. Они показывали пятнадцать минут двенадцатого. Она протянула руку к стене и выключила свет

– Спи, – разрешила она и Альберт провалился в сон, как в пропасть. Маша провела своим пальцем по его спине, затем прильнула к ней губами, откинулась на спину и молча заплакала.

– Господи, – сказала она вслух, – если ты есть, сделай так, чтобы он стал моим мужем.

А в это время Альберту снилось бирюзовое море и желто-белый песок. Далеко от берега сияли снежными шапками кавказские горы. Одна из шапок поднялась и поплыла по небу. Когда она приблизилась, оказалось, что это вовсе не снег, а облако, на котором сидит, размахивая ногами его дед Яков Лейбович Кемельман.

– Как дела? – спросил дед.

– По-разному, – ответил Альберт.

– Как я выгляжу? – поинтересовался дед

– Ты такой же белый, как облако и сквозь тебя пробиваются лучи солнца.

– Я тысячу лет не смотрел в зеркало. Но это неважно. Раз ты узнал меня, значит все в порядке. Помнишь, ты спраши-

вал меня, есть ли жизнь после смерти? – спросил дед, улыбаясь.

– Я не помню, – ответил Альберт. – Но раз ты жив, значит есть?

– Я умер и никогда больше не вернусь в эту жизнь, как невозможно родившегося ребенка вновь вернуть в утробу матери. Почему я потревожил тебя? Потому что я тебе приснился. Мы снимся тем, кто нас помнит, любит или ненавидит. Пока я в твоём сне, я живу и могу думать, и даже предостерегать. И я думаю, что смерть – это приключение, имеющее начало и не имеющее конца, как Вселенная. Я умер почти сорок лет назад, но я лечу, как комета, неизвестно куда. И долечу ли, не знаю. Потому что здесь я несу ответственность за вас до седьмого колена, а вы страдаете и несете наказания за нас, умерших, но не наказанных при жизни. Расскажи об этом своим внукам, чтобы они смогли это рассказать своим внукам. И тогда, наверное, я обрету покой.

Дед вдруг расстаял, как снеговик на солнце и облако поплыло снова к горе.

– Ха-ха-ха! – раздалось в ушах Альберта. – Мы такого вруна еще не видели. После смерти есть вечная прекрасная жизнь, но не для всех. Грешники, естественно, томятся в аду, пока семь колен здесь не отмолят их грехи тем, что не совершат новых. Особенно тяжело атеистам. Когда они каждое утро видят, как по-настоящему устроен загробный мир, они к вечеру сходят с ума и требуют реинкорнации даже в

виде дерева. А еще их сношают бесы и бесихи, которые причиняют им этим невероятные страдания. Представь себе рога, копыта, шерсть, хвосты и запах серы. Мы предлагаем тебе сделку. Ты сдаешь нам своего деда и получаешь после смерти райскую жизнь вместе с Машей. Просто Маша-это женщина, которую ты всегда хотел иметь. Но Маша – самое низкое, мерзкое, коварное и бездушное существо. И сегодня Маша понесла от тебя. Представляешь, какое чудо вы произведете на свет? Калигула будет рыдать от зависти к нему, а все ваши заслуги перед Всевышним будут удалены. Сдай нам деда, и мы простим тебе украденную им жизнь другого Альберта Яковлевича Кемельмана, который по его вине страдает в этом мире.

– А что такого сделал мой дед? – в страхе спросил Альберт.

– Он совершил страшное коррупционное деяние. Он нарушил ход событий в твою пользу. Задержи его в своем сне всего на пятнадцать минут. С ним ничего страшного не произойдет. Он просто должен будет привести ход событий в нормальное русло. Без тебя мы не сможем его задержать. А взамен ты с Машей будешь жить в Эдемском саду, пить нектар и мед, заедать зефиром и шоколадом.

– А у вас в Эдемском саду диабетом не болеют? – спросил кто-то.

– Кыш отсюда! – заорали на него в два голоса. – Думаешь, Петренко убили, так можно хамить?

– Кто это? – спросил Альберт.

– Да свидетель по делу Снаткина, взяточдатель. Его повсюду ищет полиция, а он, оказывается, на базе «Национального корпуса» ошивается. Еще и лезет, куда не надо.

– Значит взяточдателя нет? – радостно вскричал Альберт. – Так пошли вы все к черту!

Альберт открыл глаза и радостно повторил вслух:

– У них нет взяточдателя. Завтра же заберем Снаткина из прокуратуры.

– С чего ты взял? – спросила его Маша.

– Вроде бы его держат на базе «Национального корпуса». Стоп! – очнулся Альберт и обернулся к Маше. – Такой сон приснился. Ловят моего деда Якова Лейбовича на том свете за коррупционное деяние. И хотят, чтобы я его сдал, а нам с тобой обещают за это райскую жизнь.

– Ты веришь в вещие сны? – спросила Маша.

– Сколько я проспал? – спросил Альберт.

– Сорок минут, – ответила Маша и положила руку ему под голову. – Я не верю в вещие сны. Просто ты целый день об этом думаешь. Выбрось этот сон из головы и давай решать по-взрослому.

– Я не могу решать по-взрослому, когда рядом лежит такая девчонка, как ты, да еще обнаженная, – сказал Альберт.

– Так что же ты ждешь? Бери меня, мой красавчик!

Микроавтобус «Эхо недели» около часа колесил по узким улицам дачного поселка «Жемчужина Буга» в поисках красной «Таврии». Ее действительно нигде не было. Запасной выезд был заставлен ржавыми бочками и закрыт на висячий замок.

– Лена, – обратился к корреспонденту оператор, – может мы ошиблись дачным кооперативом? Здесь недалеко есть коттеджный поселок. Наверное, он сиганул туда.

– Нет, – упрямо возразила Лена, закурив сигарету. – Гугл показал, что он находится где-то здесь.

– Просто позвони ему, – предложил водитель.

– Десять раз я его набирала. Он находится вне связи. Стоп, – прикрикнула она. – Тормози у этого дома. Номер 245. Может кто-то видел красную «Таврию».

– Хозяин! – постучала Лена в массивную дверь. – Есть кто-нибудь живой?

– В чем дело? – неожиданно отворилась дверь и человек в спортивных шароварах и тельняшке с недовольным выражением лица появился в дверях.

– Здравствуйте, – сказала бодро Лена. – Телеканал Эхо недели». У нас один вопрос. Вы не видели здесь красную «Таврию»?

– И ради этого вы чуть дверь не выбили? – возмутился

мужчина. – Кто вас вообще сюда пустил? Превратили наш кооператив в проходной двор. За что мы платим нашему охраннику?

– Не ругайте, пожалуйста, вашего Валеру, – объяснила Лена. – Он не хотел нас пускать, но потом сжалился.

– А почему вы ищете красную «Таврию»? – поинтересовался мужчина. – Кто-то угнал это чудо украинской техники?

– Мы ищем адвоката Кемельмана. Он высокий, стройный, блондин с рыжим портфелем. Может, он проходил мимо?

– Я как раз пил чай перед домом, – объяснил хозяин дома. – Только зашел домой. Два часа точно никакой «Таврии» и адвоката с рыжим портфелем я не видел.

– Извините, – расстроено сказала Лена. – Будем искать дальше. Машина «Таврия» не иголка. Может быть, она стоит у кого-нибудь в гараже. У вас, например, я вижу большой гараж.

Зазвенел телефон хозяина дома. Он вынул его из кармана спортивных шароваров и приложил к уху.

– Ромчик, – сообщил ему мужской голос, – сначала адвокат остановился у первой заправки после Варваровского моста. Кому-то позвонил. Машину не заправлял, ничего не покупал. Затем двинул в сторону 13 Линии. Сначала гнал, как угорелый, а потом, видно, пришел в себя. Остановился у ресторана «У бабы Ути», снял там проститутку и отвез ее в свой офис. Машину завез в свой гараж. Из офиса до сих

пор никто не выходил.

– Понятно, – ответил Ромчик. – Придется тебе, дружок, там подежурить. Сам понимаешь, что фраерок ненадежный.

Ромчик отключил телефон и обратился к Лене.

– Извините, вы что-то про гараж спрашивали? Пойдемте, посмотрите, что я ничего не прячу.

– Я вижу, что вы нас понимаете, – сказала Лена. – Не хотите ответить на пару вопросов для телеканала?

– Нет, – ответил мужчина. – Я не фотогеничен. А кроме того, ваш ведущий Кордон уже всех затрахал своими страшилками: русские шпионы командуют нашими войсками, в правительстве все министры шпионы, и даже Президент избран у нас русскими.

Самострел, не прощаясь, вошел в дом и закрыл дверь. Дождавшись отъезда микроавтобуса, он набрал номер телефона.

– Как дела? – спросил он.

– Дела у прокурора, а у нас просто делишки, – ответил ему хриплый мужской голос.

– Есть хорошая идея. Может, обсудим?

– Отчего не обсудить. За это платить не надо.

– Так, где мы завтра состыкуемся? У меня или у вас, Владимир Харитонович?

– Давай, подкатывай в кафе «Каштан», часов этак в десять утра.

– Спасибо, Владимир Харитонович. Завязано.

Самострел улыбнулся и снова позвонил.

– Еду уже назад, – сообщили ему. – Шашлык подгорел не на шутку. Если бы не хороший самогон, не управились бы.

– Завидую вам, а у меня на вечер стакан кефира и то обезжиренного. Пока.

Лицо Горпищенко вытянулось, когда он увидел Перельмана в сопровождении Скомороха и Вани.

– Что вы здесь делаете, Натан Мойсеевич? – спросил он.

– Меня привели товарищи, – сказал Натан Перельман, – вернее, арестовали.

– Натан Перельман организовал побег преступника Пермана, чтобы помочь полковнику Снаткину избежать наказания, – спокойно доложил Скоморох. – Вот явка с повинной.

Он передал бумагу Горпищенко, который быстро пробежал ее глазами.

– Вы что, с ума сошли? – спросил он обоих, Скомороха и Вани.

– Фильтруй базар, начальник, – угрюмо сказал Ваня, щелкнув зубами.

Горпищенко с остервением порвал явку с повинной и швырнул ошметки в Ваню.

– Это Натан Мойсеевич Перельман, который принял двоих детей, моей сестры, уроды! Это известнейший гинеколог, с которым советуются врачи Израиля и Канады. Это гордость нашего города, которая еще не уехала.

– Вы еще пожалеете об этом, – побледнев, сказал Скоморох. – Пусть он будет хоть Папа Римский, а если он совершил преступление, он должен за это нести ответствен-

ность. Вы, господин старший следователь, только что совершили должностное преступление, уничтожив важный документ, подтверждающий вину Перельмана. И я буду вынужден сообщить об этом прокурору города.

– Какое отношение вы имеете к Перману? – спросил Натана Перельмана Горпищенко, взяв себя в руки.

– Никакого, – ответил Перельман. – Гражданина Пермана привезла к нам скорая помощь с высоким давлением. Врач скорой сообщила мне, что до утра гражданин Перман должен находиться в спецпалате под замком, что я и сделал. Через два часа пришли люди, я думал из СБУ, и забрали его. А товарищи...

– Тамбовский волк тебе товарищ, – выкрикнул Ваня.

– А господа офицеры заподозрили, что я помог Перману бежать. Они попросили меня написать эту бумагу, – он махнул головой с беретом в сторону валявшихся обрывков явки с повинной на полу, – и я пошел им навстречу.

– Вы звонили в СБУ, Василий Васильевич? – как можно спокойней спросил Скомороха следователь.

– Это были не наши ребята, – ответил Скоморох. – Мы со старыми... – он сделал паузу, – людьми не деремся.

– А где же сейчас находится Перман?

– По информации Перельмана, он скрывается в городской синагоге.

– Вы это серьезно? – спросил Горпищенко. – Вызовем спецназ СБУ для штурма синагоги?

– Я просто пошутил, – объяснил Перельман.

– Вы свободны, Натан Мойсеевич, – сказал Горпищенко. – Примите мои извинения. Вы видите, мы с утра еще даже не ели. Товарищи тоже устали. Нас всех поджимают сроки.

– Понимаю, – смущенно сказал Перельман. – Спасибо вам за высокую оценку моего труда. – До свидания, товар... господа!

Перельман почему-то снял берет и начал его мять в руках. Желто-синяя гематома обнажилась.

– Подождите, Натан Мойсеевич, – сказал Горпищенко и набрал номер телефона. – Следователь прокуратуры Горпищенко. Кто сегодня забрал подследственного Пермана? Так. Как называется? «Москоляку на гиляку»? Сколько было человек? А почему вы не отобрали объяснение у потерпевшего Перельмана? Чтобы к девяти утра у меня на столе были рапорты всех полицейских и отобрано объяснение у потерпевшего Перельмана. Понятно? Натан Мойсеевич, пойдемте, я дам распоряжение, чтобы вас отвезли на работу.

– Нет-Нет, – замахал руками Натан Перельман. – Я доеду на маршрутке, не волнуйтесь, спасибо, что все разрешилось.

– Сколько лет вы работаете в СБУ, Василий Васильевич? – спросил Горпищенко, когда Перельман ушел.

– Я не обязан отвечать на ваши вопросы, – хмуро ответил Скоморох.

– Взяткодатель Перман находится в общественной организации «Москоляку на гиляку». Для того, чтобы это узнать,

не надо было даже ехать в больницу. Надо было просто позвонить. А вы были там, арестовали врача, не взяли объяснения с полицейских, дежуривших в больнице, отобрали у невинного человека явку с повинной. Это я сейчас буду звонить Червоненко и докладывать ему об уровне вашей подготовки.

– Слушай, Алексей, – почесал свою макушку Скоморох, – действительно, вышла промашка. Мы виноваты, не спорю. Но мы же хотели, как лучше. Давай не усугублять. Я сейчас смотрел на этого... Перельмана и вспомнил, что он двадцать лет назад спас мою жену от рака. Даже жена забыла как его зовут. Тогда он был моложе. Я его просто не узнал. Он меня тоже. Я тогда работал учителем истории в сельской школе.

– Ладно, Василий Васильевич, не будем скандалить, но Пермана надо от этих бесшабашных ребят забирать.

– Есть еще порох в пороховницах, капитан? – оживленно спросил Скоморох. – Доставим беглеца в прокуратуру?

– Вы же знаете, Василий Васильевич, я двужилый. Слава нации! – Смерть врагам! – ответил Скоморох

Орест Иванович Медведько, прокурор города, не доверял никому и никогда. Даже собственной жене, красавице Зинаиде, директору Центрального гастронома города Коблевск. И всегда оказывался прав. Работая помощником прокурора самого глухого района области, к которому нужно было добираться сначала поездом до железнодорожного вокзала соседнего города, затем пересаживаться на автобус, следующий через пять сел к поселку городского типа Березноговатое и оттуда снова автобусом до автовокзала своего района, он всегда приходил на работу раньше всех, осматривал тщательно столы всех сотрудников, их личные записи, перебирался к столу прокурора, рылся там и только потом садился за свой стол, разворачивал завтрак – бутерброд с ливерной колбасой, яблоко и кусочек пирога или торта и с аппетитом все съедал. Однажды в столе следователя Прохоренко он нашел тетрадку, что-то наподобие дневника, и забыв про завтрак, с упоением углубился в чтение.

Следователь Прохоренко, сопляк, только что окончивший университет и присланный по распределению в их район, писал:

«Наш прокурор, запойный пьяница, в течение дня ошивается у адвоката Синько, сисястой давалке оперуполномоченного КГБ. Хочет отбить грудастую лярву. Давалка же, ин-

тригую с прокурором, добивается своего. По денежным делам заставляя, с утра принявшего на грудь прокурора, идти к судье и указывать тому, какой приговор нужно написать по делу. Говорят, что судья Павленко, предпенсионного возраста и астматик, панически боится прокурора, потому что однажды тот поймал его при получении взятки от подсудимого в виде двух килограммов кровяной колбасы, гуся, бутылки коньяка, и тысячи рублей. Судья Павленко падал в кабинете прокурора на колени, затем упал в астматический обморок. Прокурор порвал протокол изъятия взятки за половину колбасы, бутылку коньяка и пятьсот рублей, но сказал судье Павленко, что отныне тот будет писать некоторые решения под его, прокурора надзором, и обижен не будет. Все это рассказала мне по пьянке помощник прокурора Светличная, которая не дает мне прохода и хочет, чтобы я с ней переспал. Светличной уже пятьдесят лет, а в одном месте чешется, как у молодой. Ей категорически нельзя пить. Три дня назад, когда мы остались с ней в прокуратуре одни, она вынесла вещественное доказательство, трехлитровый бутыль самогона, три соленых огурца, палку полтавской колбасы и хлеб. Она разлила самогон по стаканам, выдула свой стакан одним махом, закусила соленым огурцом и взглядом удава уставилась на меня.

– Почему ты меня избегаешь? – спросила она.

– Ничего подобного, – сказал я, – просто я с детства болен по мужской части и мне больно, что я не могу насладиться

таким шикарным телом, как у вас.

– Такой молодой и больной?

Она налила себе еще один стакан самогона.

– За тебя, – сказала она и осушила стакан. – На вид такой сладкий, а на самом деле порченный. Переболел свинкой?

– Нет, – соврал я. – Врачебная ошибка. При удалении крайней плоти, закрывающей мочеиспускательный канал, хирург не рассчитал и фактически кастрировал меня.

– Бедный мой, – пожалела меня Светличная и тут же потребовала, чтобы я показал ей остаток своего члена.

Хорошо, что в этот момент зашел старший помощник прокурора Медведько, по виду настоящий придурок, по поведению тоже. У меня создалось впечатление, что он подсиживает прокурора и пишет на того подметные письма оперуполномоченному КГБ. А может уже завербован им. Как хорошо быть оперуполномоченным КГБ! Имеешь агентом мужа и трахаешь его красавицу жену.

Светличная предупредила меня, что в присутствии Медведько нельзя рассказывать политические анекдоты, а то загремишь на десять лет без права переписки.

– И никогда не советуйся с ним, – сказала она, мотая пьяной головой. – Это чмо специально посоветует неправильно.

Надо присмотреться к этому Медведько, а самое главное, к его жене. Она все время мне улыбается, когда отпускает в магазине продукты. Тонкая, с блеском в глазах, ну точно молодая Гурченко в «Карнавальная ночь». Что она нашла в

этом нравственном инвалиде? Сегодня зачеркнул еще один день. Осталось два года и пять месяцев прозябать в этой дыре. Еще Светличная рассказала, что меня все работники прокуратуры проверяют на совместимость.

– Хотя бы год не бери взятки, – посоветовала она. – Село у нас маленькое, сразу донесут прокурору. Только у него монополия на взятки. Тебе надо будет несколько раз напоить его хорошенько и пожаловаться на недостаток денег. Может это его пробьет.»

Орест Иванович положил тетрадку на место. Завтракать не хотелось и он снова завернул колбасу с хлебом в газету «Известия» и сунул к себе в стол.

– Ну что ж, – сказал он вслух, – посмотрим, кто из нас придурок.

Орест Иванович вынул из стола чистый лист бумаги и написал:

«В партийную организацию Комитета государственной безопасности Коблевской области.

Довожу до Вашего сведения, что оперуполномоченный Сидоренко Владилен Семенович вместо выявления врагов Советской власти, занимается разворотом и разложением женщин нашего поселка городского типа. Пользуясь своим служебным положением, он принуждает красивых женщин к сожительству. Так, все знают, что адвокат Синько, сожительствуя с ответственным работником КГБ Сидоренко, поспособствовала тому, что ее муж, Синько Василий Тимофеевич,

из председателя райпотребсоюза, минув партийную карьеру, стал председателем нашего райисполкома. Кроме того, адвокат Синько жаловалась своим подругам и знакомым, что Сидоренко неоднократно принуждал ее к неестественному соитию. В последнее время Сидоренко обратил внимание на жену старшего помощника прокурора района Зинаиду Медведько, у которой имеется двое несовершеннолетних детей.

Старший помощник прокурора Медведько еще не знает, что его жена вынуждена под угрозой увольнения мужа по компрометирующим основаниям, отдаваться Сидоренко. По сути в нашем районе возникает взрывоопасная ситуация, поскольку обманутые мужья, если узнают правду о своих женах, могут пойти на совершение преступления против члена партии оперуполномоченного Сидоренко.

На основании изложенного, прошу партийную организацию КГБ Коблевской области рассмотреть недостойное поведение Сидоренко и рекомендовать перевести его в другой район области или другую область.

С уважением, член КПСС, пока аноним по понятным Вам причинам.»

После этого Орест Иванович пошел в бухгалтерию заготовительной конторы, потребовал у перепуганного председателя отчеты о закупке свиней за последние полгода, заперся в кабинете главного бухгалтера Онисько Екатерины Самойловны и отпечатал там текст письма на пишущей машинке. Аккуратно сложил машинописный текст в конверт и опустил

его по дороге к прокуратуре в ящик для отправки писем.

Через две недели оперуполномоченный КГБ Владилен Сидоренко исчез из района внезапно и навсегда. А еще через две недели Ореста Ивановича пригласили в областное управление КГБ для перевербовки.

– Мы рассмотрели ваше досье, – сказал один из заместителей начальника КГБ, – и пришли к выводу, что вы, как человек компетентный, вполне можете заменить оперуполномоченного на общественных началах.

– А куда же делся наш Владилен Семенович? – спросил Медведько. – Человек был на своем месте.

– Товарищ Сидоренко допустил ряд политических ошибок, которые совершил по молодости и неопытности и направлен на новый участок работы. А вы, Орест Иванович, если будете выполнять все наши рекомендации, станете первым кандидатом на должность прокурора района. Сами понимаете, что без нашей рекомендации никто прокурором не становится. Есть ли у вас, как у члена партии и молодого чекиста, какие-нибудь просьбы и пожелания?

– У нас работает молодой специалист Прохоренко, – занялся Орест Иванович, – тайный поклонник сионистского влияния. Он даже сделал себе обрезание. Парень он, конечно, молодой, энергичный, но любит выпить. Во время одной из застольных бесед, он, будучи в подпитии, заявил, что Израиль в ходе шестидневной войны уничтожил все советские танки

– Прохоренко, говорите? – записал зам. начальника. – Так шестидневная война была больше, чем двадцать лет назад.

– За что купил, за то и продаю, – скромно ответил Медведько.

Еще через две недели он прочел в тетрадке Прохоренко запись о том, что прокурор района вызвал его для беседы и настоятельно рекомендовал ему смыться из района немедленно и уехать в район не ближе, чем пролив Беринга, чтобы о нем забыли компетентные органы. А в это время уже началась перестройка, прокурор района ушел на пенсию и прокурором района стал Орест Иванович. В оранжевую революцию новая власть перевела его в областной центр сначала прокурором Центрального района, где он пробыл десять лет, пока Скоморох не предъявил ему подписку о его вербовке негласным сотрудником КГБ. Перепуганный Медведько тут же написал заявление на увольнение, но Василий Васильевич, ярый приверженец революции достоинства, сказал ему слово в слово то же, что и когда-то зам. начальника КГБ: «Вы нужны Революции и стране. Мы будем рекомендовать вас прокурором города, если будете выполнять все наши рекомендации.» Верный своей привычке все высматривать и вынюхивать, никому не доверять, Орест Иванович создал в прокуратуре отдел компьютерных программ, в задание которого входило записывать разговоры подследственных и адвокатов, а также всех сотрудников прокуратуры и печатные копии прослушки ежедневно класть ему на стол.

После того, как Орест Иванович узнал, что жена Зинаида ему изменяет, он решил не разводиться, не рушить семью, не потому что он так сильно любил жену, наоборот, он стал презирать ее и относиться к ней брезгливо, но уход от нее мог повлиять на его карьеру, а нужно было еще поднимать детей. После подробностей в тетрадке он стал заниматься с ней сексом в извращенном виде. Сначала Зинаида отказывалась, плакала, уходила на несколько дней из дома, утверждала, что они не собаки и не кошки, а люди, что ей больно, и стыдно, и неприятно. Однако Орест Иванович был непреклонен и объяснял ей, что он может заниматься с ней сексом только таким образом, через задний проход, что это доставляет ему удовольствие, а значит, когда-нибудь это понравится и ей.

– Лорик, – так она называла его, – но ведь это противоестественно. Может тебе нужно пойти к врачу? Принять какие-нибудь таблетки. В конце концов, – предложила она, – все задницы одинаковые. Может быть, тебя возбуждают мужчины? Сейчас это в порядке вещей. Я не буду против.

– Нет, – говорил Орест Иванович, – похлопывая ее по полной заднице, как кобылицу. – Меня возбуждаешь только ты.

Это была неправда. Это просто было пожизненное наказание за измену, даже в свои шестьдесят пять, он принимал горстями Виагру, чтобы регулярно два раза в неделю унижать и растаптывать жену. Выросшие сын и дочь никогда не знали о мучениях и страданиях матери, потому что ей бы-

ло стыдно признаться в том, что ее муж а их отец, очевидно, психически нездоров, и она уступает ему только для того, чтобы сохранить семью. Она никогда не догадывалась, что поведение мужа было тесно связано с ее изменой в далеком забытом богом районе, когда она была молода и красива. И не подозревала, что в комнате психологической разгрузки при полицейском горотделе, ее муж, под воздействием Виагры сотворяет с другими молодыми женщинами чудеса гетеросексуального героизма.

Как всякий неуверенный в себе человек, трус и паникер, Орест Иванович был домашним извергом и деспотом.

Прохаживаясь перед кабинетом губернатора, Медведько строил в уме форму доклада. Он уже и сам признавался себе, что пора уходить с этой должности, что он не тянет и никогда не тянул, как положено и надо, прокурорскую лямку, но разговоры о том, что вот-вот прокурорам резко увеличат зарплату, а следовательно и размер пенсии, удерживало его от решительного шага.

– Проходите, Орест Иванович, – сказал первый помощник губернатора. – У вас всего десять минут.

Губернатор сидел в глубине огромного письменного стола и что-то писал.

– Вызывали? – спросил Медведько.

– Садись, Орест Иванович, – предложил губернатор, не улыбаясь. – Рассказывай, как мы дошли до жизни такой, что рядом с нами долгое время орудовал оборотень в погонах,

да еще на такой должности.

– По моим сведениям, – начал докладывать Медведько, – спецслужбы шли по пятам за Снаткиным уже давно. Они установили в его аквариуме с пираньями, представляете, Валентин Николаевич, как эта продажная пресса, обыгрывает этот момент, – прокурор сделал паузу, – любитель взяток обожал себе подобных рыб. В настоящее время микрокамера с похождениями полковника Снаткина находится у следователя прокуратуры Горпищенко. После проявки пленки, я пришлю вам копию. Доказательств у нас сверх крыши. Снаткин был задержан при получении ста тысяч долларов от владельца титанового завода Аркадия Кеосаяна через посредника, который задержан. Все зафиксировано. Я уже дал распоряжение пресс-службе постоянно информировать общественность об этом деле, с учетом, разумеется, тайны следствия.

За годы прокурорской работы при всех властях в стране Орест Иванович усвоил, что с начальством нельзя спорить и начальству надо так замылить уши, чтобы начальство цокало языком и думало, какой профессионал, этот Орест Иванович, надо ему доверять. Потом проходит время, приходят новые события и дела, и начальство само уже не хочет ворошить нерешенное старое, лишь бы отгавкаться перед общественностью по новым обстоятельствам. Да и у общественности, как не раз удивлялся Орест Иванович, оказывалась очень короткая память. Какие бы власти не появлялись в

стране, все шло, как и прежде, начальники вели себя, как временщики, а подчиненные, подъедали за ними несъеденное.

– А как проходит расследование убийства активиста Петренко?

– Найти убийцу участника Майдана, активиста общества «Национальный корпус» для нас дело чести и мы, уверяю вас, с ней непременно справимся.

– Есть ли уже подозреваемые по Петренко?

– Мы идем буквально по следу убийц. Есть подозрение, что это не просто умышленное убийство, что это террористический акт, который совершили враги нашей Революции достоинства.

– Убийц? – поднял недоуменно левую бровь губернатор.

– При такой акции всегда есть заказчик, посредник, организатор и исполнитель. Поэтому мы рассматриваем несколько версий, но приоритетной считаем теракт.

– Хорошо, – сказал губернатор. – Хотя хорошего мало. По делу Петренко информируйте меня по мере поступления результатов. Дело находится на контроле у Президента.

– Понял, – сказал Медведько, поднимаясь. – Можно идти?

– Все, что нужно от меня, как от губернатора, получите в полном объеме. Идите.

После прокурора Медведько в кабинет губернатора вошел начальник налоговой администрации области Валерий Спиридонов.

– Как у нас дела, счетовод? – спросил губернатор Положенко, расплывшись в широкой улыбке, и откинулся на спинку кресла.

– Отлично, – ответно улыбнулся Спиридонов. – За три месяца совместной работы на счетах нашей оффшорной компании скопилось порядка ста миллионов долларов. Надо срочно их инвестировать в активы.

– Как ты оцениваешь наш титановый завод? – вопросительно взглянул на Валерия Ивановича губернатор.

– Это прекрасный актив, – подтвердил начальник налоговой. – Но у титанового завода есть законные хозяева. Один в Питере, другой у нас. Они хотят его продать?

– Один из хозяев завода намеренно подставил нашего друга и товарища полковника Снаткина. Слышал уже об аресте Павла Ивановича?

– Илья Кордон уже просвистел, – подтвердил Валерий Иванович. – А что там у них с налогами, все в порядке? – намекнул Валентин Николаевич.

– Я этой темы даже не хочу касаться, – твердо сказал Спиридонов. – Речь может идти только о добровольной продаже со стороны хозяев предприятия. Вы знаете, кто может стоять за номинальными собственниками? Я пока не знаю. Думаю, и вам это неизвестно. А жить под оптическим прицелом американской винтовки мне не хочется.

– Я завтра провожу заседание Военного кабинета. Приглашаю тебя в качестве гостя. Я потребую у Червоненко все

данные о настоящих собственниках титанового завода. Тогда снова вернемся к этой теме. По поводу «Национального корпуса», – резко развернул разговор губернатор, – дорого обходится нам его содержание?

– На стадии организации с учетом содержания базы, обучения, формы и заработной платы начиная от десятников и кончая сотниками мы потратили триста тысяч долларов.

– И какая отдача? – уточнил Валентин Николаевич.

– Пока одни убытки. Но здесь мы сами виноваты. Мы сами не ставим перед ними никаких стратегических задач. Ежедневная текучка все забивает. Но есть и положительный момент. С прошлого месяца я перевел «Национальный корпус» на самоокупаемость.

– Как это? – удивился губернатор.

– Выяснилось, что не все бизнесмены в нашей области охвачены патриотическим порывом. Вот те, кто избегает участия в наших благотворительных фондах, теперь почувствуют на себе их преимущество. Я даю каждую неделю списки таких бизнесменов руководству «Национального корпуса» и разрешаю им обглаживать слишком умных, смелых и независимых по полной программе. Теперь «Национальный корпус» будет за каждого из этих списков платить нам десять процентов от полученного ими имущества или средств, а остальное тратить на себя.

– Ты, наверное, хочешь моей отставки? – криво улыбнулся губернатор. – Разве можно давать волю этим беспредель-

щикам? Дай им волю, они и нас схавают без соли и перца. Если они будут от нас независимы, зачем мы им тогда? Нет, Валерий Иванович, твоя инициатива наказуема.

Спиридонов на минуту задумался.

– В ваших рассуждениях есть смысл, – согласился он. –

Продолжать кормить их с руки?

– Подумай над постоянным бюджетом для этих ребят. А кстати, руководство титанового завода платит в наши фонды?

– Всех не упомнишь, Валентин Николаевич. Проверю – доложу.

– Если окажется, что нет, пошли к ним активистов «Национального корпуса». Но без грабежа. Слишком солидное предприятие. Пусть прибегут к нам его руководители, а мы, если сочтем нужным, войдем в их положение.

– Тут еще одна проблема нарисовалась, – сказал Спиридонов. – «Западенец» создал свои войска для сбора пожертвований. Называется общество «Самозащита». Однако Боливар двоих не выдержит. Либо мы, либо он. Его инициативу надо зарубить на корню, если можно, то и с автором вместе.

– Городской совет два раза выражал ему недоверие, – задумчиво сказал губернатор. – И два раза суд восстанавливал его в должности мэра. Это получается, что в оппозиции у нас вся судебная власть области?

– Надо двинуть против него телевидение и наших блогеров, – предложил Спиридонов. – Если не угомонится, бро-

сим против него наш «Национальный корпус». Заодно и проверим, правильно мы расходует средства или нет.

– А как получилось, что наш «Национальный корпус» без нашего согласия блокировал телеканал «Эхо недели» по просьбе Западенца?

– Всем блокирующим мэр раздал по двести долларов. Это значит, что часть бизнеса решила разнести яйца по разным корзинам. Это раздвоение опасно. А наши ребята просто проявили себя жадными медвежатами.

– Сменить руководство «Национального корпуса» немедленно, – приказал губернатор. – А завтра они за тридцать сребренников будут блокировать областную администрацию? Будут кусать руку, дающую им хлеб? И новое руководство пусть знает, что шаг влево или вправо наказуем.

– Не слишком ли сурово, Валентин Николаевич? – засомневался Спиридонов. – Надо еще подготовить достойную замену.

– Мы, Валерий Иванович, – назидательно сказал губернатор, – в отличие от вас английских университетов не заканчивали. Мы люди простые. Проявил инициативу – голову с плеч. Инициатива хороша только тогда, когда она предварительно одобрена руководством.

– Мне этот афоризм записать или выучить наизусть? – язвительно спросил Спиридонов.

– Принять как руководство к действию. Не хотелось бы войны, но, видно, валить Западенца надо. Подумай над стра-

тегией.

– Я бы пригласил Илью Кордона завтра на заседание Военного кабинета, разумеется, на его открытую часть, где нужно обрушиться с беспощадной критикой на мэра за ущемление свободы слова путем организации блокирования телеканала «Эхо недели».

– Это разумное предложение, – поддержал Спиридонова губернатор. – Был бы я лет на тридцать моложе, обязательно поступил бы в английский университет.

– Я с тобой обо всем забыл, – сказал Маше Альберт, целуя ее лицо.

– Например, о чем? – спросила она, не открывая глаз.

– Я забыл позвонить Вике и спросить, как она себя чувствует, забыл о Паше, который сидит в прокуратуре и считает часы до встречи со мной, забыл даже о деньгах, которые лежат в багажнике машины.

– Это признание в любви? – спросила Маша с закрытыми глазами.

– Это желание быть рядом с тобой.

– Кто такая Вика? – открыла глаза Маша.

– Вика – это мой лучший друг и советчик и по совместительству секретарь. Ты меня ревнуешь к ней?

– Алик, – тихо сказала Маша и по ее щекам потекли слезы, – Мне кажется, что мы встретились не случайно. Мне от души жалко Павла Ивановича, но если бы ради нашей встречи, нужно было бы его еще раз арестовать, я бы согласилась. Может быть, я совершаю самую страшную ошибку в своей жизни. Однако я хочу, чтобы ты знал обо мне правду...

Маша поднялась и села, прикрыв себя простыней до грудей, которые несмотря на свою пышность по-девичьи соблазнительно не падали, а вздымались от волнения. Под глазами стекала грязными потоками краска. Альберт тоже сел и мол-

ча смотрел в несчастные глаза Маши.

– Мне тридцать лет, – сказала она, – и десять лет из них я сплю с мужчинами, которых не люблю.

– Ты спишь с ними за деньги? – глухо спросил Альберт.

– Я спала с ними по разным причинам, и никогда не хотела, чтобы кто-то из них стал моим мужем. Но несколько дней назад красивый и амбициозный мужчина предложил мне стать его женой. Мне надо было отказать сразу, но я растерялась, а потом увидела, какие страдания я могу ему доставить, если не сделаю вид, что отвечаю ему взаимностью. И если бы не встреча с тобой, то на днях мы полетели бы с ним в Харьков знакомиться с его родителями.

Маша перестала плакать и спросила:

– Здесь можно курить?

– Вообще-то нет, но если тебе хочется, то можно.

Альберт принес ее синюю сумочку, она достала сигарету, зажигалку, два раза щелкнула ею и прикурила. Он сидел рядом и держал в руках пепельницу. Его руки слегка дрожали.

– Ты боишься меня? – спросила она.

– Может быть, надо было тебе сначала мне рассказать о своем женихе, – помолчав, ответил Альберт. – И тогда мы не сделали бы много глупостей. Я не хочу никому причинять боли.

– Моя мама всегда мне говорила, что я не должна рассказывать мужчине, с которым я сплю, о своих бывших похождениях.

– Мужчина, решивший взять тебя в жены – это не похождение, а вариант судьбы.

– Как хорошо я сделала, что не сказала об этом тебе раньше, – радостно воскликнула Маша. – Я просто счастлива.

– Значит, ты его не любишь? – осторожно спросил Альберт.

– А что такое любовь? Ты можешь объяснить в двух словах?

– В двух словах, да, – оживился Альберт. – Четверть века назад мне было двадцать лет и я оказался в Иерусалиме, у Стены Плача. Я написал записку Богу. Кроме всего прочего, я попросил, чтобы моей женой стала красавица и умница Катя, у которой был блестящий выбор поклонников. Наверное, это была любовь.

– И твое желание исполнилось?

– Да, исполнилось. Это, конечно, из разряда чудес, но всю жизнь я благодарен ей, потому что работаю и получаю удовольствие от жизни только потому, что Катя со мной рядом. У нее должно быть все в жизни по первому классу. Это – девиз моей жизни. Это – стимул быть лучше других. Я угадал с женой и мне повезло.

– А что же с тобой случилось, что ты набросился на меня, как тигр? Такой счастливый и влюбленный в жену человек? Я подозреваю, что на этом раздвижном диване побывала не только я. Как это сочетается с любовью к жене?

– Можешь успокоиться, – улыбнулся Альберт. – На этом

раздвижном диване ты оказалась первой.

– Слава Богу, – рассмеялась Маша. – Хотя в чем-то, но я у тебя первая. – Или ты считаешь, что ты переспал с бывшей проституткой?

Она струхнула пепел сигареты в пепельницу.

– По твоему, я должен повеситься или четвертовать тебя за то, что было до меня? – объяснился Альберт – А по поводу твоего иронического спича, могу сказать тебе одно: я не считаю секс с женщиной изменой жене. Маша глубоко затаилась, помолчала и выпустила синий дымок из ноздрей.

– А твоя жена тоже так считает? – спросила Маша.

– Она то как раз считает, что секс с другой женщиной – это колокол, который звонит на похоронах любви.

– Она, что, пишет стихи? – криво улыбнулась Маша.

– Нет, она очень нравственный и образованный человек. Она много читает. Мне ее философия жизни нравится.

– А если она узнает о твоих романах с женщинами?

– Не дай Бог, – серьезно сказал Альберт. – Это будет означать, что вся моя жизнь была напрасной. Я просто не допускаю никаких длительных отношений. И это нас спасает. Просто мы с ней с разных планет. Она – такая, а я другой.

– А ты не обманываешься? – спросила Маша. – Сколько же целомудренных женщин я видела в своей жизни, которые трахаются, как кошки, а в семье строят из себя непорочных.

– Своей жене я простил бы все и все понял. Просто без нее нет смысла дальше жить и работать. Все, что я достиг в

этой жизни, было сделано только ради нее.

– Как член банды полковника Снаткина, – сухо сказала вдруг Маша, не улыбаясь, – я заявляю, что своих мужчин не делю ни с кем. Ты влип, адвокат, как муха в варенье.

– Звучит просто оглушающе, – с замиранием сердца, сказал Альберт. – Банда полковника Снаткина. С этого места, пожалуйста, поподробнее.

– Испугался? – рассмеялась Маша. – Мне вообще-то нравятся такие слабые мужчины, как ты. На них нельзя положиться и опереться, зато они духовно богаче многих мачо.

– Это ошибочное мнение, – возразил Альберт. – Почему-то в бурю, как правило, падают крепкие деревья, а слабые выживают. – Я считаю, что должна рассказать тебе всю правду о себе. Не потому что мне так хочется, а потому что обязательно кто-нибудь другой шепнет тебе обо мне гадости. Пусть я не такая нравственная, как твоя жена, зато я всегда буду перед тобой правдива и искренна. Когда-то очень давно Павел Иванович спас моего отца, налогового инспектора, застуканного при получении взятки. Тем самым он спас от позора и страданий всю нашу семью. У нас остались дом, деньги, машина и связи. Папа при содействии Снаткина устроился в налоговую милицию и умер за месяц до выхода на пенсию в чине майора милиции и начальника отдела финансовых расследований. Я тоже с детства хотела стать налоговым милиционером и быть таким, как папа. Но в семнадцать лет я влюбилась в мужчину, который был на двадцать лет стар-

ше меня. Его звали Роман. Я впервые видела человека, который ничего в жизни не боится и который, если наметит какую-нибудь цель, обязательно к ней придет. «Цель стоит жизни», – всегда говорил Рома. И мне казалось это мудрым. Мне нравились рестораны, в которые мы ходили и подарки, которые он мне дарил. Естественно, что он был первым моим мужчиной, но пожениться мы не могли, потому что Рома к тому времени уже был вором в законе и ему было запрещено иметь семью. После ограбления ювелирного магазина, в котором я принимала самое активное участие...

– Представляю себе, как ты сбрасывала с прилавка ювелирные изделия в специальную матерчатую сумку, – насмешливо сказал Альберт – Моя роль заключалась в отвлечении продавцов путем инсценировки припадка эпилепсии, причем я была в черном парике, с наклеенными веснушками, что потом сыграло мне на пользу, так как на очной ставке, продавцы не смогли в рыжей девчонке опознать сообщницу. Романа сдал подельник, который был завербованным агентом ментов. Ни Роман, ни его подельник меня не называли, но по оперативным данным было известно, что я девушка Ромы и суд все-таки определил мне три года лишения свободы условно. Рома загремел на десять лет. А я поступила в финансовую академию.

– Постой, – встрепнулся Альберт. – Это, случайно, не Рома Самострел?

Маша притушила сигарету и удивленно раскрыла свои ко-

шачьи глаза, при этом ямочки на ее щеках вытянулись.

– Этот бандит Рома сегодня отобрал у меня машину, разбил мобильник и заставил вывести бандитский общак. Это давний приятель Снаткина, который служил ему верой и правдой в последние годы.

– А ты знаешь, почему у него кличка Самострел? – спросила Маша.

– Откуда мне, – сказал Альберт. – Я со вчерашнего дня только младший бандит в вашей банде. Наверное, стрелял себе в ногу?

– Нет. Потому что он стреляет из двух рук так точно и быстро, что кажется будто пистолеты стреляют сами.

– Ты закончила финансовую академию? – спросил Альберт.

– Закончила. Павел Иванович считает, что с моим аналитическим умом, я могла бы служить в разведке.

– А почему он взял тебя только уборщицей?

– Это гениальное решение Снаткина. Уборщица – это чистильщица. Я сегодня сумела вынести из Кабинета психологической разгрузки все жучки, все нужные документы и папки. Они несколько раз обыскивали его кабинет и кабинет психологической разгрузки и никто не догадался, что подслушивающие и записывающие устройства лежат в моей сумке, которая висит в гардеробе на самом видном месте. Мне пришлось нести на Снаткина такую пургу, что самой стыдно. Как уборщица и надежный партнер Павла Ивановича.

ча, я получала в месяц три тысячи долларов. Зато теперь у нас есть компромат на всех представителей власти нашей области от губернатора до прокурора области. Мы сможем до глубокой старости продавать эти снимки телеканалам и социальным сетям.

– Кому это будет интересно через год? А вот как это может помочь Снаткину сейчас, надо обмозговать? – сказал заинтригованный Альберт.

Маша отбросила простыню, встала с дивана, набросила на себя рубашку Альберта, вынула из сумочки свой позолоченный телефон, присела на диван и таинственно улыбаясь, предложила:

– Назови мне кого-нибудь из серьезных людей нашего города.

– Губернатор, предположим, – тут же сказал Альберт. – Положенко Валентин Николаевич.

– Ейн, цвай, драй, – перелистывая фотографии, сказала Маша. – Вот. Валентин Николаевич трахает в сауне свою помощницу по гуманитарным вопросам. Снято, как в порнофильме, со всех ракурсов. Есть еще снимки, где он забавляется со студентками. Здесь хорошо видно, что Положенко в сексе нет равных. А вот наш прокурор города Орест Иванович перед соитием пьет Виагру. Любит, шельма, поноватых теток ближе к пятидесяти. Когда-нибудь, даст дуба прямо на женщине. Я даже боялась, что мне придется его выносить мертвым. Однажды он потерял сознание на проститутке и

та поклялась перед причастием, что никогда и ни за какие деньги не будет иметь с ним дела. Есть крутые бизнесмены. Есть две молодые судьи-лесбиянки. Они приходили со своими заморскими электрофаллоимитаторами и забавляли друг друга на время, скажем, на пятнадцать минут или полчаса, пока не кончат. А вот и наш артист Горюнов, бисексуал. Он соблазнил нашего начальника штаба и теперь они друг без друга не могут жить.

– Ты просто полицейская Мата Хари, – восхищенно сказал Альберт и чмокнул Машу в щеку.

Он вскочил с дивана голый и не обращая на это внимания, стал взволнованно ходить по кабинету.

– Ты даже не представляешь, какая ты умница, – восторгался он.

– Ты правда так думаешь? – радостно зарделась Маша.

– У меня появилась надежда, что мы вырвем Пашу из цепких рук прокуратуры.

– Ты думаешь тебе удастся это сделать? – следя за его быстрыми передвижениями, спросила она.

– Маша, – сказал Альберт и перехватив ее взгляд, завернулся в простыню. – Я увидел, кажется, свет в конце туннеля. Мне нужно еще встретиться со сватом Снаткина, Ржапецким. Паша сказал, что это можешь организовать только ты.

– Я это сделаю, если ты меня поцелуешь, – сверкая от счастья вскрикнула она.

Альберт подошел к ней, поцеловал ее в губы и опрокинул на диван.

– Зачем ты взял деньги у Самострела? – неожиданно спросила она. – Просто так он ничего не делает. Он для чего-то хочет держать тебя на крючке.

– Мне пришлось это сделать, иначе он живым меня бы не выпустил, – объяснил Альберт. – Как прекрасно пахнут твои рыжие волосы, – прошептал он ей на ухо. – Признайся, что ты моешь их в молоке с медом.

– Алик, эти деньги нужно или срочно вернуть, или положить в ячейки нашего банка.

– У Снаткина есть банк? – удивился Альберт.

– У полковника есть много чего.

– Я бы назвал нашу совместную операцию так – спасти рядового полковника.

– Когда я должна исчезнуть? – спросила Маша., взглянув на стенные часы.

– Ну, лет так через сорок, – пошутил Альберт. – Может перевербовать тебя для себя?

– Это уже третье предложение за сутки. Мои акции растут в цене.

Председатель Апелляционного суда Коблевской области Ржапецкий Константин Петрович сидел перед ноутбуком и составлял проект решения по апелляционной жалобе налоговой администрации к Ганнопольскому. Окно в весенний сад было открыто и ночные звезды с любопытством заглядывали в комнату.

– Костя! – с возмущением вошла в кабинет мужа жена Лиза в розовом пеньюаре, – Сколько можно работать? Уже половина первого ночи. Посмотри на себя в зеркало: глаза красные, как у рака.

– Лизунчик, – улыбаясь, ответил муж, – еще минут пятнадцать. А чем занимаются дети?

«Дети» – двадцатилетняя дочь Владлена и ее муж Александр, сын полковника Снаткина, судья Центрального районного суда города, пришедшие сегодня в пятиэтажный особняк главного судьи области в гости, уже давно находились в гостевой спальне.

– Я не знаю, что делать, – тихо сказала Лиза. – Мне только что позвонила жена Ореста Ивановича. Павла Ивановича задержали при получении взятки в сумме ста тысяч долларов. Об этом сообщил телеканал «Эхо недели», который мы не смотрим.

– Вот козел! – откинулся в кресле Ржапецкий и от внезап-

ного гнева лицо его покрылось пятнами. – Я же предупредил этого борова не брать взятки хотя бы полгода. У него же в кабинете НАБУ поставила камеру. Он что, совсем обдолбанный?

– Надо ли об этом сейчас сказать Саше? – спросила озабоченно Лиза.

– Этот недоумок, – так между собой тесть и теща называли зятя, – поднимет ненужный шум. Пусть пока спит в неведении. Возможно, Снаткина задержали специально для того, чтобы я начал дергаться.

– Может быть, позвонить Александре, чтоб она подготовилась к обыску? – предложила Лиза.

– Все телефоны Снаткина сейчас прослушиваются. Этот мерзавец дома ничего не держит. Александре нечего беспокоиться. Я же предупредил его, что на полгода надо залечь на дно, как подводная лодка. Но у него же лапы намазаны говном. Он за сто долларов в церкви пернет.

– Ты забываешься? – прикрикнула на него жена. – Здесь тебе не суд. Попридержи свой язык. Ты же главный судья города! Как можно так выражаться? Какой пример с тебя могут брать молодые судьи?

– Это ты, падла, забываешься! – вскочил Ржапецкий, как укушенный. – Всю жизнь строишь из себя помешанную бабыню. В самые сложные периоды жизни мне не на кого положиться, мне не с кем поделиться. Кругом одни безмозглые дуры! Что на работе, что дома!

– Это мы с Владой дуры? – вскипела жена. – А кто тебя сунул в судьи, придурок?

– Ты за это отработала, как проститутка. Забыла, с каким наслаждением ты рассказывала мне подробности своей измены с этим маразматиком Павленко. Я помню это всю жизнь.

– Это ты подложил меня под него, импотент проклятый.

– Я – импотент? Да у меня такие девки отсасывают... – в гнев закричал главный судья и тут же осекся.

Лицо жены побелело, что предвещало скандал с битьем посуды и крушением мебели. В такие моменты жена Ржапецкого теряла рассудок и готова была растерзать мужа.

Константин Петрович сразу понял, что переборщил. Не хватало еще, чтобы дети стали свидетелями безобразной сцены.

– Лизунчик, – подбежал он к жене. – Прости, любимая, прости дорогая. Но ведь ты первая начала, не бери в голову, какие девки в моем возрасте? Это я так сказал, чтобы разозлить тебя. Понимаешь, – глядя жену по голове и целуя ее в расплывшееся лицо, говорил он, – я уже месяц не могу спокойно спать. Обложили меня со всех сторон. Хотят моей крови. Понаставили везде видеокамеры, следят за каждым моим словом и действием. Ты думаешь, им нужен этот Снаткин? Им нужен я. Прости, что я тебя обидел. Если бы не ты, разве я был бы тем, кем я есть? Разве я не помню, чего это тебе стоило? Родная, мы с тобой одно неразрывное целое.

Успокойся, пойдем, выпьем коньячку на ночь и по старой привычке побалуемся перед сном.

Выступившая испарина на лице жены не предвещала ничего хорошего. Сомкнутые в ненависти к нему губы, полыхающие от невменяемости глаза заставляли его делать то, что было ему противно и что давно его не трогало. Он уткнулся в дряблые висячие груди жены, протянул руку в промежность между ее толстыми ногами и молил Бога, чтобы приступ безумия как можно скорее покинул ее. Наконец, из ее глаз покатались слезы, что означало какое-то прояснение сознания. Она отшвырнула его руку и попыталась вырваться из его объятий, но он знал, что отпускать ее нельзя, пока она не расслабится и окончательно не придет в себя.

«Так жить дальше нельзя, – думал он, – мы же ненавидим друг друга». И в то же время он понимал, что вырваться из этого жизненного капкана им не удастся никогда.

С Лизой он познакомился, когда поступил на юрфак Одесского госуниверситета. Их группу в начале сентября послали на сбор помидоров в совхоз «Нечаянский». Костю и еще одного первокурсника определили в грузчики. Они загружали газик ящиками с помидорами, которые собирала остальная группа и разгружали их в магазинах города Коблевска. А вечерами первокурсники шли два километра в сельский клуб, где под музыку из магнитофона устраивались танцы. Один раз за вечер объявлялся «Белый танец» и тогда девочки приглашали мальчиков. В один из таких вечеров

его пригласила на танец Лиза, худенькая, с симпатичным личиком, короткой стрижкой светлых волос. Он уже был мужчиной в том смысле, что в своем глухом селе его, молодого тракториста, подпоила и соблазнила шестидесятилетняя вдова. Она прodelывала с ним все мыслимые и немыслимые упражнения, которые доставляли ему неописываемое наслаждение. Но вскоре вдова охладела к нему и однажды, прямо с порога оттолкнула его от себя и сказала ему, чтобы он больше не приходил к ней. Однако через неделю он снова пришел к ее дому с бутылкой самогонки, и сказал, что он не может без нее жить. На этот раз пожилую женщину прельстила бутылка в руках молодого любовника. Однако после выпитой бутылки самогона у него ничего не получилось и он первый раз от злости избил свою соблазнительницу. Она практически не сопротивлялась, размазывала по щекам пьяные слезы и неизвестно за что просила у него прощение. После этого женщина превратилась в бессловесное животное. Костя приходил с самогоном, они выпивали бутылку, но поскольку спиртное не помогало ему восстановить потенцию, он свою неполноценность пытался возмещать кулаками, бегал за окосевшей вдовой по комнатам, вытаскивал ее из-под кровати, а когда ей удавалось выбежать из дома и спрятаться в бане, разбивал руки в кровь об деревянную дверь и падал обессиленный на землю. Кто-то из мужиков в курилке рассказал, что вдова выглядит так хорошо, потому что питается энергией мужчин, что ее третий муж испустил дух, когда за-

нимался с ней «этим самым». Костя испугался за свое здоровье и перестал ходить к вдове. И когда Лиза пригласила его на танец, он почувствовал половое влечение к ней. Несколько дней спустя, он предложил ей прогуляться к реке. Они шли по тропе в березовой роще, Лиза была в ситцевом платье, которое то и дело поднималось от ветерка, обнажая ее голубые трусики, и она, смущенно опускала его. У реки они сели на сухой песок. Солнце спускалось к далекому горизонту, подсвечивая реку багровыми лучами. Костя поцеловал Лизу в щеку, она не была против и тогда он шутя повалил ее на песок. Она смеялась, а он думал только о том, как снять с нее трусы, чтобы она не кричала и не звала на помощь. Когда он как бы нечаянно засунул свою руку в ее трусики, она сжалась, как пружина, но не рассердилась и не прогнала его. Просто перестала смеяться и закрыла глаза. Он поднял ее платье, стянул трусики, своими коленями раздвинул ее ноги и овладел ею. Она лежала молча, прикусив от боли нижнюю губу. Он лежал рядом, радуясь тому, что снова может делать это. До конца осенних сельскохозяйственных работ, они каждый день ходили к реке и занимались этим. Потом она пригласила его к себе домой и когда на столе появились буженина, сыровяленая колбаса, сыр, ветчина и красная икра, он обезумел от обилия дефицитной еды.

– Мой папа – директор мясокомбината, – с гордостью сказала она.

– И ты ешь это каждый день? – с завистью спросил Костя.

– Кушать это каждый день – вредно.

– А я бы ел это каждый день, – возразил он.

Поскольку Костя жил в общежитии на стипендию, он фактически постоянно недоедал и поставил себе цель непременно жениться на Лизе. Но у родителей Лизы были другие планы. Костя не внушал им доверие, его манеры их шокировали, особенно, когда он задницу называл жопой, или говорил, что ему на это насрать, если он придерживался другого мнения. Когда Лиза забеременела, родители увезли ее срочно в Минск, к папиной сестре, акушеру, которая сделала ей аборт, потом перевели ее из Одесского университета в Минский. И вздохнули, когда Лиза вышла замуж за курсанта Танкового училища. Костя закончил юрфак и по распределению попал юристом на отделение Коблевской железной дороги. Три года работы были настоящим мучением для Кости. Он проигрывал все дела в арбитраже, так как не научился правильно выстраивать основания иска и путался в пунктах Положения о поставках продукции и товаров. Судья арбитражного суда всегда подтрунивал над ним.

– Если вы товарищ Ржапецкий найдете в постановлении, на которое вы ссылаетесь, эти пункты, я немедленно решаю вопрос в вашу пользу.

– Я читал это постановление, – бубнил Костя.

– Тогда покажите мне эти пункты.

– К сожалению, их нет в вашем экземпляре постановления, – возражал Костя.

– Так вы еще и кодификацию не ведете. А ну-ка, дайте мне свой экземпляр.

Чувствуя подвох, Костя заявил, что оставил свой экземпляр на работе.

– В иске отказано, – объявил судья. – И я выношу частное определение в адрес юрфака Одесского университета. И в этот момент к судье подошла стройная женщина в шоколадном брючном костюме, с русыми волосами, собранными черной резинкой и отброшенными назад, как хвост собаки. Она что-то шепнула судье и тот согласно махнул ей головой. Женщина обернулась и их взгляды встретились.

– Лиза! – ахнул от восторга Костя.

– Костя? – улыбнулась Лиза. – Зайди ко мне в двести двенадцатую комнату.

Выяснилось, что Лиза работает второй судьей арбитражного суда уже месяц, что она разведена, что у нее все в порядке.

– Я тоже хочу работать судьей, – сказал Костя.

– Я поговорю с папой, – пообещала она.

На этот раз папа потребовал немедленно расписаться, что Костя с удовольствием и сделал, после чего папа Лизы предпринял некоторые шаги. Председатель областного суда Павленко, когда увидел Лизу, онемел, но пришел в себя и сказал Косте, что может рекомендовать его судьей в самый дальний сельский район области с перспективой перевода через пять лет в город. Тесть посоветовал немедленно соглашаться, а

там видно будет. Костя согласился, но Павленко не подписывал рекомендацию. Тесть снабжал его деликатесами и коньяками, но никакого движения не было. Помощником Павленко работал бывший однокурсник Кости и Лизы, Василий Пересвет, который на вопрос Кости, в чем дело, после третьей рюмки коньяка, заявил, что Павленко редкий бабник, и пока Лиза с ним не переспит, толку не будет.

– Лизунчик, – обратился к ней ласково Костя, – сейчас решается моя судьба. Все зависит от тебя. Этот старый хрен хочет с тобой переспать. Я не вижу тут никаких препятствий. Это же будет с моего согласия. А потом мы вместе посмеемся над его потугами.

– Нет, – ответила Лиза и нахмурилась. – Как ты можешь мне такое предлагать? Я же твоя жена. Тебе потом не будет противно притрагиваться ко мне?

– Ты слышала что-то о свингерских семьях? – осторожно спросил Костя. – Они меняются супругами и процент разводов среди них колеблется в пределах статистической погрешности. У нас в деревне всегда говорили, что хороший левак укрепляет брак.

– Я не могу, – твердо сказала она. – Мы с Павленко коллеги. Как это будет? Я приду к нему и скажу, что хочу с вами переспать за рекомендацию моему мужу?

– У Павленко есть такое предложение. Он и мы едем на неделю в Ялту. Останавливаемся в одной гостинице и ты каждую ночь уходишь к нему.

– Каждую ночь? – ужаснулась Лиза. – Ты в своем уме?

– Ты моя жена, – уверенно сказал Костя, – ты должна быть заинтересована в том, чтобы нам обоим было хорошо в этой жизни. А если бы от твоей измены зависела моя жизнь? Что тут такого, раздвинуть ноги перед стариком, закрыть глаза, пять минут нравственных страданий ради нашего будущего.

Ялтинская неделя пролетела для Кости, как песня. Он встречал утром Лизу, осыпал ее поцелуями, требовал смешных подробностей, был с ней нежен, ласков и по-юношески влюблен. В последний день Лиза принесла заветное письмо. И через три месяца Костя приступил к обязанностям сельского судьи. Одним из первых его дел оказалось дело семидесятилетней спившейся женщины, которая топором убила своего пятидесятилетнего сожителя. Он с ужасом узнал в этой беззубой старухе свою соблазнительницу. Она безучастно сидела в металлической клетке, один глаз был закрыт, второй, подбитый, не закрывался и встрепенулась, когда услышала его голос. Он старался не смотреть в ее сторону, а она, открыв беззубый рот, с любопытством смотрела на него, пытаясь что-то понять или вспомнить. Он назначил ей самую высокую санкцию статьи – пятнадцать лет, а по сути пожизненное наказание.

Прокурор, который характеризовал убитого крайне отрицательно подтвердил в своей речи, что тот систематически избивал и насиловал подсудимую, потребовал в суде наказания, не связанного с лишением свободы. Он с возмущением

вошел в кабинет Кости после провозглашения приговора.

– Вы читали в деле справку о том, что у подсудимой четвертая степень онкологии? – спросил он.

– Читал, – невозмутимо ответил Костя.

– Вы слышали показания соседей? Потерпевший каждый день буквально издевался над осужденной. Мы считаем, что она сделала это в состоянии аффекта.

– А вы читали нагорную проповедь Христа? – насмешливо спросил Костя. – Каждый человек – это мир. И каждый убийца потрясает основы бытия. Пусть на том свете разбираются с мотивами. На этом свете никто не имеет право убивать себе подобного.

Осужденная умерла в тюрьме, не дождавшись рассмотрения кассационного протеста прокуратуры.

В процессе своей судебной карьеры Константин Ржапецкий еще несколько раз подкладывал Лизу под людей, от которых зависела его судьба, но теперь уже Лизу уговаривать не было никакой необходимости, она сама охотно шла на супружескую измену, и даже сожительствовала с министром юстиции, который сделал все, чтобы Константин Ржапецкий стал сначала председателем областного суда, а потом председателем апелляционного суда области. И когда однажды постаревший Павленко, опирающийся на палку, пришел к Косте просить за своего сына, сбившего на пешеходном переходе женщину и положившего на стол Ржапецкого конверт с деньгами, то Костя намеренно пересчитал деньги, там бы-

ло двести долларов по двадцать купюр каждая, и немедленно вызвал милицию и сдал старика за попытку дать взятку должностному лицу. Бывшего председателя областного суда упекли на пять лет. Наблюдая за событиями в стране, оранжевый майдан, а потом Революцию достоинства, Константин Петрович сделал для себя вывод, что нельзя иметь дело с адвокатами, продажными тварями, с прокурорами, по сути беспредельщиками, что создание в стране бесчисленных антикоррупционных органов, ведет к анархии и войне всех против всех, и поэтому нужно организовать синдикат единомышленников в судейских мантиях, которые следовали бы одной религии под девизом один за всех и все за одного. И каждый судья, который хотел, чтобы его решения нормально проходили в апелляционной инстанции, или чтобы в случае прокола, он не мог быть осужден, должен был один раз в год, всего один раз, занести свой страховой взнос главному судье области, но не в пресловутом конверте, а в виде перечисления пятидесяти тысяч долларов на оффшорный счет аффилированных с ним фирм. Константин Петрович знал по собственному опыту, что в самом отсталом районе области, каждый судья снимет с каждого дела свои комиссионные и после расчета с ним не останется в накладе. Предусматривалось и право на рассрочку страховки, в случае предоставления доказательств безденежности подсудимых и их родственников. Не случайно в преступном мире родилась поговорка, что теперь выгоднее судить, чем грабить. Стропти-

вые судьи, а в каждой семье не без урода, годами получали отмены своих решений, после чего переводились в другие области или уходили на другую работу. Нельзя сказать, что полученные деньги, расходовались на личные нужды судьи Ржапецкого. Наоборот, заплативший свой взнос судья был гарантирован от неожиданного вмешательства всяких антикоррупционных органов, поскольку судьи других областей за соответствующую плату ставили в известность Ржапецкого о том, что намереваются делать правоохранительные органы против судей Коблевской области. Один из судей Заводского районного суда города Коблевск был уличен в получении десяти тысяч долларов от адвоката, который сотрудничал со следственным отделом прокуратуры. Судейский синдикат замер в страхе, но Константин Петрович не растерялся. В суде по ходатайству адвоката судьи была назначена экспертиза подлинности, полученных судьей денег. И вдруг выяснилось, что в ходе хранения вещественного доказательства, произошло невероятное. Подлинные доллары испарились, а вместо них в конверте, опечатанном сургучом, оказались доллары, отпечатанные на ксероксе. Весь Коблевск недоумевал и смеялся. Зато член синдиката, как ни в чем не бывало, продолжил отправление правосудия, правда, по просьбе Ржапецкого был переведен из Заводского районного суда в Центральный районный суд. А дело судьи Октябрьского районного суда, получившего пятьдесят тысяч долларов незаконного вознаграждения, апелляционный суд вооб-

ще прекратил, так как подозрение было предъявлено следователем прокуратуры, а дело было подведомственно НАБУ, которое тогда еще в Коблевске не появилось. Такие чудеса правосудия буквально парализовали деятельность правоохранительных органов области и прокуроры всех мастей посчитали себя несправедливо опущенными. Они было рванулись выступить еще несколько раз против судей районного масштаба, но были тотчас же раздавлены синдикатом. Наиболее рьяные прокуроры были выметены из области судебными решениями об их коррупционности или игнорированием процессуальных требований. Остальные присмирели до новых времен, проклиная в курилках судейскую мафию. Но почивать на лаврах Ржапецкий не мог и не хотел. Он уже привык к тому, что жизнь в любой момент может поставить в колесо его жизни такие палки, которые невозможно предусмотреть. Поэтому, когда ровно месяц назад из Житомирского апелляционного суда поступило сообщение, что лично Ржапецким заинтересовались правоохранительные органы Коблевской области, которые попросили Житомирский суд дать разрешение на проведение негласных мероприятий по съему информации в отношении председателя Коблевского апелляционного суда Ржапецкого и его свата полковника полиции Снаткина, о чем сват Снаткин был тут же предупрежден, но видно хер забил на этот сигнал, Ржапецкий тут же приостановил прием взносов и начал выяснять, откуда идет дым. Запах, как намекнули ему знающие люди, шел

из администрации губернатора.

– Ты же знаешь, что дочь Ганапольского, сейчас живет с губернатором. Что ты лично против Ганапольского имеешь? – спросил его один из помощников губернатора.

– Лично я ничего не имею, – ответил Константин Петрович. – Против него ведут оперативную разработку офицеры СБУ. Районный суд встал на сторону Ганапольского. Я буду все тщательно взвешивать.

– А зачем ты дважды восстановил Западенца в должности мэра? Валентин Николаевич считает, что судебная власть нашей области находится в оппозиции к губернатору.

– Скажите Валентину Николаевичу, что это не моя прихоть. Мне приказали из Киева. Кто, я говорить не имею права.

Естественно, Константин Петрович умолчал о том, что партия Западенца «Самозащита» вносила за восстановление мэра на работе по миллиону долларов каждый раз.

«Нет, – решил для себя Ржапецкий, – это не губернатор. Надо копать дальше. Неужели кто-то из судей опаскудился?»

И в эти тревожные дни совсем ни к чему была эта ссора с женой.

Глядя на пришедшую в себя жену, Константин Петрович точно решил, что, если в этот раз все закончится благополучно, он вышвернет эту старую шлюху из своей жизни и проживет также счастливо, как и губернатор. Так он решал каждый раз, когда жена Лиза выходила из берегов и каждый раз,

когда они помирились, он забывал о своем решении.

В этот момент запел на столе его мобильник. Он подошел к столу, поднял телефон и услышал голос Маши.

Василий Скоморох стучал в закрытые наглухо ворота базы общества активистов «Москоляку на гиялку.» минут десять. Сначала кулаком, потом ногой. Фонарь над воротами раскачивался под легким ветерком. И вдруг в тишине грянул сонный голос: «Кто стучится в дверь ко мне с толстой сумкой на ремне». Только теперь Скоморох увидел переговорное устройство, вмонтированное справа в ворота и покрашенное в тон ворот зеленой краской.

– Служба безопасности, – крикнул Скоморох. – Немедленно откройте ворота или мы снесем их к едреной фене наводящим взрывом.

Несколько минут переговорное устройство молчало, затем щелкнул затвор калитки и она открылась.

Скоморох и Ваня вошли в пустой неосвещенный двор. На пороге дома появились две фигуры мужчин с автоматами наперевес.

– Хенде хох! – крикнул кто-то из стоящих у дверей. – Идти по одному, с открытым удостоверением в руке.

Первым пошел Ваня. За ним Василий Васильевич, подняв руки вверх и держа в левой руке удостоверение.

– А где остальные? – спросил их один из мужчин.

– Ваша база окружена спецназом службы безопасности, – громко крикнул Скоморох, – опустите Калашы. У нас к вам

есть разговор.

– А до утра разговор нельзя перенести? Утром придет начальство. Сейчас, кроме нас, на базе никого нет.

– Как никого нет? – спросил Ваня. – А где Перман, которого вы похитили из больницы?

– Стоять! – приказал один из охранников базы. – Сейчас к вам подойдет человек, проверит документы. Одно неправильное движение, и я открываю огонь на поражение.

Второй охранник включил фонарь и подошел к офицерам СБУ. Прочитал удостоверения и вернулся на свое место. Его напарник набрал чей-то номер и сказал:

– Геннадий Степанович, здесь у нас чепе. Приехал спецназ СБУ, требуют отдать им Пермана.

Видно Геннадий Степанович потребовал, чтобы телефон передали кому-то из спецназа.

– Кто из вас старший? – спросил мужчина с телефоном.

– Майор Скоморох, – выдвинулся Василий Васильевич.

Охранник передал ему телефон.

– В чем дело? – спросил Скомороха Геннадий Степанович.

– Я представился, – заявил Скоморох. – С кем имею честь говорить?

– Руководитель общества Москаленко, – ответил ему голос в телефоне.

– Слушай меня внимательно, Москаленко, – пригрозил ему Скоморох. – Из-за тебя мы не спим уже вторую ночь.

Кто приказал тебе украсть из больницы Пермана?

– Я по телефону не обсуждаю такие вопросы, – ответил ему Москаленко, особенно, как видно не переживая. – Приходите утром и мы все обсудим.

– Если я сейчас не получу Пермана живым и здоровым, – сказал Василий Васильевич, – от вашей малины останутся только рожки да ножки. А ты у меня загремишь как пособник русской разведки.

– А что этот Перман натворил, что из-за него такой хибишь поднялся? – более миролюбиво спросил Москаленко.

– Это – государственная тайна, – объяснил Скоморох. – Отдай своим людям приказ, чтобы передали нам Пермана, и наши разногласия, можно сказать, будут устранены.

– У нас Пермана нет, – сказал Москаленко. – Заказчик к указанному времени не пришел и мы отдали его обществу «Самозащита».

– Кто заказчик? – спросил Скоморох.

– Этого я вам сказать не могу. Заказ был сделан инкогнито, по телефону. Сообщили, что Перман – представитель коренного населения Крыма, караим, человек с Майдана, а ему шьют дело. – объяснил Москаленко и Скоморох понял, что он врет.

– С заказчиком похищения Пермана мы разберемся утром, – сказал Скоморох. – А сейчас мы должны его забрать.

– Я еще раз повторяю, что его у нас нет. Пермана забрала

у нас «Самозащита», говорят, он кого-то грохнул из ихних активистов.

– Я должен лично проверить вашу базу и убедиться, что его нет, – нетерпеливо сказал Скоромох. – Или я дам приказ разнести ваш притон нахер.

– Прежде, чем хорохориться, майор, и пугать, позвони своему шефу Червоненко. Он тебе объяснит и про малину, и про притон, и про русскую контрразведку. Я тебе русским языком объясняю: нет у нас Пермана уже шесть часов.

– Давай мы их тут на месте всех покрошим, – предложил Ваня, щелкнув огромными зубами.

Два охранника мгновенно передернули затворы.

– Товарищ пошутил, – остановил их Скоморох и спросил Москаленко, где находится база активистов «Самозащиты».

Возвращаясь к машине, Скоморох, скорее обращаясь к себе, чем к Ване, сказал:

– Обыкновенные чмошники, а как можно было погореть. Неужели наш шеф может иметь дело с такими рекетирами? Я чувствовал, что этот Перман парень не простой. Может, завезем его сначала на служебную квартиру и попробуем расколоть по поводу Петренко? Если он действительно кого-то грохнул, то почему он не может быть его убийцей? А утром привезем его к следователю Нестеренко с явкой. Это будет бомба! Два офицера СБУ за несколько часов размотали громкое преступление против активиста Революции достоинства...

– Ты, Васильич, ведешь себя по отношению к нашим врагам слишком либерально, – обидчиво ответил Ваня. – Дай мне десять минут, и этот Перман будет ползать в собственном говне и просить, чтобы мы его придушили.

– Я отдам тебе его только после суда, Ваня, – пообещал ему Скоморох. – А пока он должен быть жив и здоров. Правильно?

– Надоело мне ломать кости бомжам, – зевая, ответил Ваня. – Хочется настоящего дела.

Мэр города Коблевска, тридцатипятилетний мужчина с казацким чубом, свисающим вправо, бывший мастер по ремонту холодильников, с ненавистью смотрел в улыбающееся лицо Ильи Кордона, в его вытянутые трубочкой губы.

– Правда ли, Степан Симеонович, что у вас нет высшего образования? – спросил его Илья Кордон.

– А зачем городскому голове высшее образование? – вопросом на вопрос ответил Степан, изобразив улыбку на напряженном лице.

Камера выхватила лицо мэра крупным планом. На его широком лбу запеклись две горошинки пота.

– Слишком образованный мэр далек от нужд города. Народ нашего города избрал меня мэром потому, что разделяет программу и цели моей партии «Самозащита». Я один из вас, дорогие телезрители, я также страдаю от засилья местных олигархов, имеющих первоклассное образование, нацеленное на ограбление простого народа.

Люди в студии одобрили ответ Степана аплодисментами.

Подготовка к участию Степана в программе Кордона «Лица» шла два месяца. Руководящие деятели партии, приехавшие из Львова, где находилось правление партии «Самозащита» проанализировав стиль Ильи Кордона, составили сто восемьдесят вопросов, которые мог задать ведущий и напи-

сали на них столько же ответов, которые должен был выучить Степан. Среди этих вопросов был и вопрос о том, имеет ли Степан Овчаренко высшее образование. Один из руководителей партии, член парламента и психиатр по образованию, натаскивал Степана на активное противостояние с ведущим.

– Запомни, Степан. Этот Кордон ментально наш враг. Даже, когда он разделяет наши устремления и идеалы, мы должны знать, что он не является представителем коренного населения нашей страны. Не надо обольщаться и самообманываться. Рано или поздно это проявится в его поведении.

– Ну вы просто провидец, Тарас Илькович, – восхитился Степан. – Этот пропагандист наших идеалов проголосовал против переименования проспекта Ленина в проспект Бандеры.

Илье Кордону сотрудница принесла какое-то сообщение. Он взглянул на мэра без улыбки и сказал:

– Только что наши корреспонденты нашли в пятидесяти километрах от города сожженную «Таврию», в которой был адвокат полковника Снаткина Альберт Кемельман. Что бы это значило?

– Вы меня спрашиваете? – переспросил Степан.

– Нам интересно мнение мэра

– Я могу только выразить соболезнование родным и близким адвоката.

– Из конфиденциальных источников, – снова улыбнулся Кордон тонкими, как лист бумаги, губами, – мне стало из-

вестно, что ваша партия на прошлых выборах купила вам должность мэра в нашем городе за пять миллионов евро.

Сначала Степан захотел плюнуть в морду Кордона, но побоялся, что не попадет в него, потом решил бросить в него стакан с остатками апельсинового сока, однако тут же в его голове прозвучало предостережение Тараса Ильковича: ни в коем случае не показывайте, что вопрос вас задел, сделайте вид, что не поняли вопрос или продолжайте отвечать, как ни в чем не бывало, на предыдущий вопрос. Ни один из ста восьмидесяти ответов не предполагал такого коварного вопроса.

– А вы держали свечку при передаче пяти миллионов евро? – спросил Степан.

– Свечку не держал, – радостно оживился Илья, – но кандидат от Оппозиционной партии Иван Рябчиков после заявления об отказе от участия выборов во втором туре купил себе виллу в Италии, газовую скважину на Полтавщине, два супермаркета в нашем городе.

– Я хочу сделать заявление, – сказал Степан. – У нас ведь прямой эфир? – решил он уточнить.

– Конечно, – растянул свое лицо в улыбке Кордон.

– В связи с тем, что ведущий, и по совместительству, депутат городского совета, подозревает нашу партию «Самозащита» и меня лично в политической коррупции, я прошу соответствующие правоохранительные органы провести расследование и его результаты сообщить народу нашего горо-

да. Наш народ, к нашему счастью, не продается.

– Причем здесь народ? – удивился Кордон. – К вашему счастью народ просто был лишен выбора. По закону во втором туре при отказе второго кандидата от участия в выборах, достаточно голосов вашей жены, вашего брата, тещи и ваших домашних животных, чтобы стать главой города.

Только одна мысль пульсировала в голове Степана – встать, подойти к этому негодю и ногой выбить у него изо рта эти белоснежные ровные зубы. Будучи активистом Майдана, еще до вступления в партию «Самозащита» и выборов мэра, Степан на телевизионной дискуссии, ногой с лета послал в нокаут начальника областной полиции, назвавшего его популистом. Эта акция подняла авторитет Степана не только в городе, но и в стране. Все дело, однако, было в том, что Степан перевел слово «популист» совсем иначе. А позволить даже полицейскому начальнику называть себя «жополизом» означало опустить себя добровольно. Но сейчас вместо мужского поступка Степан глупо заметил, что домашние животные не имеют права голоса. Он с холодным ужасом осознал, что тем самым как бы признал утверждение Кордона о том, что за него проголосовало ничтожно малое количество горожан.

– Про животных я сказал фигурально, – сжалился Илюша. – Но пойдем дальше. Не секрет, что в нашем городском совете депутаты голосуют за себя и за того парня. Эта традиция укоренилась после избрания вас городским головой.

Какие планы у вас имеются, чтобы коренным образом изменить ситуацию?

– У нас в городском совете работают представители всех партий, – оживился Степан, – даже партии любителей жигулевского пива...

– Жигулевского? – уточнил Кордон. – Как это вообще допустимо после Революции достоинства?

– Я сказал Жигулевского? – со злобой в голосе удивился Степан. – Это вы сказали жигулевского. Вы манипулянт, – сорвался в крик Степан. – Вы хотите меня запутать.

– А давайте спросим у людей в студии, – предложил Кордон. – Кто из нас хочет запудрить людям мозги. Поднимите руки те, кто слышал, что Степан Симеонович назвал партию любителей жигулевского пива?

Камера показала лес поднятых рук.

– У нас нет такой партии, – сказал сконфуженный Степан. – У нас есть просто партия любителей пива, которая выступила недавно против запрета продажи в нашем городе жигулевского пива. Поэтому, наверное, я обозвал их любителями жигулевского пива.

– Как мне стало известно из доверительных бесед с депутатами, – продолжил Кордон, – ваша партия ввела ноу-хау. За решения, которые нужны вашей партии, депутаты получают от трех до пяти тысяч долларов.

– Вы, кажется, тоже депутат городского совета? – спросил Кордона Степан.

– Да, – ответил Кордон.

– Вы лично получали от меня или представителя нашей партии деньги за принятые решения?

– Лично я не получал, – ответил Илюша усмехаясь. – Потому что я не продаюсь. И сейчас я заявляю, что выхожу из коррупционного состава депутатов городского совета.

– Поэтому не надо вешать лапшу на уши нашим горожанам, – сделал вид, что не услышал заявление Кордона Степан.

– Мои друзья в вашей партии сообщили мне, что лично вы собираетесь инициировать переименование площади Богдана Хмельницкого в площадь Степана Бандеры?

Это был вопрос, на который Степан мог ответить, даже, если бы его разбудили в четыре утра после тяжелого похмелья.

– Богдан Хмельницкий – это враг нашего народа. Он привел нас в империю вместо того, чтобы соединиться с Европейскими народами. А вы знаете, что его можно назвать Гитлером семнадцатого века? Это он устроил на территории нашей страны настоящий холокост, вырезав двести тысяч евреев. Да, наша партия решила восстановить историческую справедливость. И мы надеемся, что Европа нас поддержит

Степан горделиво обвел взглядом притихших в зале людей.

– Так вы хотите поменять шило на мыло? – прищурился Кордон.

– Я не позволю оскорблять нашу национальную гордость, – с радостью встал Степан, срывая с себя микрофоны. Такое поведение было предусмотрено кураторами Степана, если речь пойдет о непочтительном отношении к Бандере. – Слава Украине, – крикнул он людям в студии.

Раздались редкие хлопки.

Степан Овчаренко презрительно посмотрел на Кордона и покинул студию.

– У нас есть новое сообщение, – как ни в чем не бывало объявил Кордон. – Полиция уточнила, что в сгоревшей «Таврии» никого не было. Наши корреспонденты пытаются дозвониться до адвоката Кемельмана, но он постоянно находится вне зоны досягаемости. Поэтому я хочу напрямую спросить Альберта Яковлевича, с какой целью он уничтожил автомобиль «Таврию», какие компрометирующие полковника Снаткина документы сгорели вместе с автомобилем? Наш телеканал продолжает свое независимое расследование. Мы не позволим полковнику взяточнику уйти от ответственности. С вами был Илья Кордон. Как всегда, нас рассудит наш зритель. До встречи.

Старший детектив НАБУ Борис Волошенко постоянно нуждался в деньгах. Один раз в месяц он отправлялся в Милан для покупки стильной одежды, дорогих духов, кожаной обуви. Никакая зарплата не могла покрыть расходы, связанные с потребностями Бориса. Ему было двадцать девять лет, он был не женат и чрезвычайно брезглив. После рукопожатия с незнакомым человеком или с коллегой по работе, он обязательно опрыскивал руку дорогим одеколоном, который всегда носил с собой. Переезд в Коблевск Волошенко воспринял как трагедию. Этот захолустный город на юге страны с преимущественно одноэтажной застройкой в центре города наводил на него тоску, особенно, когда тополиный пух покрывал тротуары, как снег, и это вызывало у него постоянный аллергический кашель и слезы. Начальство, наоборот, считало, что Борис Волошенко, дисциплинированный, хорошо образованный, коммуникабельный способен организовать в областном центре что-то наподобие филиала НАБУ с нуля. Поскольку бюджет НАБУ не позволял иметь в областном центре филиал во главе с директором, приказом по НАБУ Бориса Волошенко назначили старшим детективом с правами приема и увольнения необходимых сотрудников, набора спецназа НАБУ в количестве десяти человек, и организации агентуры для разоблачения высокопоставлен-

ных коррупционеров области. На работу с агентами выделялись неплохие средства. Отчет по расходам на агентурную сеть был простым и не требовал никаких подтверждений. В отчете ежеквартально следовало указать, какие суммы были потрачены в этот период на агента, который скрывался под агентурной кличкой и никто не мог потребовать от Бориса, чтобы он раскрыл настоящее имя агента или его место жительства или на какие цели были истрачены полученные деньги. Считалось, что таким образом никто и никогда не сможет узнать, кто является агентом. Завербованные Борисом люди делились на платную агентуру, которая получала деньги ежемесячно и агентуру под прикрытием, которая получала на своем предприятии законную зарплату и агентское вознаграждение на время работы. Поняв свое преимущество перед коллегами, работающими под присмотром начальства, Волошенко, не долго думая, создал агентскую сеть на бумаге и стал получать деньги, которые позволяли ему скрашивать свою жизнь в провинциальной глуши. В отчетах начальству он указывал, что для встречи с агентами использует съемные квартиры и прикладывал к ним договоры аренды этих квартир с настоящими хозяевами. На его карточку пересылались необходимые арендные платежи, которые он снимал для своих личных расходов, а сами квартиры он сдавал нуждающимся гражданам, которые рассчитывались с хозяевами квартир. Кроме того, он бесплатно завтракал, обедал и ужинал в ресторанах, предоставляя счета для оплаты

руководству НАБУ. Так продолжалось почти полтора года. Борис уже обзавелся офисом в центре города, секретарем, бухгалтером и спецназом.

Никто из начальства не требовал от него конкретных разоблачений местных коррупционеров, поскольку в самом центре и городах-миллионниках была такая запарка с этими самыми коррупционерами, что до Волошенко просто не доходили руки. Кроме того в центре то и дело вспыхивали скандалы, которые всегда возникают при организации нового правоохранительного органа. То агент под прикрытием спала с начальником, которого должна была пасти и сдать, то депутат парламента показывал всем телеканалам видео, как детектив вырвал у него мобильник, подаренный ему бабушкой, и тем самым нанес ему, невосполнимый моральный и материальный ущерб, потому что мобильник стоимостью двести тысяч евро, облепленный камушками, упал и разбился в ходе потасовки с детективом, а дорогие камни подобрали и унесли любопытные граждане, поддерживающие детектива. Ничего подобного не происходило у Волошенко и о нем, казалось, все забыли. Но месяц назад Волошенко срочно вызвали в Киев и приказали организовать негласные действия в отношении председателя апелляционного суда Ржапецкого и его свата полковника полиции Снаткина, снабдили его необходимыми решениями Житомирских судов и посоветовали внедрить в круг общения Снаткина и Ржапецкого агентов под прикрытием и просто агентов. Сначала Во-

лошенко пришел в ужас. Как можно было подступиться к таким неприступным скалам, как Снаткин и Ржапецкий, имеющих везде своих осведомителей и агентов. У него даже возникла мысль подать рапорт на увольнение и сбежать из страны. Но потом, придя в себя, Борис понял, что не боги горшки обжигают и можно спокойно служить двум господам, лишь бы платили деньги. Поэтому он прямо пришел к Ржапецкому и рассказал, что ему поручено поставить жучки в его кабинете и в кабинете полковника Снаткина. Судья Ржапецкий оценил откровенность Бориса в сто тысяч долларов, подсказал, куда поставить микрокамеру в его кабинете и кабинете Снаткина. Нанятая Снаткиным фирма приобрела необходимые микрокамеры и сама же их установила в кабинетах судьи и самого полковника. Полковник полиции Снаткин оказался более прижимистым, чем судья, отсчитал из гонорара Волошенко стоимость самих видеокамер, оплату их установки, сослался на сложности момента и из пятидесяти тысяч долларов сразу отдал половину, пообещав вторую половину отдать через месяц. Контакттировать в случае необходимости решили через уборщицу Машу. Волошенко дал ей номер мобильного телефона, оформленного на умершего человека и предупредил Машу, что звонить она должна только в случае смерти кого-либо из подозреваемых, либо их ареста или задержания. Саму Машу Борис Волошенко без ее ведома тут же оформил как агента, присвоив ей кличку «Красотка». В центре рвение Волошенко оценили по досто-

инству, выделив ему премию в сумме трех окладов и снова забыли. Но беззаботная жизнь Бориса окончилась в тот момент, когда он увидел Машу. Он влюбился в нее с первого взгляда, хотя сразу и не понял, что с ним произошло. Всю ночь после встречи с Машей он беспокойно ворочался в кровати, просыпаясь от Машиных поцелуев. Он ругал себя, что обязал Машу ему не звонить и на следующий день, дождавшись ее в квартале от управления полиции, предложил ей отужинать в ресторане «Каравелла». Маша пыталась отговориться тем, что она не в форме, устала после работы, невинно опускала сумасшедше красивые глаза. Но Борис проявил чудеса красноречия и убедил, что разговор носит сугубо деловой характер и касается судьбы ее начальника. Пока официантка готовилась принести заказ, Волошенко не отрывал взгляда от Маши. Она была в узком красном платье, которое сдерживало, рвущиеся наружу, прелести девушки.

«Ничего себе не в форме, – восхищенно думал Борис, и предвкушал, какой фурор он произведет среди коллег, когда появится на ежегодном собрании детективов в самом дорогом ресторане столицы вместе с Машей.

– Я ознакомился с вашим досье, – сказал многозначительно Борис, пригубив бокал с бургундским вином.

– Это интересно, – улыбнулась Маша, ослепительно блеснув ямочками и сверкнув зелеными глазами. – Мне самой так хотелось хоть одним глазком увидеть, что же там про меня написано.

– Военная тайна, – улыбнулся Борис, – но одну деталь я могу огласить. Обладает удивительным даром покорять сердца мужчин.

– Спасибо за комплимент, – ответно улыбнулась Маша. – Может быть перейдем к делу?

– Как вам удается убираться с такими художественными ногтями? – спросил Борис.

– Я работаю в перчатках, – ответила Маша. – «Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей»

– «Зачем бесплодно спорить с веком, обычай – деспот средь людей», – продолжил Волошенко.

Маша с удивлением подняла правую бровь.

– Любите Пушкина? – спросила она. – Это не опасно для детектива НАБУ?

– Что вы? – возразил Борис. – Это очень полезно для познания человеческой души. Коррупционеры, ведь, люди, как правило, образованные, с ними нужно вести беседу на одной резонансной волне. Вот, например, мы с вами оказались родственными душами. Готов поспорить, что здесь, в ресторане, никто не знает, кто автор этих строк и из какого они произведения.

Официантка принесла дымящиеся креветки.

Грациозно работая ножом и вилкой, Волошенко продолжил:

– После первой встречи с вами, я долго думал, почему начальник полиции так доверяет простой уборщице.

– Мы с вами увиделись только вчера, – уточнила Маша.

– А мне показалось, что прошла вечность., – расправляясь с кроватью, сказал Борис. – Вы со Снаткиным любовники?

– Вы мучились всю ночь, чтобы это узнать? – распахнула она глаза. – Нет, мы не любовники. Что еще вас волнует?

– Честно говоря, – признался Волошенко, – полковник Снаткин меня вообще не волнует. Можете расслабиться. Меня волнуете вы...

– Мы еще с вами не доели, а вы уже предлагаете мне переспать с вами, – прямо сказала Маша.

– Мне нравится ваша открытость, – похвалил ее Волошенко, вытирая руки мокрой салфеткой. – Так что после ужина едем ко мне?

– Мне тоже нравится, что вы не юлите и не придумываете всякие глупости, чтобы охмурить девушку.

– Я даже готов оплатить вашу уступчивость, – посмотрел Борис прямо в глаза Маши. – Сколько получает уборщица в управлении полиции? Можете умножить свой оклад сразу на десять.

– Я не помню, чтобы я согласилась, – рассмеялась Маша. – Но за такой гонорар половина женщин нашего города простят вам ваше хамство и вашу наглость.

– Я имел в виду совершенно другое, – покраснел и соврал Волошенко. – Я предлагаю вам стать моим агентом под прикрытием. Ваш гонорар составит ту сумму, что я предложил.

– Это что-то новенькое, – сказала Маша играя глазами. –

Вы хотите трахать меня за счет государства?

– А мне нравится ваша наблюдательность, – заметил Волошенко и осушил бокал вина до дна. – Мы можем указать в договоре, что ваша работа на государство не предусматривает оказание интимных услуг.

– Так вы лишаете меня удовольствия спать с такой женщиной, как вы? – посмотрела Маша прямо в глаза Бориса.

«Черт возьми! – вскричал внутренний голос Волошенко. – это же моя женщина. Красивая, умная, искренняя. Хватай ее, Боря, обеими лапами иначе ее завтра же уведет с собой кто-то другой.»

– Мы можем оговорить это в качестве бонуса за успехи в работе, – сострил он, но было видно, что слова Маши, как цветок сквозь асфальт, проросли там, где раньше это было невозможно и они так обрадовали его, что он как мальчишка потерял голову. – Я шучу, – тут же сказал он и положил свою руку на руку Маши. – Соглашайтесь, Маша. Я буду хорошим боссом. А если честно сказать, я просто хочу, чтобы вы постоянно были рядом со мной.

– Это все так неожиданно, – тепло сказала Маша. – Мне нужно подумать.

На следующий день Маша сказала Снаткину, что Борис Волошенко предложил ей стать агентом под прикрытием.

– Это просто удача для нас, – ответил ей Павел Иванович. – Этот пацан как трехслойный осетинский пирог. Его нужно стреножить так, чтобы он не смог от нас отпрыгнуть

в несчастный для нас момент. Если ты решишь с ним переспать, сделай это перед нашими камерами, хотя бы один раз.

Но первый раз Маша переспала с Борисом Волошенко в шикарной миланской гостинице, с утра ходили по магазинам, покупали одежду, обувь, вечером на арендованном фиа-те они поехали в Венецию, переночевали там, пили спиртные коктейли, целовались в гондоле и казались счастливыми. Волошенко на обратном пути в самолете порвал договор о работе Маши в качестве агента под прикрытием и преподнес ей кольцо с бриллиантом.

– Выходи за меня замуж, – просто сказал он.

Ее сердце сжалось от боли.

Он нравился ей, но не более того. Она не могла представить себе их семейную жизнь, его постоянное нахождение под душем, его чудовищную брезгливость, когда ему приходилось салфеткой вытирать горлышко бутылки с минеральной водой, которую она только что пригубила или вытирать свои губы после поцелуя с ней. Она понимала, что это от него не зависит, что это, возможно, болезнь, что он влюбился в нее по-взрослому, что он готов ради нее на многое в этой жизни, но она не готова была сочувствовать его странностям, ей по-прежнему нравилась ее свободная жизнь и связывать ее с Волошенко совсем не входило в ее планы.

– Милый, – как можно нежно сказала она, – мы и так с тобой перед небом муж и жена. Давай не гневить Бога. Давай еще немного проверим наши чувства. Куда и зачем нам спе-

шить? Я – твоя, ты – мой. Что еще нужно нам для счастья?

– Я хочу познакомить тебя с моими родителями, – сказал Борис.

– Нет проблем, – ответила она. – Я готова в любой момент. Маша так и не смогла привести Волошенко в полицейский бордель и заснять секс с ним под самые современные камеры.

А когда микрокамера из аквариума попала к следователю Горпищенко, она позвонила Борису и сообщила ему об этом.

Волошенко тут же явился со спецназом, отобрал микрокамеру, отправился с ней в Киев, написал телегу на прокуратуру, которая незаконно вмешалась в оперативную разработку полковника Снаткина и передал микрокамеру в техотдел. Начальство чуть не целовало Бориса. Все заместители зачарованно слушали рассказ Волошенко о трудностях, с которыми он столкнулся, об успехах агентурной работы и о кознях провинциальной прокуратуры и какого-то следователя Горпищенко.

– Теперь Ржапецкий затаится, как мышь, – сокрушенно говорил Борис. – Все наши успехи коту под хвост.

– Почему? – удивился главный специалист по негласным разработкам. – Без нашей камеры они ничего не смогут доказать. Они сами передадут Снаткина нам, когда поймут, что у них ничего не получится.

«Не дай Бог, – подумал Борис и съежился, представляя себе встречу с полковником.

– А главного судью выдаст нам сам Снаткин на полиграфе. Ты, Борис, проделал огромную работу. В отдел вернуться не хочешь?

– В отдел? – повторил Борис.

– Разумеется, начальником отдела. Ты в Коблевске все организовал, все наладил, передашь людей новому человеку и вернешься к своим товарищам.

– Рано еще, – как можно тверже ответил Борис. – Привезу голову Ржапецкого, тогда и поговорим.

– Завидую тебе, – сказал мечтательно начальник. – Решение твое правильное, пока молод, надо вариться в котле настоящих дел, а протирать штаны можно и на пенсии. Перед отъездом зайди в техотдел и забери покадровую распечатку с микрокамеры, запечатлевшую Снаткина при получении им взятки. И понаблюдай за прокурорскими, чтобы не надумали полковника отпустить. В нужный момент раскадровку передашь вашим местным каналам, чтобы прокуратура не смогла отпрыгнуть ни вправо, ни влево. С Богом!

«Остается только одно, – подумал Волошенко, – грохнуть этого Снаткина, чтобы не путался под ногами.»

Однако в техотделе при передаче Борису пленки скептически помахивали головами.

– Неважное качество? – обрадовался Волошенко.

– Качество изумительное, – сообщил ему один из технарей, – содержание туфтовое. Сам увидишь. Мы, честно говоря, смеялись. Чувак, передающий взятку, требует от пол-

ковника расписку в получении денег. Такого раньше никогда не было.

«Теперь этот жмот Снаткин должен заплатить мне в два раза дороже, – развеселился в душе Борис. – Иначе ни один телеканал не увидит эту пленку.»

Вечером он вернулся домой в приподнятом настроении, но не увидев Машу, он каким-то шестым чувством понял, что она сегодня не придет. Ему нужны были сейчас эти пылающие малахитом глаза, эта удивительная покорность перед ним и одновременно восхищенность его словами и действиями, а самое главное ее потребность в нем, как в единственном на всем свете мужчине, покоровшем ее необузданный характер. Жизнь без Маши теряла все свои прекрасные краски.

Аркадий Кеосаян в течение получаса не мог дозвониться до директора Центрального рынка Порошенко. Нехорошее предчувствие охватило его, когда Порошенко все-таки ответил.

– Где Юра? – спросил Аркадий Порошенко. – Никаких снимков его я не получал.

– Я забыл вовремя подвести им бабки и они, суки, продали его другим активистам, – сообщил Порошенко. – За деньги не волнуйся, я отдам их тебе завтра.

– Что значит продали другим активистам? – взъерошился Аркадий.

– Тут такая загогулина вышла. Наш караим оказывается кого-то из активистов застрелил. А между ними сарафанное радио работает, как часы. Кто-то узнал, что Москаленко кого-то держит у себя. Они приехали и его выкупили. Не отдать его Гена не мог, могла начаться война между ними. Купили его активисты общества «Самозащита». Они ходят под Степаном Овчаренко, нашим мэром.

– Деньги мне не нужны, – глухо сказал Аркадий. – Мне нужен Юра, живой и здоровый. Ты подвязался под это дело, верни мне его. Я не знаю никакого Москаленко. Я деньги дал тебе. Столько, сколько нужно было.

– Ты мне угрожаешь? – спросил Порошенко. – Я хотел те-

бе помочь. И сам уже не рад, что ввязался в это дело. Кстати, за твоим караимом приезжал спецназ СБУ. Они тоже его ищут. Если бы я знал, что здесь пахнет мокрухой, я бы никогда сюда не влезал.

– Что ты лепишь горбатого к стенке? – не выдержал Аркадий и закричал. – Юра – мой бухгалтер, он в жизни живой волюны не видал. Кого и когда он мог застрелить, если все время был в прокуратуре, потом в больнице, потом у твоего Гены. Ты теперь персонально передо мной несешь ответственность за Юру. Ты меня знаешь, я в таких делах беспощаден. Ты, падла, ел, жрал спал за моим столом, а теперь решил меня кинуть?

– Не кипятись, Киса, – ответил нервно Порошенко. – У меня есть знакомый офицер-сбушник, я сейчас ему звякну, попрошу его твоего караима из застенков «Самозащиты» вытащить.

– И куда он его вытащит? Опять в прокуратуру? Мне нужно, чтобы Юра хотя бы на неделю исчез из города. Ты же вроде со Степаном вась-вась был? Реши этот вопрос немедленно.

– Степан и его партия объявили войну губернатору. Хотят площадь Хмельницкого переименовать в площадь Бандеры. Мне сказали, что по этому поводу губернатор завтра собирает военный кабинет. Поверь мне, работать стало просто невозможно. Эти твари играют в войнушки, а мы должны обоих кормить и страдать.

– Твой сбрушник парень с понятиями? – спросил Аркадий, остывая. – С ним можно договориться, чтобы он забрал Юру куда-нибудь на неделю? Я даю еще двадцатку.

– Не надо, Аркан, – сказал Порошенко. – Это я накосячил, буду сам разруливать. Перезвоню тебе, как только найду своего сбрушника.

Порошенко вытер пот со лба и набрал номер телефона Скомороха.

– Василь Васильевич, – радостно поприветствовал он майора. – Я вас не разбудил?

– Наша служба и опасна, и трудна, – ответил Скоморох. – Покой нам только снится. Что ты хотел?

– У меня тут такое дело. Активисты общества «Самозащита» выкупили у Москаленко одного караима, против которого полиция шьет дело. Этот караим родной брат Аркадия Кеосаяна, директора титанового завода. Вы не могли бы помочь его вызволить и увести куда-нибудь на недельку?

– Как фамилия караима, Кеосаян?

– Нет, у них отцы разные, кажется Перман его фамилия, – тут же придумал Порошенко.

– Я всегда говорил, что Земля – круглая, – хмыкнул Василий Васильевич.

– Бабки я готов подвезти прямо сейчас, – сказал Порошенко.

– Сколько? – спросил Скоморох.

– Десятку, – ответил Порошенко.

– Я здесь не один, – ответил Скоморох. – Со мной Ваня Потебенько. Каждому по десятке.

– Крутовато будет, – замешкался Порошенко. – Хотя бы за то, что я дал вам наводку, надо чуток скинуть.

– Ох, не случайно Христос выгонял вас, торгашей, из храма. Сколько ты хочешь себе оставить?

– Ну хотя бы двушку за звонок.

– Тогда мы сейчас разворачиваемся и едем к тебе, – весело сказал Скоморох, отключил телефон и рассмеялся. Затем остановил свой фиат, откинулся на спинку сиденья и сказал задремавшему Ване.

– На ловца и зверь бежит. Говорил же я этому недоделанному Горпищенко, вязать надо срочно Кеосаяна, бить его табуреткой по голове и спрашивать, где деньги.

– Ты что, Васильич, заболел? – испуганно спросил Ваня.

– Мы сейчас получим бабки, потом получим нашего Пермана, потом привезем его на нашу конспиративную квартиру, и не дай бог, выяснится, что он причастен к убийству Петренко. Ей-богу, тебе придется, Ванюшка, меня связать.

– Я ничего не понял, – сказал Ваня, зевая. – Какие деньги, и за что?

– За то, что мы с тобой, очень умные. За то, что на дворе весна, за то, что пришло, наконец-то, и наше золотое время.

Скоморох включил зажигание, доехал до кольца на Херсонской улице, развернулся по кольцу и поехал в обратную сторону к Центральному рынку, где в ста метрах от него рас-

полагался трехэтажный коттедж из белого кирпича с красной черепицей, в котором жил директор Центрального рынка Порошенко.

А в этот момент Порошенко набрал по телефону Аркадия и сообщил ему, что нашел своего приятеля-сбушника, который просит накинуть ему еще десятку.

– Нет проблем, – ответил Аркадий. – Заберите только от этих обезьян Юру.

– Как ты можешь так называть активистов Майдана? – наигранно возмутился Порошенко.

– Я готов извиниться перед обезьянами, братан, – сказал Кеосаян и отключил телефон.

Помещение, в котором находился задержанный полковник Снаткин, являлось кабинетом помощника прокурора Елены Чистяковой, уехавшей в краткосрочный отпуск на свадьбу сына. Поскольку кабинет находился на первом этаже и его окна выходили в пустынный двор прокуратуры, два окна помещения были надежно зарешечены. Все папки и бумаги Чистяковой были спрятаны в ее сейф и большой стол выглядел непривычно чистым. Перед дверью в кабинет дремали четыре охранника. Когда кто-то из них услышал гулкие шаги в коридоре, он тут же окликнул дремавших. Появившийся перед ними следователь Алексей Горпищенко увидел двух стоящих по инструкции военнослужащих и двух сидящих с напряженными от внезапного пробуждения лицами.

– Откройте мне дверь, – приказал Горпищенко.

Один из охранников вытащил из кармана ключ и отпер дверь. Полковник Снаткин спал на письменном столе Чистяковой и даже не реагировал на шум открывшейся двери и шаги вошедшего Горпищенко.

«Как можно спокойно спать в таком положении? – с неприязнью подумал следователь. – У него не нервы, а канаты. Мы, как сумасшедшие, бегаем целый день, чтобы собрать доказательства и предъявить ему обвинение, а он плевать хотел на нас. Пойман, скотина, с поличным, а ведет себя

так, что это его не касается.»

– Добрый вечер, Павел Иванович, – сказал Горпищенко. – Свет вам не мешает?

– А который час? – проснулся полковник и сел, свесивши со стола ноги.

– Пятнадцать минут первого, – ответил следователь.

– Так уже ночь, – протирая узкие глаза, сказал Снаткин. – А чего это вам не спится, Алексей Викторович?

– Да вот решил к вам заглянуть перед тем, как уйти домой. Может, какие-нибудь жалобы у вас имеются или претензии?

– У меня одна жалоба, – сказал Снаткин с помятым от сна мясистым лицом. – Пора меня тоже отпустить домой. Я понимаю, Алексей Викторович, что вы облажались по полной. Но в этом нет моей вины. Фильм об одном дне полковника Снаткина уже смотрели?

– Откуда вы знали о микрокамере? – спросил Горпищенко.

– Это допрос? – вопросом на вопрос ответил Павел Иванович.

– Вам не стыдно спать на столе сотрудника прокуратуры?

– А здесь другого места просто нет. Что, ума не хватило хотя бы раскладушку здесь поставить для офицера полиции?

– Я пришел, Павел Иванович, просто переговорить с вами, потому что знаю вас давно, как образцового офицера полиции, с которым приключилась беда. Я уважаю вас, как многолетнего руководителя правоохранительного органа и хочу,

в некотором роде, помочь вам.

– Не верю, – сказал Снаткин, качая ногами. – Хотел бы помочь, избрал бы мне подписку о невыезде. Ты, Алексей, захотел на моем горбу в рай въехать? Не получится.

– Вы можете сесть на стул? – спросил Горпищенко.

– А какой вообще мне смысл садиться? – двусмысленно спросил полковник, хитро прищутив глаза. – Если я уже сижу.

– Не ерничайте, Павел Иванович, – садясь на стул перед Снаткиным, сказал Горпищенко. – Вы хорошо знаете, что задержаны на семьдесят два часа для производства неотложных следственных действий. Меру пресечения вам будет определять суд. Возможно, суд определит вам домашний арест или залог.

– Что ты хочешь, Горпищенко? Чтобы я написал явку с повинной? Признался в том, чего не совершал? Я этого делать не буду. А тебя предупреждаю. Если завтра я не вернусь на службу...

– Вы никогда не вернетесь на службу, даже, если я сейчас дам приказ вас отпустить. Пресс-служба прокуратуры уже сообщила о вашем задержании, все телеканалы смакуют подробности получения вами ста тысяч долларов, что по меркам наших граждан, является суммой астрономической, депутаты городского совета уже подсчитали, что на сумму вашей взятки можно асфальтировать площадь Богдана Хмельницкого и окружающие ее улицы. Приказом министра вы

отстранены от своей должности до решения суда по делу. Речь может идти только о сделке со следствием. Я даже скажу больше, – наморщил лоб следователь, – вам, в вашем положении сейчас, лучше находиться у нас, чем дома. Активисты «Национального корпуса» хотят утопить вас в городском сортире. За предательство интересов Майдана.

– Ты все сказал? – поморщился Снаткин. – До свидания. Я уже начинаю сочувствовать твоей жене, если она у тебя есть. Такое служебное рвение плохо отражается на потенции.

– Кто снял жучки в полицейском борделе? – невозмутимо спросил Горпищенко. – Кочерга?

– За время моего отсутствия уже организовали в городском управлении полиции бордель? – сделал изумленное лицо Снаткин. – При мне была комната психологической разгрузки. Сам министр похвалил меня за заботу о сотрудниках полиции.

– Если ваша позиция продиктована вам вашим адвокатом, я предлагаю вам немедленно сменить его. Вы не только попадете в тюрьму, но получите неприлично большой срок. В вашем деле адвокаты не нужны. Если мы с вами договоримся, я буду самым лучшим вашим адвокатом.

– Что ты конкретно предлагаешь? – спросил полковник.

– Вы мне сейчас без протокола, устно, расскажете, кто помог вам убрать снимающие устройства из комнаты психологической разгрузки, кто посещал эту. комнату отдыха, у кого они в настоящий момент находятся, кто сообщил вам о

жучке в аквариуме, за что Перман передал вам деньги, и я обещаю вам трехразовое питание, как в ресторане, и условия содержания, достойные офицера полиции. При этом я лично обращусь к прокурору с просьбой передать вас на поруки любым уважаемым гражданам нашего города, которые вы укажете, до решения суда.

– Умоляю вас, Алексей Викторович, – громко рассмеялся Снаткин, – не изображайте из себя доброго следователя. Вам это не идет. Все, я хочу спать. Завтра у меня будет снова тяжелый день.

– Да, – сказал, поднимаясь Горпищенко, – завтра у вас будет, наверное, самый тяжелый день в вашей жизни, потому что вас будет допрашивать майор службы безопасности Скоморох. Я хотел уберечь вас от этого, но вы меня не поняли. Еще не было случая, чтобы подследственные не признались майору в совершении преступления.

– Только передай этому майору, что я откушу ему нос, если он приблизится ко мне ближе тебя.

Горпищенко, не прощаясь, вышел за дверь. Он не хотел себе признаться, что полковнику, который не впал в отчаяние, можно было только позавидовать. «Посмотрим, – сказал он себе, – кто кого завтра обует», но что в этой дуэли он будет на стороне Снаткина, а не Скомороха, он уже знал точно.

Общество активистов «Самозащита» находилось на Лагерном поле, почти рядом с городской тюрьмой, на территории бывшего асфальтобетонного завода. Никакой охраны не было, потому что здание бывшего завода было в состоянии ремонта. Через распахнутые настежь ворота, насквозь прожавленные, видны были бетонные блоки, готовые к установке двери и окна, паркет в специальных ящиках и многое другое, что сопутствует перестройке и ремонту здания. Общество, по-видимому, имело средства для капитального ремонта и намеревалось обосноваться здесь навечно. Скомоух походил по двору, зашел в ремонтируемое здание, прошелся по разоренным кабинетам и вернулся к машине. Двор и здание оказались безлюдными.

– Что-то не похоже чтобы они здесь держали Пермана, – сказал он Ване. – Настоящие обалдуи. Ремонтируют здание, завезли стройматериалы и не наняли даже сторожа.

– Да кто сюда пойдет, кроме нас? – поживаясь, ответил Ваня. – Темно, как у негра в жопе. И еще забор тюрьмы нависает.

– Этот гандон Москаленко специально направил нас сюда. Он знал, что здесь никого не будет. Дал им время перепрятать Пермана.

– Деньги придется вернуть? – расстроено спросил Ваня.

– Украинский офицер никогда никому ничего не должен, Ваня. – сказал Скоморох. – Этот торгаш уже заработал на нас двушку, за две минуты. Пусть только попробует пикнуть. Я его привлеку за содействие к организации похищения государственного преступника. А ведь я знал, что начинать надо с Кеосаяна. Это он зарядил нашего агента Порошенко на похищение Пермана. О чем это говорит? Это доказывает, что Кеосаян фактически является взяточдателем или организатором преступления. Перман – посредником. Полковник Снаткин взяткополучателем. Теперь перед нами ставится вопрос: почему они избрали такой сложный путь передачи взятки? Фиктивное оформление купли-продажи акций завода. Я тебе скажу, почему. Эти недоумки не учли одного, Ваня, что за дело возьмемся мы с тобой, офицеры службы безопасности. Вопрос второй: почему Снаткин брал взятку в своем рабочем кабинете, который, по сути, является проходным двором и просвечивается жучком с радиусом обзора триста шестьдесят градусов? Потому что хитрожопый Снаткин, знал, что микрокамера станет доказательством его невиновности.

– Но жучок ставил не Снаткин, – пробурчал Ваня. – А этот напмаженный хер из НАБУ.

– Ты, Ваня, просто аналитический центр, – похвалил коллегу Скоморох. – Надо присмотреться к этому Волошенко. Кто мог его сдать Снаткину? Надо будет прочесать его окружение и внедрить в него агента.

– Я бы поставил на Машу, – предложил Ваня, подумав.

– Машуня – прирожденная стерва, – с лаской в голосе сказал Скоморох. – Волошенко – самовлюбленный самец. Хорошо было бы свести их друг с другом и завербовать этого Волошенко. В конце концов служба безопасности должна знать, что происходит в недрах этой безумно закрытой организации.

– Ты – стратег, Васильич, – восхищенно произнес Ваня. – Как ты думаешь, за штуку баксов эту Машу можно снять?

– Ты видел ее ногти? – спросил Скоморох. – Ее платье, в котором она работает? Маша, птица дальнего полета. Боюсь, как бы ее не трахал сам губернатор. Иметь такого агента, как Маша, хотел бы даже Джеймс Бонд. Да, красавица Маша, но не наша.

– А за две штуки? – не унимался Ваня.

– Ты бы лучше подумал, как нам найти руководителя общества «Самозащиты». Уже час ночи, а мы стоим у тюрьмы и строим воздушные замки. Я сегодня вытрясу из этого сраного полковника Снаткина информацию, кто ему сдал старшего детектива НАБУ.

– Позвони опять Москаленко и спроси его фамилию руководителя этой общины, – сказал Ваня, позевывая. – Или поедем по домам, а утром к нему заявимся.

– Да утром наш Перман уже может оказаться в Израиле, – предположил Скоморох. – Мы должны его добыть до утра, иначе придется полковника отпустить, а нас на его место по-

садить.

Василий Васильевич набрал номер телефона Москаленко.

– Вам больше делать нечего, – разорался Москаленко. – Если у вас шило в заднице, при чем здесь я? Подарить вам часы, чтобы знали который сейчас час?

– Чего ты раскудахтался, Гена. Если бы ты направил бы нас по правильному адресу, мы бы тебя не беспокоили. Мы стоим на улице Лагерное поле один, а здесь никого нет.

– При чем тогда я? – кипятился Гена.

– Не надо было отдавать Пермана неизвестно кому, – назидательно сказал Скоморох, – и из больницы не надо было его вытаскивать. Если, Гена, мы не найдем сегодня Пермана, ты у меня станешь обрезанным караимом. Легче всего пугать москалей на Украине. Короче, как зовут руководителя «Самозащиты» и где он живет?

– Где живет, не знаю, – ответил Москаленко. – А зовут его Недобойко Остап Тимофеевич, кстати, бывший ваш коллега, – подколот Скомороха Гена.

– Остап Тимофеевич, Гена, мой бывший наставник, – облегченно рассмеялся Скоморох. – Спокойной ночи, Гена.

– И вам не хворать, – ответил Москаленко.

– Как-то неудобно ехать так поздно к бывшему полковнику СБУ, – неуверенно сказал Ваня.

– Неудобно спать на потолке, – бодро ответил Скоморох. – Этот Недобойко в свое время хорошо поиздевался над нашим братом, салагами разведки. Мы, Ваня, при исполнении

служебных обязанностей, а Остап Тимофеевич хер знает чем занимается на пенсии. Да и много спать бывшему офицеру вредно.

Скоморох провернул ключ в замке зажигания, включил ближний свет и вывел автомобиль с обесточенной темной улицы на освещенный проспект Бандеры.

Полковник в отставке Недобойко Остап Тимофеевич вышел к автомобилю в пижаме и тапочках в наспех наброшенном на себя плаще.

– Что за срочность? – сказал он, садясь в машину. – А это ты, Василь? – узнал он Скомороха. – Остался бы учителем истории, сейчас бы спал в обнимку с женой.

– Тут такое дело, – обернулся к нему Скоморох. – Вы возглавляете общество «Самозащита»?

– Да, возглавляю, – подтвердил Недобойко. – Ты же знаешь, что офицер службы безопасности на пенсию не уходит. Надо сшивать страну. Вот я и продолжаю трудиться на идеологическом фронте. А что случилось?

– Ваше общество вчера получило от общества «Москоляку на гиляку» гражданина Пермана.

– Ну и что? – насторожился Недобойко. – Во-первых, не получило, а выкупило за двадцать тысяч баксов у этих босяков, которые шныряют по кафе и ресторанам в поисках официанток, плохо говорящих на мове, а во-вторых, стоило ли ради этого будить меня ночью, чтобы установить данный факт? Ты, Василий, как был сельским училкой, так и остал-

ся им. Я всегда был против набора офицерского состава из смежных профессий. Профессионалами вы так и не стали, а гонору выше крыши.

– Вы выкупили убийцу активиста «Национального корпуса» и добровольного помощника службы безопасности Петренко.

– Ты в своем уме, Вася? – загрохотал полковник Недобойко. – Мы выкупили гражданина Украины еврейского происхождения Пермана из лап антисемитского подполья. Это у тебя они борются с москалями, а по моим данным, это агентура Кремля, которая стремится обгадить нашу страну в глазах Запада. Слава Богу, что у нас в городе появился, наконец, мэр-патриот, который срывает замыслы наших врагов.

– Я рад, что гражданин Перман находится у вас, – сухо сказал Скоморох. – Сейчас мы с вами поедем туда, где этот Перман находится, и вы передадите его нам.

– Ты, Вася, случайно не заболел? – злобно сказал полковник в отставке. – Или у тебя есть полтинник? За пятьдесят тысяч баксов мы можем, скрепя сердцем, отдать тебе Пермана и ни одной копейкой меньше.

– Здесь торг неуместен, – сказал Скоморох. – У нас есть предписание немедленно вернуть гражданина Пермана в прокуратуру. Он проходит свидетелем по делу полковника Снаткина. Я надеюсь, вы слышали о деле полковника полиции?

– Слышал, – сказал полковник в отставке Недобойко. –

Бедный Паша подскользнулся на ровном месте. Я так думаю, что вы оба входите в оперативно-следственную группу?

– Так точно, – звякнул зубами Ваня.

– Сожалею, но ничем вам помочь не могу, – сказал Остап Тимофеевич. – Дело имеет международный характер. Сообщу вам конфиденциальную информацию. У нас есть договор с международной кампанией «Сионские мудрецы», которая занимается выкупом евреев на территории Украины, которым грозит опасность от антисемитских акций. За каждого такого еврея они платят тридцать тысяч долларов. Этим соплякам от Москаленко нам пришлось отдать двадцать штук. Если мы бесплатно отдадим вам Пермана, мы проколемся на полтинник, это раз, а во-вторых нас ожидает грандиозный скандал и разрыв договора с миллионной неустойкой, на что руководство нашей партии «Самозащита» никогда не пойдет. Кроме того, представьте себе политический ущерб, который ощутит наша страна, если Перман из рук бандитов попадет в руки других бандитов, но уже в форме.

– Я бы попросил вас выбирать выражения! – потребовал Скоморох.

– Кто? Ты? – взбеленился Недобойко. – Да ты настоящий душегуб! Ты думаешь я не знаю, как ты выбиваешь признания? Сколько бомжей ты покалечил и убил на глазах подзреваемых, чтобы вырвать у нормальных людей признание от ужаса, который они пережили, и желания поскорее все забыть? По роду своей деятельности, Василь, ты имеешь дело

с людьми по сути не криминальными, так называемыми коррупционерами, которые, кроме долларов, ничего в жизни не видели. А попробовал бы ты покалечить или убить бомжа, допрашивая, скажем, меня. Я бы с тебя, скотины, на месте сдернул бы кожу. Не ради бомжа. А просто, чтобы показать тебе, что твои методы рассчитаны только на ссыкунов.

– Если не отдадите мне Пермана, – плотоядно улыбаясь, сказал Скоморох, – я арестую вас за торговлю людьми, это раз, и руки обломаю уже не бомжу, а бывшему полковнику, резиденту вражеской разведки, окопавшемуся в наших рядах.

– Я сейчас позвоню Ивану Червоненко, – сказал отставной полковник Недобойко, – чтобы он знал, как его подставляют подчиненные.

– При чем здесь Червоненко? – замешкался Скоморох. – Он, что, в доле этого гешефта?

– У нас с тобой, Вася, разговора не получилось, – сказал, успокоившись Недобойко. – Пермана ты не получишь, потому что он уже сидит в своей синагоге и ест кошерную еду, – соврал полковник в отставке. – А обыскивать синагогу тебе ни один украинский суд не позволит. Тем более входить в нее ночью. Но учитывая, что я по старой дружбе разоткровенничался с тобой, у меня есть предложение. Я не звоню Ивану и ничего ему не говорю, а ты не видел меня и забыл о моем существовании.

– Самое смешное, что я знал, что он находится в синаго-

ге, – горько признался Скоморох. – Мне об этом рассказал врач Перельман. А мы ему не поверили. Подумали, что он шутит.

– Будешь ломать Снаткина, передай ему от меня привет, – попросил Недобойко и вылез из машины.

– С каким бы удовольствием я прострелил бы ему яйца, – сказал, щелкнув зубами Ваня вслед полковнику в отставке.

– Не странно ли, что дважды нас останавливают и пугают нашим начальником Червоненко, – раздумчиво, сказал Скоморох.

– Может Червоненко тоже агент Кремля? – спросил Ваня. – Надо будет присмотреться к нему.

– Не дай Бог, если он вдруг присмотрится к нам, – сказал Скоморох. – Но приказ Горпищенко о доставке Пермана в прокуратуру никто не отменял. Надо ехать к раввину, моему будущему свату, подрезать ему пейсы и привести в божеский вид.

– Но не сейчас же, – взмолился Ваня. – Я хочу домой.

– Я отвезу тебя домой, Ваня. А у меня настоящие дела только разворачиваются. Давно я хотел встретиться с жидовским попом. Вот и случай подвалил. У меня к нему есть неоплаченный должок.

Полковник в отставке Недобойко вошел в свою квартиру, поднял телефонную трубку и отдал распоряжение о немедленной отправке товара в Одессу.

– По прибытии в Одессу доложите мне лично, – приказал

он и положил трубку на место.

Иван Трофимович Червоненко, начальник службы безопасности Коблевской области, до пятнадцати лет носил фамилию Либерман и звали его в семье Мойшей. Все изменилось в его жизни после того, как однажды в квартиру Либерманов настойчиво позвонили и в двухкомнатную квартиру на девятом этаже девятиэтажного дома на улице Космонавтов вошел сухопарый старик, с длинными усами, которые были ниже подбородка, с живыми серыми глазами и в дорогом заграничном костюме. Старика сопровождали трое мужчин в серых плащах и настороженных лицах. Двое из них сразу же вышли и стали у входа в квартиру. Третий снял серую шляпу и помахивая ею перед собой, начал представлять обитателей квартиры, замерших в страхе.

– Это ваша внучка, Иван Трофимович, Регина Либерман, ее муж Иосиф Либерман и ваш правнук Михаил Либерман. У вас, Иван Трофимович, на все-про-все, один час. Наши люди перекрыли входы и выходы из подъезда, так что секретность вам обеспечена полностью.

– Спасибо, – склонил голову старик. – А дальше я хотел бы объясниться с членами моей семьи сам.

– Разумеется, – согласился мужчина и вышел на лестничную площадку.

– Ну, здравствуйте, дорогие, – сказал старик, вынул шел-

ковый платок и вытер намокшие от слез глаза.

– Здравствуйте, – ответил только правнук Миша.

Его родители от страха и неожиданности не могли вымолвить ни одного слова.

– Давайте знакомиться, – предложил Иван Трофимович. – Никто из вас, правда, меня никогда в глаза не видел. Регина, – взглянул он на мать Миши, – вылитая моя дочь Софа. Я бы тебя узнал в тысячной толпе. А Мойша похож на своего отца, как будто оба выбиты из одного куска камня. Иосиф, по моим данным, специалист по ремонту холодильников. Отличная профессия.

Иван Трофимович протянул руку Иосифу. Тот долго тряс ее, не зная, что делать дальше.

– Может быть, присядем? – спросил Иван Трофимович.

– Да, конечно, – ожила внучка Регина, полная сорокалетняя женщина с гладкопричесанной головой. – присядем. Я приготовлю чай.

– Времени у нас не так много, чтобы чаи распивать, – сказал Иван Трофимович, приглаживая усы. – Поэтому, садитесь, я, так сказать, вам представлюсь.

Вся семья в недоумении села вокруг стола, накрытого белой скатертью.

– Когда-то, – начал издавека Иван Трофимович, – меня звали Мойша Пинхусович Вайсман. Тогда, – он обвел всех рукой, – никого из вас не было. Но дело не в этом. Дело в том, что когда-то я работал бетонщиком на стройке, и однажды

рассказал в обеденный перерыв анекдот о советской власти. Приходит в еврейскую семью после революции оперупонимоченный ЧК и спрашивает главу семьи Якова, а правда, что до революции вы приторговывали золотишком. Правда, говорит глава семьи. Может быть, у вас схоронилось золотишко, так вы отдайте его нам потому что у нас нет денег для строительства социализма.

Хорошо, говорит Яков, но я должен посоветоваться с женой Сарой. Через несколько дней Якова вызвали в ЧК и спрашивают, ну что же вам ответила Сара. Сара, говорит Яков, у меня мудрая женщина. Она сказала, нету денег, нехер строить. Никто из членов семьи Либерман не только не рассмеялся, но и не улыбнулся.

– Может быть, я разучился рассказывать анекдоты, – виновато сказал Иван Трофимович. – Или вы боитесь меня?

– Я все-таки принесу чай с сушками, – снова предложила Регина.

– Ну давай, может чай нас оживит, а то вы все, как замороженные.

Регина принесла дымящийся чайник, связку бубликов, стаканы в железных подстаканниках.

Иван Трофимович пригубил стакан и сказал:

– Такого крепкого и вкусного чая я не пил давно.

– Может еще добавить сахара? – спросила пунцовая Регина. – Нам хватает две ложечки, а вам, наверное, не сладко.

– Все отлично, – сказал Иван Трофимович. – И дым Оте-

чества нам сладок и приятен. – Так вот, – продолжил он, – все посмеялись от души, как это часто бывает, а ночью меня арестовали. Через день меня вызвали к следователю Бронштейну. Он был в очках, пил постоянно густой, как кофе, чай и что-то писал. Так прошло часа полтора. Наконец он закончил писать, сложил все листочки в папку и внимательно посмотрел на меня.

– Мойша Пинхусович Вайсман? – спросил он меня, прихлебывая чай. Я махнул головой, мол, да. – Почему вы так не любите Советскую власть? – спросил он. – С чего вы взяли? – ответил я. – Я очень уважаю Советскую власть.

– Послушай меня, Мойша, – сказал он. – Мне еще нужно допросить двенадцать человек. Хочешь, я дам тебе один хороший совет?

– Хочу, – ответил я.

– Тогда подпиши все бумаги, что я написал и вернешься в камеру здоровым и счастливым. В противном случае, – он отставил в сторону стакан с чаем и снял очки, – ты все равно подпишешь все мои бумаги, но уже ослепнув и плавая в собственной крови. Ты же не хочешь умереть инвалидом?

– Я вообще не хочу умирать, – сказал я ему.

– Никто не хочет умирать в твоём возрасте, – сказал он. – Запомни, Советская власть, создана для простого народа и должна быть беспощадна к его врагам, таким, как ты. У тебя на раздумье пять минут.

Я не читая подписал все бумаги, что были в папке.

После этого следователь Бронштейн вынул из стола газетный сверток, развернул его и меня обдал чесночный запах кровяной колбасы.

– Это свиная кровь, – сказал он. – Будешь есть?

– Конечно, – сказал я, чувствуя тошноту от наступившего голода.

Он нарезал для меня три кусочка, отломал горбушку хлеба, встал и принес мне чай.

– Молодец, – сказал следователь Бронштейн. – Все эти сказки о кошерности придумали еврей-эксплуататоры.

Я поел кровяную колбасу с хлебом с большим удовольствием. Мне кажется, что я больше никогда в жизни так вкусно не ел. Правда, твой чай, Регина, гораздо вкусней, чем тюремный.

Регина и Иосиф переглянулись друг с другом и снова уставились в лицо старика.

– Следователь приказал отправить меня в камеру и на прощание пожал руку. Три дня до суда, что я находился в камере, я благодарил Бога, что мне попался такой умный и добрый следователь. Каждый час в камеру приносили полутрупов или людей, настолько обезображенных и искалеченных, что было странно, как они не умерли прямо на допросе. Некоторые все-таки умирали под утро. Стоны и крики стихали и это означало, что человек умер. Тогда кто-то из живых и не допрошенных, стучали в дверь, входили такие же полутрупы с синими от побоев лицами и выносили уже

настоящие трупы.

Суд находился в соседней камере. Трое людей с безумными от усталости глазами штамповали приговоры.

– Гражданин Вайсман? – спросил тот, что сидел посередине, худой, даже можно сказать, изможденный человек, постоянно кашляющий в носовой платок, отчего тот становился розовым.

– Да, – сказал я бодро.

– Вы обвиняетесь в организации покушения на товарища Кагановича и товарища Ворошилова.

– Чего? – изумленно спросил я. – Где товарищ Каганович, а где я?

– Понятно, – сказал он и прокашлялся. – Подойдите к столу. Посмотрите, это ваша подпись?

– Моя, – сказал я.

– Так чего вы выпендриваетесь? – сказал один из судей. – Вы подписывали бумаги добровольно? Или на вас оказывалось давление?

– Бумаги я подписывал добровольно, – согласился я, – но товарища Кагановича и товарища Ворошилова я не хотел убивать.

Судьи на месте о чем-то посоветовались, встали, и крайний слева произнес: Мойша Пинхусович Вайсман приговоривается к высшей мере наказания – расстрелу.

Я не упал в обморок только потому, что мне стало почему-то смешно. Все казалось неестественным и не страшным

и даже забавным.

Меня снова увели в камеру, я был здоров, мне было двадцать пять лет, я был женат и у меня за два месяца до ареста родилась дочь Софа.

Через неделю в мою камеру привели и бросили следователя Бронштейна. У него были переломаны ноги и руки, выбиты все зубы и не видно было глаз из-за кровавого мессива, в которое превратилось его лицо. Он не мог говорить и только хрипел. К утру он умер.

Это, так сказать, предыстория, а история началась в тюрьме, когда стали приводить приговор в исполнение.

Иван Трофимович перестал говорить и оглянул окаменевшие фигуры за столом.

– У меня такое впечатление, что я попал в круг глухонемых и слепорожденных. Я шестьдесят лет мечтал о встрече с вами, а вы, видно, даже не рады мне.

– Просто все так неожиданно, – промямлила Регина. – Хотя бы нас заранее предупредили.

– Не обращайтесь внимания, Иван Трофимович, – проснулся Иосиф Либерман. – Мы вас внимательно слушаем.

– А ты, Мойша, – погладил рукой по голове правнука старик, – слушаешь или о друзьях мечтаешь?

– Слушаю, – ответил Миша.

– Так вот, выводят меня в первый раз из камеры и ведут по коридору к стене, которая облицована дополнительным слоем кирпича и оббита фufайками, чтобы пули не сдетони-

ровали. Я даже не знал, что живу последние минуты. Подвели меня к стене и вдруг наступила тишина. Я жду несколько минут. Молчание. Я оборачиваюсь и вижу лежащего за мной офицера с пистолетом в руке. И тут из боковой двери выскакивают врач с охранниками и бегут к офицеру с криком: что здесь случилось? Я сам не понимаю, что случилось, а врач кричит, что офицер мертвый. Меня уводят в камеру, проходит несколько дней. Камера, как обычно, без окон. Поэтому непонятно, день или ночь на дворе. Отворяется дверь, меня вызывают снова. Опять идем к той стене. Но за мной уже идут два офицера. Приказывают остановиться у кирпичной стены и не оборачиваться. Я жду. Проходит несколько минут. Тишина. Я оборачиваюсь. Два капитана лежат на бетонном полу без движения. Снова выскакивает врач, констатирует смерть обоих и со страхом смотрит на меня. А я сам не понимаю, что происходит. Через сутки меня выводят восемь рядовых во двор, ставят лицом к забору и сержант дает приказ «пли». Опять наступает тишина. Все солдаты и сержант валяются на земле. У всех солдат диагностируется инфаркт миокарда в тяжелой форме, а сержант уже не дышал. После этого меня привели к начальнику тюрьмы, который замахнулся на меня дубинкой со свинцовой головкой. Дубинка выпала из его рук не дойдя до моей головы, а начальник тюрьмы был парализован на месте. С этого дня меня стали звать «Неприкасаемый». Все отказывались исполнить приговор суда. Из другого города специально привезли опытно-

го расстрельщика. Теперь меня должны были расстрелять из квадратного деревянного окна, когда я буду проходить мимо. Считалось, что я гипнотизер и мне нельзя смотреть в глаза. Как случилось, что опытный палач выстрелил себе в висок, мне непонятно до сих пор. На следующий день меня вывезли из тюрьмы в управление министерства государственной безопасности.

– Мойша Пинхусович, – сказал мне майор МГБ, – есть предложение изменить вам приговор со смертной казни на двадцать пять лет. Если вы не возражаете, нужно подписать бумагу с просьбой о помиловании. Я подумал, что двадцать пять лет мучений гораздо хуже, чем мгновенная смерть и отказался от помилования. Тогда они решили, что меня должны убить уголовники. Не стесняясь моего присутствия, они, три офицера МГБ, дали распоряжение перевести меня в камеру для уголовников и там привести приговор в исполнение.

– Не может быть, чтобы он был заговоренным, – сказал майор, похожий на пирата, с черной повязкой на правом глазу. – Мы – материалисты. Мы не верим в чудеса. Все, что с ним было, это случайное сочетание обстоятельств. Молись, Мойша, своему Богу, чтобы он принял тебя к себе без экцессов. – посоветовал он мне. Вечером ко мне в камеру вошел мой будущий убийца. Огромный человечище весь синий от наколок. Он успел только ослабиться и вынуть тесак, как его горло сузилось, как горлышко бутылки и он

умер от нехватки кислорода. Когда в управлении МГБ об этом узнали заключенные, начался стихийный бунт. Меня вывезли в Москву и определили в закрытую психиатрическую больницу. Я сам был в недоумении, пока мной не заинтересовались органы внешней разведки. Примерно полгода со мной вели предварительные переговоры, изучали мои повадки, мой характер и так далее. Как видно, я им подошел и со мной начал работать специальный психолог или психиатр. «Действительно, – говорил он, – если суждено утонуть, никогда не повесишься.» Меня всегда смущали рассказы о египетских казнях и чудесном освобождении евреев из плена, но сам факт того, что меня не смогли убить трижды, навел на мысль, что где-то там, непонятно где, кто-то назначил мне другую роль в этой жизни, нежели преждевременная смерть, и в связи с этим чудом, библейские описания уже не казались мне такими фантастическими. Вскоре меня перевели в пансионат под Москвой, где у меня была отдельная комната, книги и распорядок дня, который нельзя было нарушать. Поскольку я родился в селе Новая Петровка, где из евреев была только моя семья, я с детства разговаривал на южноукраинском диалекте также хорошо, как и на идиш. Мне уже было тридцать три года, окончилась уже вторая мировая война, когда осенью сорок седьмого года в мою комнату зашел майор министерства госбезопасности Аленичев. Он сообщил мне, что моя семья еще до войны получила сообщение о том, что приговор в отношении меня приведен

в исполнение, что жена моя вторично замуж не вышла, что она и дочь эвакуировались в Пермскую область, живы и здоровы и собираются вернуться в город Херсон, где мы жили до войны.

– Хотите начать новую жизнь с чистого листа? – спросил меня Аленичев.

– Что вы имеете в виду? – осторожно спросил я.

– Вы отлично говорите на украинском языке, – просто сказал он. – А Мойша Пинхусович Вайсман уже восемь лет как похоронен на тюремном кладбище. Шесть миллионов ваших соплеменников немцы сожгли в газовых печах. Наш отдел ведет расследование по предателям родины среди украинских буржуазных националистов. Многие из них оказались в Канаде и Западной Германии, многие еще не разоблачены здесь, у нас. Не хотите помочь Родине и одновременно отомстить за смерть наших граждан?

– А что я должен сделать? – спросил я.

– Опять сесть в тюрьму, – сказал майор, улыбаясь.

– Вы это серьезно? – удивился я и расстроился. – Я не хочу снова в тюрьму.

– Я пошутил, – сказал Аленичев. – Мы хотим, чтобы вы дали согласие на работу в качестве нелегала. Вы будете зачислены в наш отдел и первое время всю вашу деятельность только я буду курировать. Мы даже придумали вам биографию с новой фамилией и именем – отчеством.

– А в чем заключается работа нелегала? – спросил я.

– Сейчас слишком рано об этом говорить. Хотите помочь Родине отыскать и наказать скрытых фашистов и их пособников?

– Хочу, – сказал я, хотя не представлял, как я могу это сделать. Фактически я восемь лет находился в изоляции. Мне хотелось уже какой-то определенности.

– Тогда оформляем все необходимые документы, – предложил Аленичев и я оказался на курсах подготовки разведчиков-нелегалов.

Я подписал документ, в котором было указано, что я никогда в своей жизни не увижу свою жену и дочь и не буду к этому стремиться. А взамен этого мое дело будет пересмотрено, я буду оправдан, а моя жена и дочь будут получать пенсию за смерть кормильца.

В течение года я изучал фотографии лидеров украинских националистов, сотрудничавших с немцами, участвовавшими в акциях Бабьего Яра, в уничтожении тысяч евреев во Львове перед приходом гитлеровцев, в событиях Хатыни и других городах страны и оставшимися безнаказанными. Я освоил приемы дзюдо, научился попадать с пистолета в «десятку», приготавливать яды, которые имитируют смерть от сердечной недостаточности, улыбаться, когда сердце разрывается от боли и тоски, выучил наизусть трактаты видных теоретиков украинских националистов.

Весь последующий год я жил и трудился в одном бараке с осужденными за коллаборационизм украинцами в лагерях

мордовии. Мы собирались отдельной группой, пели украинские песни, проклинали москалей и мечтали о независимости Неньки.

Кстати, среди них многие были совестными людьми, работавшими на немцев по совершенно разным жизненным обстоятельствам. Живя с ними бок о бок, я каждый день впитывал в себя идеи независимости, привычки, пословицы и поговорки. Обзаводился рекомендациями, связями. Каждый год меня переводили в новый лагерь, где я начинал дружить с ходу с осужденными националистами. Меня рекомендовали друг другу, как надежного и преданного украинского националиста. Естественно, что все наши споры, мысли, проекты передавались мною через заместителей начальников лагерей по оперативной работе моим кураторам в центре. Иногда мне приходилось добиваться освобождения лидеров местных ячеек от тяжелой, измощающей работы, тем самым, спасая им жизнь. Через несколько лет меня знали практически все осужденные украинские националисты от Мордовии до Сахалина. Они доверяли мне свои письма, книги, рукописи. Лагерная почта задолго до моего появления там знала, что Червоненко Иван Трофимович является нестигаемым борцом с Советской властью и готов отдать жизнь за свободу и независимость Украины. Мой приговор за антисоветскую деятельность и поддержку бандеровского движения к двадцати пяти годам лишения свободы без права помилования был пропуском в святая святых подпольных лагерных

групп. Так шла моя подготовка к побегу через пролив Лаперуза в Америку. Вместе со мной должны были бежать еще три украинских националиста. В день побега нам специально поручили работу вне лагеря, очистить от ила три баркаса, подлатать их днище, покрасить. Нас охраняли трое охранников с собаками. Работа шла медленно, баркасы были тяжелыми, собаки лаяли, не переставая. Старший охранник предложил нам проверить один из баркасов, спустить его на воду и пройти на нем вдоль берега. Мы переглянулись с товарищами, и начали тащить по песку с галькой к реке большую деревянную лодку.

– Только не дурить, – приказал нам охранник. – У меня приказ расстрелять вас на месте, если что-то пойдет не так.

– Угу, – сказал я и подмигнул жилистому худому, но невероятно сильному и характером, и руками Тарасу.

Я знал, что стрелять будут поверх наших голов, что четыре человека на веслах смогут через пятнадцать минут скрыться за горизонтом. Пока будут стрелять, пока добегут до лагеря, пока сообщат о побеге пограничникам, мы должны будем уйти в нейтральные воды.

Мы спустили баркас на воду, остановились на несколько мгновений, стерли пот со лбов, сплюнули в воду, закурили, стоя в ботинках по щиколотке в воде. Мне надо было точно знать, готовы мои товарищи к побегу или мне только это показалось.

– Ну что? – спросил я, выбросив бычок в реку. – Готовы?

– Готовы, Иван Трофимович – хором ответили заключенные и полезли в лодку.

Мы с Тарасом оттолкнули баркас от берега и запрыгнули в него. Никто ничего никому не говорил. Мы действовали молча, зло, слаженно, как будто обсуждали каждое движение задолго до этого момента.

Старший охранник щурился под ласковыми лучами садящегося солнца, курил, держал на поводке овчарку, скалившую зубы. Двое других смотрели на нас, выставив автоматы, готовые к стрельбе. Мы медленно поплыли вдоль берега, как требовал старший наряда. Лодка потихоньку удалялась от группы людей с автоматами и собаками.

– Теперь вертай назад, – крикнул старший охранник.

– Семи смертям не бывать, а одной не миновать, – зло сказал я и мы надели на весла со всем азартом и силой. Раздались автоматные очереди. Пули летели со свистом то мимо, ныряя в воду, то уходили в небо и пропадали там. Через пять минут гребли мы поняли, что нас уже не достанут. И тогда Тарас счастливо и с упоением запел:

Дивлюсь я на небо та й думку гадаю, чому я не сокіл, чому не літаю, чому мені, Боже, ти крила не дав...

Мы пели и плакали, мы гребли против волн, не чувствуя ладони рук. Земля неволи нашей, такая большая и неприветливая, становилась все меньше и меньше. Я знал, что мы должны попасть в срединное течение, которое вынесет нас в нейтральные воды. Поэтому нужно было не жалеть себя. У

нас не было ни еды, ни воды. И только у меня в кармане тюремной фуфайки случайно, находился, сложенный в четверо и заметно пожелтевший от времени, мой приговор.

Через два дня нас, голодных, холодных, обезвоженных и обессиленных, но счастливых, подобрал японский пограничный катер. А когда они передали нас американским военным и те перевели на английский мой приговор, к нам прилетели руководители украинских землячеств, привезли вкусную еду, одежду, деньги. Так началась моя нелегальная американская жизнь. Между прочим, я один из тех, кто жал руку Степану Бандере, кто внедрил в его окружение его убийцу, кто сдал американским властям организаторов погрома во Львове и Одессе и Киеве, кто сдал суду в Америке негодяев, которые участвовали в уничтожении людей в нацистских лагерях смерти, кто передал Советскому Союзу информацию о зондеркоманде в Хатыни. О многом я не могу вам рассказать и теперь, а многое не будет раскрыто никогда.

Зачем я все это вам рассказываю? Просто потому, что мне осталось жить совсем немного. В Советский Союз я уже не вернусь. А в Москве у меня пустует трехкомнатная квартира на Калининском проспекте и гараж с белой «Волгой». Кроме вас, у меня никого на этом свете не осталось. Единственное условие, которое вы должны будете выполнить, это сменить фамилию на Червоненко, а мой правнук должен быть Иваном Трофимовичем. Ради этого мне помогли найти вас. Ради этого я приехал сюда, несмотря на свой преклонный возраст.

В комнате повисла тягостная тишина, которую нарушил отец Миши.

– Понимаете, Иван Трофимович, – сказал он, – у меня здесь хорошая работа, Регина тоже работает в школе, преподает немецкий язык.

– В Москве, – улыбнулся старик, – тоже нужны специалисты по холодильным установкам и учительницы немецкого языка.

– А как на это посмотрят родители Иосифа? – спросила Регина.

– Мои родители? – вскричал Иосиф. – Да они спят и видят, чтобы кто-то из нас стал русским. Ты не видишь, что творится вокруг?

– А что творится? – возмутилась Регина. – У нас все нормально. Мы не воруем. Нам бояться нечего.

– А о Мише ты подумала? – наступал Иосиф. – В институт принимают только три процента евреев. А если он окажется за пределами этих трех процентов?

– Ты не заканчивал институт, а живешь не хуже инженера, – возразила Регина. – И вообще, как это все будет?

– Будет все очень просто. Вам выписывают все необходимые документы, вы оставляете этот город и эту квартиру, переезжаете в Москву, получаете работу, а Иван идет в специальную языковую школу. Я хочу, чтобы он стал дипломатом.

– А кто вы такой, что нам так просто все сделают? – недоверчиво спросила Регина. – Вы уедете, а нас потом выбросят

на улицу.

– Я никогда ничего не просил у властей, но эту операцию я предварительно согласовал с очень важными людьми. Они мне не отказали. Поэтому я здесь. Конечно, вы можете не менять свою жизнь, но тогда второго шанса у вас в жизни не будет.

– А почему мы должны менять фамилию и имя? – спросила Регина. – Мы ничего плохого не сделали. Зачем нам от кого-то скрываться?

– За время работы с украинцами я обнаружил, что в целом это удивительно прекрасный, талантливый и обаятельный народ. Я даже скажу одну вещь, но вы меня не выдавайте, я тоже проникся идеей свободной Украины. Эта земля может прокормить весь мир. Мне кажется, что лет через сто, украинцам будут завидовать другие народы. Я, по рождению еврей, чувствую себя больше украинцем, чем чистокровный хохол. Так сложилась моя жизнь. И у меня есть мечта, чтобы мой род продолжился под фамилией Червоненко. Я находил и сдавал не националистов, а нацистов, руки которых по локоть были в крови.

– А какая разница между нацистами и националистами? – спросила Регина.

– Националисты любят свой народ, а нацисты ненавидят другие народы.

– Мне тоже нравится фамилия Червоненко, – загорелся Иосиф. – С такой фамилией я бы уже давно работал началь-

ником нашего комбината бытовых услуг.

– А ты что думаешь? – обратился старик к правнуку.

– Я – как скажет папа.

– Умница, – похвалил его Иван Трофимович, взглянул на часы и поднялся.

– Я так думаю, что вы генерал? – спросил, оживившись Иосиф.

– Я самый главный украинский националист, – ответил старик. – Они меня перевербовали.

В Москве бывший Миша Либерман, а по документам Иван Червоненко закончил специальную языковую школу с блестящим знанием английского и французского языков, поступил в Военный институт переводчиков, после окончания которого был приглашен в Высшую школу КГБ. Имя прадеда открывало заветные двери в самые престижные области деятельности. Иван Червоненко работал сначала в МИДе, потом в посольствах и консульствах многих стран Европы, а после распада Советского Союза, осел в Киеве, потому что женился на Ирине, директоре инвестиционной компании и по-совместительству дочери одного из киевских олигархов. Отец Ирины познакомил его с первым президентом Украины. – Это правда, что вы родственник Ивана Трофимовича Червоненко? – спросил президент, сощурился. – Это мой прадед, – скромно признался Иван Червоненко. – А вы знаете, что я встречался с вашим дедом в Америке? – спросил президент и не ожидая ответа, продолжил: – Я тогда был сек-

ретарем ЦК партии по идеологии и встретился с украинским землячеством в Нью-Йорке. Ваш дед был непререкаемым авторитетом для всех украинских националистов от Австралии до Канады. Мы с ним, оказывается, земляки. Он, между прочим, еще тогда предрекал гибель советской империи и верил в свободную и независимую Украину. Мощный старик, прошедший сталинские лагеря и сумевший организовать легендарный побег в Америку. Кстати, чем вы занимаетесь в Киеве?

– Хочу открыть собственный бизнес, – ответил правнук.

– Намерение хорошее, – одобрил президент, – но у вас прекрасное образование. И кроме того, ваш знаменитый прадед не простил бы нас, если бы мы не предложили вам настоящую работу во имя Украины. У нас формируется новая Служба безопасности. Не хотите помочь Украине в ее организации и работе?

– Когда-то я закончил Высшую школу КГБ, – признался Иван Червоненко. – С таким багажом за спиной в новой Украине доверия не будет.

– О чем вы говорите? – возразил президент. – С таким прадедом вам будут открыты все двери. А разве в школе КГБ готовили плохие кадры?

На следующей неделе новый руководитель службы безопасности Украины пригласил Червоненко на беседу и предложил организовать и возглавить новую аналитическую группу СБУ.

С тех пор Иван Червоненко связал свою жизнь с украинской спецслужбой и дорос до заместителя начальника по кадрам. Говорил он только на украинском языке, и был ярким последователем идей Коновальца и Бандеры. Цитировал наизусть целые абзацы и афоризмы из их сочинений и выступлений. Тайно содействовал успеху сначала оранжевого Майдана, затем Майдана достоинства с доставкой снайперов в гостиницу, которые оттуда отстреляли, как беркутовцев, так и митингующих. На тайных встречах с руководителями Майдана Иван Червоненко предоставил им аналитические данные, свидетельствующие о том, что войска соседней страны вводиться не будут, и президента, свалившего из Киева, надо валить немедленно, признав его неспособным исполнять обязанности президента. Неудивительно, что спустя некоторое время, он был назначен начальником Коблевской областной службы безопасности. Его перевоплощение из еврейского мальчика на убежденного украинского националиста оставалось для всех тайной за семью печатями. Об этом не знали даже его жена и дети. Когда-то его прадед перед смертью прислал ему через третьих лиц письмо, в котором, между прочим, упомянул, что тайна тогда остается тайной, когда ее знает только один человек. И еще, писал его прадед, что он встречался в Нью-Йорке с лидером всех хасидов, который сказал ему, что рожденный евреем, после смерти будет принят Богом, как еврей, какую бы религию он не исповедовал, какой бы национальности он не был и какую бы фа-

милию не носил.

Просматривая сводку событий истекшего дня, Иван Червоненко обратил внимание на события в городском управлении полиции и задержании полковника Снаткина, а также убийстве одного из руководителей «Национального корпуса» Петренко. Он подчеркнул красным карандашом оба этих сообщения и поднял трубку телефона. В кабинет тот час же заглянул его помощник, майор Перепелица.

– Сергей Петрович, – обратился к нему Червоненко, – а ну выясни, пожалуйста, кто от нас входит в оперативную группу по Снаткину. Я хочу знать информацию из первых рук.

– От нас, – доложил сразу же Перепелица, – в помощь городской прокуратуре откомандирован исполняющий обязанности начальника отдела по борьбе с коррупцией майор Скоморох и капитан Потебенько.

– Свяжись, пожалуйста, с майором Скоморохом, – попросил Червоненко, – и выясни у него, кто вышел на полковника полиции и как идет расследование. Чувствую, что кто-то нас в этом деле обошел.

– Хорошо, Иван Трофимович. Что-нибудь еще?

– Нет, спасибо.

– Звонила ваша жена, Ирина Николаевна, – сообщил помощник, – напомнила, что вы должны перед сном принять лекарство от холестерина.

– Спасибо. Скажи шоферу, что через сорок минут поедем по домам. Я тебя подброшу.

– Спасибо, Иван Трофимович.

Через пятнадцать минут майор Перепелица снова вошел в кабинет.

– Иван Трофимович, майор Скоморох хочет лично доложить вам обстоятельства задержания полковника Снаткина. В ходе расследования возникли какие-то проблемы, которые он хочет обсудить лично с вами. Сейчас час ночи, – добавил он. – Может, пусть придет завтра, к десяти?

– Завтра в десять совещание у губернатора, – посмотрел в свою записную книжку начальник службы безопасности. – Спроси его, он уложится в двадцать минут? Если да – приглашай.

– Хорошо, – удалился Перепелица, но через несколько минут вернулся с карточкой, на которой была наклеена фотография майора Скомороха и его полная биография с комментариями специалистов отдела внутренней безопасности. Такие карточки имелись на всех сотрудников Коблевской службы безопасности. И в обязанности Перепелицы входило класть эти карточки на стол Ивана Трофимовича перед встречей с сотрудником. Червоненко бегло пробежал глазами по карточке Скомороха и зацепился за выводы специалиста-психолога управления внутренней безопасности, который выделил синим цветом суждение, что «Василий Васильевич Скоморох беспредельно предан идеалам Майдана, был его активным участником, однако является убежденным антисемитом, что следует из его постоянных высказываний,

склонен к садистским методам допроса. Возможно его использование в дискуссиях с еврейской элитой города и области для обращения ее к воплощению в жизнь идеалов Революции достоинства.»

– Разрешите? – спросил майор Скоморох, стоя в дверях кабинета.

– Входи, – разрешил начальник службы безопасности области и еще раз взглянул на карточку, лежавшую перед ним. – Василий Васильевич, – сказал он, – присаживайся, в ногах, как говорится, правды нет.

Со всеми сотрудниками, несмотря на звания, должности и возраст, Иван Трофимович был на «ты».

– Спасибо, – ответил Скоморох и сел на предложенное ему место, в конце длинного стола для совещаний руководства областной службы безопасности.

– Что там случилось со Снаткиным? – спросил Иван Трофимович, не поднимая головы от карточки.

– Полковник Снаткин задержан в связи с получением взятки в особо крупном размере, – четко отрапортовал Скоморох и автоматически встал.

– Сиди, – взглянул на майора и махнул рукой Червоненко. – Этого Снаткина разрабатывали мы?

– Никак нет, – ответил Скоморох и снова поднялся. – Старший детектив НАБУ Волошенко наблюдал за ним месяц через микрокамеру в аквариуме.

– Понятно, – недовольным тоном сказал начальник. – А

где были мы? Или у нас нет агентуры в полиции?

– У нас есть информаторы, но в этот раз что-то не сработало. Будем разбираться.

– Разберись, пожалуйста. С доказательствами у прокуратуры все в порядке? – спросил Иван Трофимович, снова не глядя на Скомороха.

– Как раз по этому вопросу я и хотел с вами... посоветоваться, – сказал Скоморох. – Но сомневался, не хотел вас по пустякам беспокоить. И тут звонок от вашего помощника.

– Какие-то проблемы возникли? – Иван Трофимович посмотрел прямо в глаза Скомороха, отчего Василий Васильевич внутренне похолодел. Взгляд начальника был презрительно-внимательный и казалось, не обещал ничего хорошего.

– Исчез взяточдатель, – сказал Скоморох. – Гражданин Украины еврейского происхождения. Сначала он притворился больным и его из прокуратуры отвезли в больницу, оттуда его забрали активисты общества «Москоляку на гиляку».

– Как забрали? – удивился начальник. – В больнице же есть пост полиции.

– Будем разбираться, – сказал Скоморох. – Я выяснил, что взяточдателя Пермана это общество продало обществу «Самозащита» за двадцать тысяч долларов.

– Что значит «продало»? – возвысил голос Червоненко.

– Я встретился с полковником в отставке Остапом Ивано-

вичем Недобойко и выяснил, что Остап Иванович возглавляя общество «Самозащита», заключил договор купли-продажи евреев с израильской фирмой «Сионские мудрецы». За каждого еврея, который страдает от антисемитских акций или может оказаться в руках антисемитски настроенных людей, общество «Самозащита» получает тридцать тысяч долларов. Они выкупили взяточдателя Пермана и передали его на хранение в нашу местную синагогу. Когда я потребовал от полковника Недобойко вернуть Пермана в прокуратуру, он категорически отказался. Я хотел его арестовать, но он начал шантажировать меня звонком к вам, а дело уже было за полночь и я не решился на его арест.

– Откуда тебе стало известно, что Недобойко занимается таким противозаконным делом? Из агентурных данных?

– Нет. Полковник Недобойко сам мне все рассказал. Я предупредил его, что Перман является государственным преступником и его нужно вернуть в прокуратуру. Полковник Недобойко тогда предложил мне сделку: если я даю ему пятьдесят тысяч долларов, он возвращает мне Пермана. Я, естественно, отказался, и тогда он обматерил меня и назвал душегубом. Свидетелем происшедшего был капитан Иван Потребенько.

– Ну и дела, – возмутился начальник. – Нам еще этого не хватало, торговли евреями. Это какой-то совок. Тогда их продавали за пшеницу. А у нас их продают из-за, якобы, антисемитских настроений в стране. Это же международный

скандал. Ты сам в это веришь, что у нас притесняют евреев?

– Никак нет, – ответил Скоморох. – У нас премьер-министр – еврей.

Он даже захотел сказать, что его будущий зять также является евреем, но решил это не обнародовать в связи с неизвестным отношением начальника к этому факту.

– Что ты предлагаешь, майор?

– Я предлагаю направить спецназ в синагогу и захватить Пермана, пока они не переправили его в Израиль.

– А завтра этот пропагандон Кордон, сионистский выкормыш, очернит нас на весь мир. В этом месте майор Скоморох возблагодарил Бога, что тот не дал ему возможности рассказать о позорном факте его биографии. – Нет, майор, – продолжил Червоненко, – это не наши методы. Но и уйти этому Перману мы не можем позволить. На всякий случай, приглядим за зданием синагоги, чтобы оттуда мышь не смогла проскользнуть.

Начальник службы безопасности испытующе посмотрел на стоявшего Скомороха.

– А почему ты до сих пор исполняющий обязанности начальника отдела? – вдруг спросил Иван Трофимович. – Тебе скоро на пенсию, а ты, как мальчишка, гоняешься всю ночь за каким-то евреем.

– Так я исполняющий обязанности только месяц, – затрепетал Скоморох. – На время болезни нашего начальника Полетаева.

– В общем, так майор, – сказал с металлом в голосе Червоненко, – полковник Недобойко явно скурвился. Я даю тебе пятьдесят тысяч долларов, ты передашь их Остапу Ивановичу, мы арестуем его при получении денег, а ты заберешь Пермана. Если все пройдет нормально, получишь звание подполковника и в придачу отдел. А кроме того, поручаю тебе лично провести профилактическую беседу с местным раввином.

– Я с удовольствием сделаю это, – пообещал Скоморох, розовея от радости.

– За ермолку не трогать, не пугать, не грозить, просто предупредить священнослужителя о недопустимости использования религиозных учреждений для укрытия от уголовной ответственности граждан Украины еврейского происхождения.

Иван Трофимович поднял трубку и в дверях появился его помощник Перепелица.

– Сергей Петрович, утром выдадите майору Скомороху пятьдесят тысяч долларов, предварительно помеченных, как положено при проведении операции и снабдите его соответствующими записывающими устройствами, а также выделите в распоряжение майора две машины с оперативниками.

– Будет сделано, – ответил Перепелица и пригласил Скомороха выйти.

– Желаю удачи, майор, – сказал Червоненко, не вставая.

– Слава Украине, – вскричал Скоморох и вышел.

– Водитель уже прогревает машину, – сказал Перепелица.

– Пусть отвезет тебя домой. А мне опять не до сна. Появились срочные задачи, которые надо решить немедленно.

– Иван Трофимович, – взмолился помощник, – а таблетку вы приняли? Ирина Николаевна меня со свету сживет.

– Хорошо, что напомнил, – улыбнулся Иван Трофимович. – И с майором согласуй, когда ему удобно завтра явиться. Операция того стоит.

Василий Васильевич приехал домой в приподнятом настроении. Жена Вера проснулась, как только он вошел в прихожую, вышла в кухню в ночнушке, зевая, задвигала посудой, чтобы приготовить ему еду. Он подошел к ней сзади, обнял и поцеловал. Она обернулась к нему с улыбкой и спросила:

– Чего ты сегодня такой веселый?

– Премию получил, – с гордостью сказал Скоморох и выложил на кухонный стол пачку долларов.

Жена села за стол, начала считать деньги.

– Ровно десять тысяч, – с радостью сказала она. – У вас уже гривна не котируется? Выдают долларами?

– Между прочим, – заметил Василий Васильевич, – Международный валютный фонд дает кредит нам в долларах, а не в гривнах.

– Наклони голову, – потребовала жена.

Скоморох нагнулся и жена сочно поцеловала его в губы.

– Кормилец ты наш, – ласково сказала она. – Эти деньги пойдут на Анфискину свадьбу. – тут же твердо произнесла она и сунула деньги себе в бюстгальтер. Несколько стодолларовых купюр выпорхнули из ее рук и разлетелись по кухне. Их никто не стал собирать.

Василий Васильевич любовался женой и находил ее в этот

момент самой красивой и самой соблазнительной на свете. Жена встала к плите, чтобы налить ему борщ и очертания двигающихся бедер всколыхнули в нем желание тут же увлечь ее в спальню, но он знал, что пока она его не накормит, никакого дела не будет.

«Да ей эта Машка и в подметки не годится, – подумал почему-то Скоморох. – Кто в молодости красив, тот и в старости пригож»

Жена подала на стол глубокую тарелку борща, вынула из холодильника буженину, сервилат, голландский сыр и охлажденную бутылку водки.

– Не-е, – сказал Василий Васильевич, – здесь у нас на столе чего-то не хватает.

– Огурчики? – зарделась жена.

– Огурчиков не хватает точно, но и второго стакана я тоже не вижу.

– Васюня, – сверкнула глазами жена, – уже пол второго ночи. Завтра соображу вечером ужин на двоих.

– До завтра еще дожить надо, – сказал Скоморох и обхватил жену сзади. – Неси второй стакан.

Жена игриво вырвалась из его рук и пошла в зал. Пока Скоморох хлебал борщ, закусывая ломтем буженины, он слышал журчание воды в ванной, шуршание какой-то одежды, затем увидел жену в шелковом китайском халате. От нее несло французскими духами. Она поставила на стол еще один стакан, разлила водку в них, подняла свой стакан и ска-

зала:

– За тебя!

Василий Васильевич тоже поднял стакан и сказал:

– За тебя!

Два стакана звякнули друг об друга. Муж и жена практически одновременно опрокинули в себя водку. Причем жена сначала скривилась, схватила со стола соленый огурец и закусила им.

– Деньги не растеряла, когда переодевалась? – спросил Скоморох.

Жена, рассмеявшись, расстегнула халат и Василий Васильевич увидел ее голую грудь

– Не беспокойся, – мотнула она головой, – все уже оприходовано.

– Я и не беспокоюсь. Кстати, между первой и второй – перекурчик небольшой, – наливая водку жене и себе предложил Скоморох.

– Может, мне хватит? – для вида сказала жена. – Я уже пьяная.

– Обижаешь, – с гордостью произнес Скоморох. – Обижаешь подполковника службы безопасности.

– Тебе присвоили новое звание? – с радостью вскочила жена. – Так что ж ты молчишь?! Налей мне полный стакан! Наконец-то и на нашей улице будет праздник.

Она выпила полный стакан водки и плюхнулась на колени к Василию Васильевичу, обнимая и целуя его.

– Еще не представили, – выпив второй стакан и рукой проведя по губам, сказал он. – Но обещали, если завтра я выполню одно очень ответственное задание. А я его выполню обязательно.

– Ты его выполнишь обязательно, – пьяным голосом подтвердила жена. – Потому что я тебя люблю.

Она попыталась встать с колен мужа, но не смогла

– А хочешь поиметь меня здесь, прямо на столе? – спросила она мужа и сбросила с плеч цветной халат.

Скоморох помог жене встать и халат бесшумно соскользнул на пол. Обнаженная жена легла на свободную часть стола и подняла голые ноги.

Василий Васильевич уснул сразу же, как только они, поддерживая друг друга, дошли до кровати в спальне. Ему снился какой-то калейдоскоп снов, то Маша кричала на него, что он импотент, то Остап Иванович Недобойко, пересчитывая деньги, сказал, что не хватает одной тысячи и Скомороху пришлось доложить свои, что немного расстроило его, то появился Перман, которого он никогда в жизни не видел с рогами, в копытах и с хвостом. «Прочь, – кричал он взяточнику и открыл глаза. Голая жена пыталась лечь на него, тоже голого, шепча, что у него же на столе получилось. «Не гони меня, любимый, – просила она в полусне. Но Василий Васильевич, столкнул ее с себя, перевернулся на живот и снова уснул

Адвокат Кемельман, когда рассказывал Маше, что его связи с женщинами, не является изменой жене, немного лукавил. Эти интимные отношения в тайне от жены были что-то наподобие мелкой мести ей. На самом деле, женись на Кате Сазоновой, актрисе местного русского театра имени В.П. Чкалова, которая, по мнению театральной общественности, была красавицей, он не предполагал, что Катя за неделю до свадьбы переспит с его другом Кириллом, фотокорреспондентом областной газеты «Правда Прибужья».

Сидя на свадьбе и глядя на танцующую невесту, Кирилл наклонился к Альберту и тихо сказал:

– Какую классную телку ты взял в жены. А я испугался. Теперь ты один будешь всю жизнь пить шампанское.

– О чем ты, Кирюша? – не понял Алик пьяного друга.

– Неделю назад она сама пришла ко мне, сказала, что любит меня и решила потерять свою девственность до брака с любимым человеком. А замуж пошла за тебя. Эти два решения она приняла сама.

Красивое лицо Кирилла в бородке, его шевелящиеся толстые губы, полузакрытые глаза показалось Алику ужасно отвратительными и ненавистными.

– Как вы могли так поступить со мной? – ударила в голову, пробила ее, как гвоздь, и застряла в ней мысль. – Мой

лучший друг и моя невеста?!

Алику казалось, что он закричал от боли, но его губы даже не раздвинулись.

Музыка смолкла, невеста возвращалась на свое место к жениху, счастливая, смеющаяся, молодая и красивая.

– У меня есть тост, – поднялся Кирилл.

Все захлопали. Катя остановилась и обратила свое лицо к Кириллу.

– Лишь тот достоин счастья и свободы, кто каждый день идет за них на бой. Мой друг Алик и его очаровательная невеста Катя, ребята, я вижу вас через двадцать лет такими же счастливыми, как и сегодня. Для семейного счастья многого не надо. Нужно быть таким целеустремленным, как Алик, который, как ледокол, пробивает все препятствия и таким капитаном, как Катя, которая в нужный момент вывернет этот корабль в спокойное русло. Вы просто созданы друг для друга. Я поднимаю эту рюмку за вас, дорогие, но до чего же горькая водка на этой свадьбе. Или я не прав? Горько!

– Горько! – грохнула свадьба.

Катя подошла к Алику, у которого не было сил встать. Она наклонилась к жениху и тихо сказала:

– Если ты сейчас не встанешь, я уйду со свадьбы.

Ее лицо сверкало радостью, улыбка приклеилась к нему, как банный лист.

Алик встал и они обнялись и поцеловались.

– Что случилось? – шепнула она тихо ему в ухо. – На тебе нет лица.

– Я смешал шампанское с водкой, – вымученно сказал он первое, что пришло в голову. – Меня просто мутит.

– Тогда проводи меня в туалет, – решительно сказала она. – Свадьба только началась. Я знаю, что надо сделать.

В женском туалете она еще раз внимательно посмотрела на него. Алик старался не смотреть ей в лицо.

– Попробуй выпить как можно больше воды, – предложила она. – И тогда ты сможешь вырвать.

– Зачем ты сделала это? – вдруг спросил он.

– Что? – расширила она свои прекрасные серые глаза.

– Зачем ты выходишь замуж за меня, а любишь при этом другого?

– Я не хотела, чтобы Кирилл был у нас свидетелем. Я не хотела, чтобы он был у нас на свадьбе. Почему ты меня не послушал?

– Потому что перед свадьбой ты сама предложила ему переспать с тобой? И теперь вы оба в шоколаде, а я в дерьме.

– Я поступила ужасно и теперь это осознаю, – спокойно сказала она. – Еще неделю назад мне казалось, что я люблю Кирилла. Да, я переспала с ним, потому что подумала, что мужу я никогда и ни с кем изменять не буду. А до замужества переспать с любимым человеком, разве это грех? Зато после этого у меня спала как бы повязка с глаз. Я ошиблась. Это была нелюбовь. Это было просто безумие.

– Спасибо за искренность, – глухо сказал Алик. – Я считаю, что после этого, мы не можем быть вместе.

– А я считаю, что я нужна тебе и у нас все будет хорошо. Назло всем. Самая правильная любовь – это любовь осознанная, когда понимаешь, что это не безумие, не страсть, не дружба. Любовь – это, как воздух, когда рядом нет этого единственного человека, твоей половинки, дышать становится больно или даже невозможно и жить можно только в скафандре.

– Это монолог из спектакля? – спросил Алик.

– Переспав с Кириллом, я поняла, что я его не люблю. Но если это для тебя так важно, мы можем прекратить свадьбу и объявить о нашей ошибке.

– Я так тебя люблю, – вдруг разрыдался Алик. – И я не могу себе просто представить, что кто-то может быть с тобой в постели, кроме меня. Получается, я берег тебя для Кирилла?

– Удивительно, что молодой адвокат не может просчитать жизнь на два шага вперед. Люди женятся, чтобы быть вместе, чтобы родить детей, чтобы оберегать друг друга от несчастья, помогать друг другу в беде, радоваться удачам. А если бы меня изнасиловала рота солдат, ты тоже бы от меня отрёкся?

– Это несравнимо. Пусть лучше бы он тебя изнасиловал, тогда я мог бы отомстить ему, убить в конце концов. Но ты отдалась ему сама. Это рана, которая никогда не заживет.

– Хорошо, – сказала она, покусывая губы. – По твоему,

мы теперь не должны быть вместе?

– Я не знаю, – вытирая выступившие слезы, сказал Алик. – Я еще два года назад попросил Бога, чтобы ты стала моей женой. Я написал это в записке к нему, когда был в Иерусалиме. И был счастлив, когда ты согласилась стать моей женой.

– Ты должен был быть готов, что Бог ничего не дает даром. Мы приобретаем все через страдания. Если ты искренне простишь меня, ты никогда не пожалеешь об этом. Но возможен и другой выход. Мы доигрываем свадьбу до конца, как ни в чем не бывало, но не едем в гостиницу, а разъезжаемся по домам. Я приму любое твое решение. Просто жалко наших родителей.

– А где наши жених и невеста? – крикнул кто-то.

– Заперлись в женском туалете. Видно замуж невтерпех. – рассмеялась в ответ какая-то женщина.

– Нам надо немедленно выйти, – испуганно сказала Катя.

– Я не могу без тебя жить, – сказал ей Алик.

Она поцеловала его в щеку.

– Ты просто выдернул сейчас меня из пропасти, – прошептала Катя.

В гостинице Катя повела себя как опытная женщина. Она аккуратно сняла с себя свадебное платье, разложила его на кресле, потому что оно было взято на прокат и его нужно было вернуть таким же белоснежным.

– Кто первым из нас пойдет в душ? – спросила она, стоя перед ним в бюстгальтере и трусиках.

– Наверное, я? – неуверенно сказал Алик.

– Тебе помочь раздеться? – спросила она.

– Нет, я сам, – сказал он, снимая пиджак. Когда дело дошло до брюк, он попросил:

– Ты можешь отвернуться?

– Конечно, – согласилась она и отвернулась.

Алик разделся до трусов и пошел в ванную. Там он снял трусы и стал под горячий душ. Он не заметил и не услышал, как вошла Катя и понял, что она рядом только тогда, когда она прижалась к нему. Алик открыл глаза и они начали целоваться. С этого момента он перестал ее стесняться.

Утром она разбудила его и сказала:

– Алик, ты самый классный. Ты – мой муж, ты – моя часть.

Ты никогда не пожалеешь, что женился на мне.

Ее большие серые умные глаза сияли от счастья.

С первых же дней совместной жизни они решили жить самостоятельно, не зависеть от родителей, и сняли недорогую комнату с земляным полом в поселке Ялта под городом, где все дома были построены самовольно, без разрешения властей. Вода находилась в колодце, уборная была во дворе с перекосившейся дверью. Свет можно было включать только после семи часов вечера, потому что инспекторы электронадзора после семи вечера боялись появляться в поселке. Каждый вечер в мутное окно кто-то стучал и спрашивал, самогончику не хотите, пятьдесят копеек стаканчик. Утром Катя уходила на репетицию в театр, Алик в юридическую

консультацию. Добираться до города приходилось на автобусе, который отправлялся раз в час. Когда Алик приходил с работы, он приятно удивлялся идеальной чистоте, которую наводила Катя в те несколько дневных часов, когда была свободна, находясь в этих экстремальных условиях. Вечером она спешила на спектакль и Алик всегда являлся на остановку автобуса, который приходил в одиннадцать часов вечера, чтобы встретить Катю. Автобус оставался ночевать в поселке до шести утра. Она приезжала всегда веселая, жизнерадостная с охапкой цветов. Они шли в свою берлогу, рассказывая друг другу события прошедшего дня. Артистка областного драматического театра получала семьдесят рублей в месяц, а стажер адвоката сто двадцать. Тридцать рублей стоила комната, еще тридцать уходило на духи и крема, Катя следила за собой особенно тщательно. Но зато в дни получения заработной платы они шли в центральный колбасный магазин на Большой Морской и Советской, вдыхали ароматы колбас, покупали целую головку буженины и палку полтавской колбасы, бутылку «портвейна» и устраивали себе в комнате праздник. Через шесть месяцев в их комнату заглянул отец Кати, директор кооператива по производству пластмассовых изделий для ижевского «Москвича», и на семейном совете Катиных родителей было решено, что мать отца переедет жить к своему сыну, а в ее однокомнатной квартире будут жить молодожены. К этому времени Алика приняли в члены коллегии адвокатов Коблевской области. Первые

месяцы адвокатской деятельности были практически безденежными. Никто не хотел иметь дело с молодым неопытным адвокатом. И Альберта посылали на бесплатные дела по назначению. Особенно ему запомнилось первое дело в Снигиревском районном суде. Дело было об убийстве сокамерника. Подзащитный, крупный мужчина с багровым лицом, осужденный за умышленное убийство к десяти годам лишения свободы, задушил своего сокамерника в камере предварительного заключения, потому что тот проигрался в карты и не смог в срок вернуть деньги. Подсудимый признавал себя виновным, молчал, и даже не смотрел на адвоката. По сути судья должна была назначить ему за повторное убийство высшую меру наказания – расстрел, что и требовал представитель прокуратуры. Убийца характеризовался крайне отрицательно, это была у него четвертая ходка, и Алик не знал, что нужно сделать и сказать, чтобы его подзащитный не получил бы высшую меру наказания. Начинать свою адвокатскую карьеру с такого печального результата было просто плохим знаком. Свидетелем в суде выступал еще один сокамерник и инспектор тюрьмы, как представитель организации, где произошло убийство. Сокамерник заявил, что ничего не видел и не слышал, так как спал. Инспектор показал, что подсудимый характеризуется с отрицательной стороны и заслуживает самого строгого наказания. – Скажите, – спросил Алик инспектора, – игра в карты в камере допускается вашими инструкциями? Представитель тюрьмы посмотрел

на Алика, как на инопланетянина и продолжил зачитывать какие-то справки о подсудимом. Судья прервала его и попросила ответить на вопрос адвоката. – Конечно, нет, – ответил представитель тюрьмы. – Но мой подзащитный и потерпевший играли в карты, как установлено следствием. – Ну и что? – удивленно ответил инспектор. – Что вы хотите этим сказать, что мы виноваты в том, что Иванов убил Косевича? Они, обвиняемые, всегда играют в карты вместо того, чтобы читать «Комсомольскую правду».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.